

УРАЛЬСКИЙ

Следопыт

3
1966

УРАЛЬСКИЙ Следопыт



ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ
СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ РСФСР
СВЕРДЛОВСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ СОЮЗА
ПИСАТЕЛЕЙ И СВЕРДЛОВСКОГО ОБКОМА ВЛКСМ

ПРИКЛЮЧЕНИЯ И
ФАНТАСТИКА

О ГЕРОЯХ —
ЗЕМЛЯКАХ

РАССКАЗЫ
БЫВАЛЫХ ЛЮДЕЙ

МЕЧТЫ
СОВРЕМЕННИКОВ

УРАЛ
ВЧЕРА
СЕГОДНЯ
ЗАВТРА

ЗАНИМАТЕЛЬНОЕ
КРАЕВЕДЕНИЕ

КОРОТКИЕ
РАССКАЗЫ

Следопытские
ДЕЛА



Большие вести с Большой Земли.

Фото Ю. Мура

БРАТСТВО

Всем на съезд бы съехаться!
Да очень
Выросла партийная семья.
Но смотрите:
вот мой друг-рабочий.
Он в Кремле!
А значит, с ним — и я.

Кто нас в жизни разобщит, разделит,
Разведет прицельность наших глаз!
Разве у меня не те же цели?
Разве правда не одна у нас!
Гневные,
весомые, как гири,
За море летят, горя, слова.
Это снова о войне и мире
Говорит солдатская вдова.

Вы от слез ей осушите очи
И уберегите от обид.

Это — мать моя.
Она не хочет,
Чтобы, как отец, я был убит.

Воинство мечтателей седое,
Юноши, пронзающие высь!
Вашей страстью, вашим непокоем
И моя заполонена жизнь.

Нам ли порознь за большое браться!
Никогда!

Хоть все углы обшарь,
Только на содружестве и братстве
Держится земной зеленый шар.

Значит, под рубиновым созвездьем
Вместе с каждым человеком — я.
И, подобно мне, на нашем съезде
Вся Россия,

вся земля моя!

Олег ПОСКРЕБЫШЕВ



В ОГНЕННОМ КОЛЬЦЕ

Звездная августовская ночь. Пятнадцатилетний красногвардеец Ваня Бойков настороженно всматривается в темноту, прислушивается к малейшему шороху. Совсем недавно он вступил добровольцем в Белорецкий полк и вот уже несет суровую солдатскую службу. Сегодня Ваня в заставе за поселком.

В полночь появились командир роты Сысоев и председатель заводского парткома Козлов. У обоих на боку — револьверы, за спиной винтовки. Расспросили, как чувствуют себя красногвардейцы, рассказали о фронтовой обстановке, предупредили:

— Держите ухо востро. Беляки могут ударить внезапно.

В одной роте с Ваней — знакомые: рабочий Семен Овечкин и трое его сыновей. С младшим, семнадцатилетним Федей, Бойков дружит. Сегодня Федя по секрету сообщил:

— Пойдем к Уфе. Прорвем линию железной дороги, а оттуда — рукой подать до наших.

Казачий полк, прикрывавший выход партизанской армии из Белорецка, получил приказ: отбить врага любой ценой.

Утром поднялся густой туман. Послышался дробный стук копыт. Перед заставой появился развезд белых и тотчас, без выстрела, скрылся.

Белорецк ожил. По улицам шли пехота, артиллерия, конница, потянулись обозы. В это время белоказачи широким фронтом устремились на Белорецкий полк, чтобы смять его и прорваться в город. Партизаны открыли дружный огонь. Теряя убитых и раненых, белые отступили. По оврагу к позициям подъехали кухни. Партизаны с аппетитом принарядились за кашу. Слышатся шутки, смех.

— А лихо перли казачки!

— Куда там! Думали взять с налета. А удирали похлеще зайцев, только пятки сверкали!

Короткий отдых кончился внезапно. Бу-бу-у! — донеслось с тракта. Белогвардейцы начали артиллерийскую подготовку. В ответ заговорили партизанские пушки. Показалась вражеская пехота. Одна за другой шли в наступление цепи.

Ваня целится долго, и Федя успевает за это время сделать два-три выстрела.

Белогвардейцы уже совсем близко. Вот-вот они бросятся в атаку. Кто выдержит? Как по команде, справа и слева по флангам белых яростно ударили пулеметы партизан. Цепи наступающих смешались, повернули назад.

Очередная атака белых отбита. Федя, разгоряченный боем, посмотрел на товарища.

— Как, Ваньша, душа через пятки не выскочила?

Ваня сконфузился.

— Нет. А что?

— Не серчай, я без подковырки. Скажи-ка, — замялся Федя, — патроны у тебя есть?

— Есть.

— А я, понимаешь, все израсходовал. Дай десяток взаимы.

Ваня достает из кармана по одному патрону и бережно кладет в фуражку товарища.

Ночью с позиций снялись Белорецкий и конный полки, направились следом за ушедшей партизанской армией. На мосту командир роты остановил бойцов и, показав на телеги с ломами, сказал:

— Рушьте мост. Доски — в воду.

Партизаны шли по тракту, стиснутому отвесными скалами. Нещадно палило солнце. Пыль застилала глаза, было трудно дышать. Отдыхали на коротких привалах.

Через неделю перевалили через Уральский хребет и повернули на север, к Уфе.

Начались непрерывные бои. Белые двигались по пятам, наседали с флангов. 29 августа колонны подошли к станции Иглино. Здесь враг сосредоточил отборные силы, намереваясь уничтожить партизан до соединения их с Красной Армией. Главком Блюхер приказал бригаде

ЗАВОДСКИЕ СЛЕДОПЫТЫ

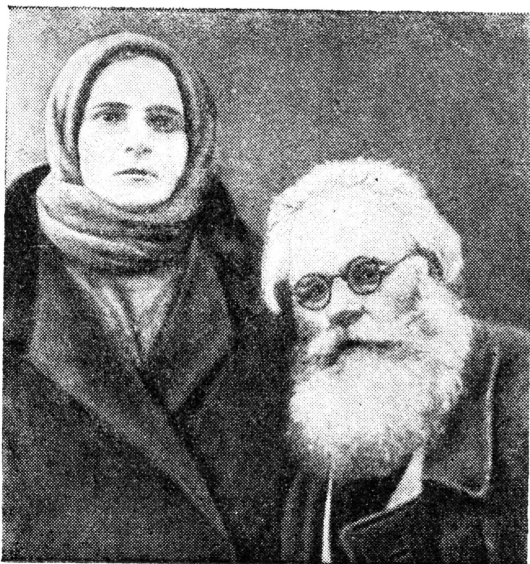
● Новый, поблескивающий металлом аппарат заказан уралхиммашевцам Свердловска чехословацкими химиками. В нем — сотни стальных труб и деталей: электросварка сложнейшая. Нужно уметь наложить так называемый потолочный шов, причем каждый — из удачно найденного положения.

Точные, или дивные, швы при ручной сварке на уникальных аппаратах никто не умеет делать так, как Виктор Дмитриевич Лаборешных. У него свой «почерк».

Сын Виктора Дмитриевича Анатолий — тоже сварщик. Видно, передалась и ему немая отцовская любовь к этой профессии. Он тоже старается постичь тайну сложнейших сварочных швов.

● — Нет, не сразу прижилось это слово — **НОТ**, — говорит ученый секретарь научно-технического общества





Прасковья Гавриловна Волкова с отцом.
Фото 1922 г.

Ивана Каширина нанести главный удар. В прорыве участвовали и белоречане. Накануне Каширин объехал все подразделения, напоминал:

— Предстоящий бой — решительное испытание нашей силы и мужества, но мы должны победить!

На рассвете началось наступление. Белорецкий батальон почти вплотную подошел к железнодорожной насыпи. Вот он, главный рубеж!

Белые открыли ураганный огонь и начали контратаку. У партизан иссякли боеприпасы. Батальон попятился. Неожиданно появилась двуколка с патронами. К ней подбежала медицинская сестра Паша Волкова и крикнула ездовому:

— Сыпь патроны в подол! Только скорей! — и, пригибаясь, понесла их бойцам.

Положение, кажется, трудно спасти. Партизаны не выдержали натиска и начали отходить. На помощь с резервным батальоном бросился командир Белорецкого полка, скоординировал:

— За мной, в атаку!

Ваня и Федя шли в первых рядах наступающих. Вдруг Ваня упал. Около него появилась Волкова, стала перевязывать ногу. По-матерински ласково спросила:

— Больно?

— Нет, не очень, — стиснув зубы, ответил паренек.

— Ну, держись!

Взвалила Ваню на плечи и потащила в безопасное место.

Белогвардейцы бросили навстречу партизанам свежие части.

Наступил решающий момент. Иван Каширин взмахнул клинком. Конники ринулись в тыл противнику.

Напряженный десятичасовой бой кончился полным разгромом белых.

Десятитысячная партизанская армия вышла из огненного кольца.

А потом Иван Бойков вместе с друзьями-белоречанцами принимал участие в освобождении от колчаковцев Урала и Сибири. Когда кончилась гражданская война, вернулся на Белорецкий завод.

М. ГОЛУБЫХ

ЗАВОДСКИЕ СЛЕДОПЫТЫ

Уралхиммаша Юрий Гуляев. — Литейный цех долгие годы был у нас притчей во языцех: бесконечный брак, беспорядок, захламенность...

А фомы неверующие напрямки заявляли:

— Где уж литейщикам до научной организации.

Потому творческой бригаде, взявшейся за составление первого плана научной организации труда в горячем цехе, пришлось сначала убеждать, а затем искать. Присматривались, переделывали...

И обрубной участок преобразился. Толково расположили рабочие места, сократили грузовой поток, ручные перевозки. И все сделано без особых затрат.

● — Вот эти шестнадцать многометровых лепестков и образуют шар высотой с дом. Нелегко их раскроить из металла.

Просчитался — лепесток к лепестку не приваришь. Технология новая, чуть что — и стало дело, — жаловался мастер нового механосборочного цеха Уралхиммаша.

А такие «шарики» ох, как нужны заводам. Раньше жидкости хранили в цилиндрических баллонах, где давление неравномерное. В шаровых — на каждом участке одинаковое. Это очень важно.

Технологи, сварщики, монтажники бились неделю, другую, а выхода не нашли. И вспомнили тогда о лучшем бригадире котельщиков из цеха тяжелой химаппаратуры Василии Ивановиче Медведеве. Новатор! Двадцать четыре рационализаторских предложения его дали за семилетку сорок тысяч рублей экономии. Смело идет Василий Иванович на пересмотр технологии при монтаже крупных

машин. И все время экспериментирует.

Василий Иванович увлекся новым изделием. Долго вымерял готовые лепестки. Не раз отправлял утолщенные и





*К 90-летию со дня рождения
Клавдии Тимофеевны Свердловой
(Новгородцевой)*

СОРАТНИЦА АНДРЕЯ

Тимофей Новгородцев, имевший в Екатеринбурге небольшую торговлю, умер неожиданно, и все заботы о семье свалились на жену, женщину богобоязненную и беспомощную. Много лет спустя Клавдия Тимофеевна Новгородцева вспоминала: «Смерть отца повела к потере средств к существованию, прожили все и шли к нищете, ибо никто в семье не был подготовлен к какой-либо работе...»

Казалось, весь уклад жизни не способствовал воспитанию у девушки революционных настроений. Но рядом была другая жизнь. Прямо из окон дома Клавдия видела низкие закопченные корпуса Верх-Исетского металлургического завода. По ночам из жерла домы вырывались снопы искр и языки пламени; неумолчно бухали молоты, лязгало железо. Гибель и увечья рабочих, издевательства хозяев вызвали тревожные размышления о несправедливо устроенной жизни.

Опекуны определили девочку в единственную тогда в городе женскую гимназию.

Радостными событиями в жизни Клары Нов-

ЗАВОДСКИЕ СЛЕДОПЫТЫ



неточные по раскрою листы металла на доделку. Монтажники занимались подгонкой, «привязкой» лепестков, а бригада Альпа Афризонова монтировала крышки, подпоры.

И вот половина шара почти упирается в цеховые своды. Весь не соберешь — в ворота не пройдет. Но и половина «шарика» — картина внушительная, нечто космическое...

Пытливость, рабочая сметка Василия Ивановича помогли выполнить ответственный заказ большой химии. Сегодня завод перешел на серийное изготовление шаровых емкостей.

● На Уралхиммаше немало людей пытливых и ищущих. Не случайно сюда приезжают сотни делегаций. Всех интересует научная организация труда.

...Совсем недавно Ковалькова звали запросто — Васей. Заместитель секретаря комсомольского комитета, он был душой многотысячного отряда заводской молодежи. Вернувшись в цех тяжелой химической аппаратуры, Василий с головой окунулся в работу. Научная организация труда стала его компасом.

— Разведка делом, так мы понимаем НОТ, — замечает Ковальков. — Ищем новое, ломаем привычное, хотя и устоявшееся.

В научном плане этого участка — специализация бригад, цикловой график, пневматическое крепление деталей, полуавтомат сварки узлов, автомат для сварки порошковой проволокой, перевод сварки с узловой на полуавтоматическую...

Поиск идет по всем направлениям.

городцевой были редкие приезды родственника, студента Павла Яргина. Он появлялся точно из другого мира — мятежный, веселый, подвергал осмеянию, к ужасу взрослых, их верования и предрассудки. От него Клавдия узнала об интересных книгах. Позднее Яргин свел ее с либерально настроенными интеллигентами.

В старших классах гимназии девушка с жадностью читала произведения Белинского, Чернышевского, стихи Некрасова. Чтобы помочь семье, чуть ли не с 5-го класса стала заниматься репетиторством и со временем приобрела такую широкую популярность, что ей предложили даже остаться при гимназии. Но Клавдия думала о другом. Она решила посвятить себя просветительной деятельности среди народа.

В 1895 году Клавдия Новгородцева окончила гимназию и стала учительницей двухклассной школы¹ на Сысертском заводе.

Здесь, в атмосфере горячих стихийных схваток рабочих с заводчиками, юная учительница все больше стала задумываться над путями изменения жизни. Через три года Новгородцева отправилась в Петербург на курсы Лесгафта, которые были тогда наиболее прогрессивными и единственными, где от поступающего не требовали свидетельства о политической благонадежности.

В Питере она сразу окунулась в кипучую, революционно настроенную студенческую среду. Работа в марксистском кружке и изучение гуманитарных наук целиком захватили провинциальную учительницу. Насколько был важен петербургский период в идейном развитии Новгородцевой, свидетельствуют строки из ее автобиографии: «Мещанское окружение дома и слабость рабочего движения на Урале в 90-х и начале 900-х

¹ До революции существовали школы с 5-годовичным обучением, так называемые двухклассные.

годов заставили меня дольше, чем надо, путаться в бездейственных кружках либеральной молодежи, мечтать о революции со сложенными руками. Решительный толчок для выбора дороги мне дал 1-й том «Капитала» Маркса, хотя я многое в нем не понимала, и манифест РСДРП, выпущенный первым съездом».

Болезнь матери заставила вернуться в Екатеринбург.

Тихим и маленьким показался ей город. Еще более почернели и нахохлились хибарки Верх-Исетска. Разразившийся на Урале промышленный кризис сделал жизнь рабочих невыносимой.

Первые же встречи Новгородцевой с простыми людьми показали, что в общественной жизни произошли заметные изменения. Знакомые доверительно сообщали:

— Политики подымают народ. На заводе появляются листовки с призывом свергнуть царя.

Более обстоятельные сведения получила она от студента-марксиста Н. А. Чердынцева.

— Стронников марксизма, — рассказывал Николай Алексеевич, — на Урале немало, но они разрознены, многие ударились в экономизм. На этой почве создан «Союз социал-демократов и социалистов-революционеров», где мирное сожительство нашли экономисты и приверженцы индивидуального террора. Более принципиальные и зрелые социал-демократы в Екатеринбурге — Федор Сыромолотов, братья Черепановы — не пошли в эту организацию и разъясняют ее вред для рабочего движения. Теперь многие покидают «Союз». Большую роль в его идейном разгроме играет ленинская «Искра», тайно получаемая из-за границы.

Клавдии Тимофеевне вскоре удалось устроиться на работу. Она стала заведовать единственным в городе книжным магазином Клушина. Работа в магазине давала возможность общаться

ЗАВОДСКИЕ СЛЕДОПЫТЫ

● Задания всем были разные. Одни конструировали корпус совершенно новой машины. Другие делали мотор. А сарапульцам поручили создать радиоприемник.

До сих пор Ижевск славился мотоциклами. Теперь здесь рождается новый малолитражный автомобиль. Он не копирует ни «Москвича», ни «Запорожца». Он должен быть самым удобным, самым красивым, самым быстроходным и... самым дешевым.

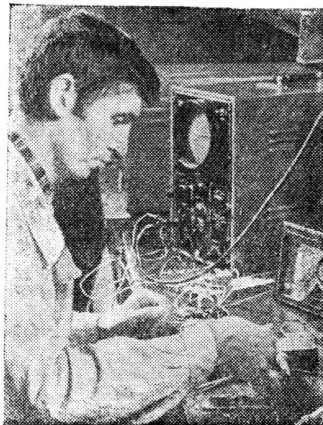
Как часто случается на Урале, после больших снежных заносов, из-за сильных морозов приходится ставить машину на прикол. До весны. Приемник тоже остается зимовать в гараже.

— Это не дело, — решили сарапульцы.

Инженеры Николай Шарпов, Валерий Лаврентьев, Виктор Ижболдин, Анатолий Ше-

мякин и Юрий Глухов стали работать над конструкцией приемника — автомобильно-переносного. Кончился сезон — достань его из кассеты и пользуйся дома.

Проектов было много. Вы-



брали пятый. Семидиапазонный. Питание от бортовой сети. В квартире — от батареи «крона». Антенна магнитная.

Словом, не было еще таких. Название пока не придумали. Сейчас объявили конкурс.

Зато за самими инженерами название закрепилось прочно. Приезжает главный конструктор автомобиля — сразу отправляется к «великолепной пятерке». Приходят репортеры — им тоже не приходится долго искать.

Успех сарапульцев — это их подарок XXIII съезду КПСС.

● На что тратят свое рабочее время бурильщики? На то, чтобы бурить скважины.

Оказывается, это не совсем так. В Оренбургском геологическом управлении подсчитали, что восемь процентов времени у разведчиков недр уходит на приготовление глини-



Дом Новгородцевых, где была штаб-квартира Екатеринбургского комитета РСДРП в 1905 году.

с большим кругом людей и распространять наиболее полезные в политическом и культурном отношении книги. С 1904 года Новгородцева в полной мере использовала место своей работы в интересах партийной организации. Здесь была явка, хранилась политическая литература, здесь находили пристанище нелегально приезжавшие профессиональные революционеры и т. д. У пишущей эти строки первые встречи с Клавдией Тимофеевной произошли также в магазине Клушина.

Помню, в начале 1905 года Клавдия Тимофеевна пришла в наш нелегальный ученический кружок, чтобы познакомить с Программой пар-

1904—1905 гг. печатались десятки тысяч листовок и брошюр, которые распространялись в Екатеринбурге и в других городах и рабочих поселках. Полиция сбивалась с ног, пытаясь напасть на след подпольщиков, в случае провала их ожидала свирепая расправа. Старая подпольщица Александра Петровна Кин в своих воспоминаниях рассказывает: «За период с мая по август 1905 года сменили три квартиры. С комитетом держали связь через Клавдию Тимофеевну. Всегда с нетерпением ждали ее прихода и беспокоились, когда она задерживалась»...

ЗАВОДСКИЕ СЛЕДЫНГТЫ

стого раствора. Очень расточительно! Вот почему геологи пришли к конструкторам завода бурового оборудования.

Инженеры засели за расчеты. Много было предложено и отклонено разных вариантов, пока в техническом отделе родился на ватмане агрегат для приготовления промывочной жидкости.

Изготовили опытный образец, испытали его в Предуральской экспедиции. Результаты обрадовали и геологов, и инженеров. Отныне на каждой буровой не нужно устанавливать механизм для приготовления глинистого раствора.

В конце прошлого года на заводе уже изготовили два агрегата, в 1966 выпустят десять. Но, очевидно, это число будет расти дальше.

● В Средней Азии на высокогорной реке Вахш строят-

ся Нурекская ГЭС. После долгих изысканий проектировщики установили, что воды Вахша способны заставить работать девять гидрогенераторов мощностью по 300 тысяч киловатт каждый. Создать мощную и быстроходную машину (200 оборотов в минуту) взялся коллектив конструкторов отдела гидрогенераторов завода «Уралэлектротяжмаш».

В разное время закончили Уральский политехнический институт Вадим Тугаринов, Леонид Феодосьев, Евгений Эльберт и Альвиан Свирин.

Под руководством опытного конструктора Валерия Ивановича Страхова они начали разработку «машины 300 тысяч», как называют ее в бюро.

И с самого начала столкнулись с массой трудностей. Из-за большой мощности, высоких электромагнитных загруз-

тки. Надо сказать, в ту пору в головах у кружковцев было немало путаницы, сдобренной солидной долей народнических представлений. Как сейчас, вижу спокойное, немного суровое лицо Клавдии Тимофеевны, умные серые глаза, слышу медленную, уверенную речь. Она терпеливо отвечала на наши скороспелые выводы, разъясняла вред и утопичность эсеровских взглядов на индивидуальный террор и крестьянство.

Новгородцева была прекрасным пропагандистом. Многие на Урале с уважением и благодарностью вспоминают ее как свою партийную наставницу.

Но Клавдия Тимофеевна была не только пропагандистом. С 1905 года, являясь членом Екатеринбургского комитета РСДРП, она осуществляла связь с подпольными типографиями, где в

листок и брошюр, которые распространялись в Екатеринбурге и в других городах и рабочих поселках. Полиция сбивалась с ног, пытаясь напасть на след подпольщиков, в случае провала их ожидала свирепая расправа. Старая подпольщица Александра Петровна Кин в своих воспоминаниях рассказывает: «За период с мая по август 1905 года сменили три квартиры. С комитетом держали связь через Клавдию Тимофеевну. Всегда с нетерпением ждали ее прихода и беспокоились, когда она задерживалась»...

зок и скорости оборотов гидрогенератора несложные для других машин вопросы переработали в проблему.

Например охлаждение обмотки статора. Какое лучше — водяное или воздушное? Если взять воду, то необходима очень тщательная отделка: даже незаметная трещинка может вывести из строя агрегат.

Вода должна быть идеально чистой, значит нужно установить сложное оборудование для ее очистки. После долгих поисков, споров и проверки выбрали водяное, как наиболее выгодное.

Наконец нужный вариант утвержден на техническом совете завода и в Новосибирске. Но и разработка рабочих чертежей также поставила новые и новые проблемы. Работа над нурекским гидрогенератором в самом разгаре. Поиски продолжаются.

Наши корреспонденты

Клавдия Тимофеевна устроила типографию за городом у своей тетки. Несколько месяцев работа шла гладко. Однако ранним августовским утром в домик ворвались полицейские и жандармы, схватили хозяйку дома Мыльникову и А. П. Кин. В то же утро была арестована Клавдия Тимофеевна и тут же отправлена в тюрьму. Когда при заполнении тюремной анкеты жандарм, перечисляя приметы, предложил ей снять с головы платок, сотрудник охраны самодовольно произнес:

— Не надо, сам тебе все расскажу. Нам ее приметы наизусть известны.

И вот первая тюрьма! Что ж, это неизбежно на выбранном пути. Угнетал провал типографии. Но ведь сделано было не так уж мало. Замечательная майская демонстрация, многолюдные массовки в лесу, окрепшие связи с заводом... В организацию вливались сознательные рабочие: на Верх-Исетском заводе — отец и сын Мокеевы, А. П. Смирнов (Платоныч), братья Николай и Степан Ермаковы; на Макаровской фабрике — Катя Денисова, на заводе Ятеса — Павел Кин.

В тюрьме здоровье Клавдии Тимофеевны ухудшилось настолько, что власти вынуждены были в сентябре освободить ее до суда под залог.

Аресты наносили Екатеринбургской организации серьезный урон, но Центральный Комитет РСДРП неизменно приходил на помощь. В октябре 1905 года в Екатеринбург был направлен Яков Михайлович Свердлов.

Оказавшись на свободе, Новгородцева решила уехать с Урала, где полиция следила за каждым ее шагом. Решение казалось вполне обоснованным. И тут Клавдия Тимофеевна сообщила, что с нею хочет говорить товарищ Андрей¹.

Вот как она сама описывает эту первую встречу с замечательным большевиком: «Много лет прошло с тех пор, забылись детали этого свидания, стерлись из памяти отдельные мелочи, отдельные штрихи, но разве забудешь то огромное, неизгладимое впечатление, которое с первой же встречи произвел на меня, как производил на всех, Яков Михайлович Свердлов?

— Что же, — начал Андрей, — собираетесь удирать с Урала?

— Удирать? Удирать я не собираюсь.

Спокойно и обстоятельно изложила я ему все мои доводы, неопровержимо, как мне казалось, доказывавшие необходимость отъезда из Екатеринбурга. Андрей умел внимательно слушать.

— Начнем с того, — заговорил он, — что партии сейчас особо нужны люди, знающие местные условия. Вы вели кружок на заводе Ятеса, знаете Верх-Исетский завод, знаете людей, специфику местной работы. И вас знают рабочие, знают в организации. Где же вы принесете больше пользы — здесь или на новом месте? Ответ ясен. Интересы партии требуют, чтобы вы сейчас работали в Екатеринбурге. Опасность провала? Угроза слежки? Невозможность посещать конспиративные квартиры, рабочие собрания, встречаться с людьми? Справедливо, но справедливо для вчерашнего дня. Сегодня обстановка иная, завтра она изменится еще больше. Поднимается мощная революционная волна. Движение растет и ширится...

Итак, от всех моих, казалось, неопровержимых доводов за отъезд не осталось камня на камне».

И вот начались, может быть, самые радостные страницы в жизни Клавдии Тимофеевны. Партийная работа стала захватывающе интересной. Андрей оказался прав: волны первой русской революции поднимали все новые пласты уральских рабочих и крестьян.

Работать с Андреем было легко. Он воплощал в себе черты талантливого руководителя и прекрасного товарища. Екатеринбургская организация РСДРП стала быстро наращивать силы.

В начале октября грянула Всероссийская политическая стачка. Уральские рабочие горячо откликнулись на призыв московских большевиков. Вековые устои самодержавия угрожающе закачались.

Царь, напуганный революцией, 17 октября издал манифест, лживо обещая «даровать свободу народу». Екатеринбургские большевики немедленно выступили с воззванием, в котором разоблачали этот хитрый маневр самодержавия. 18 октября на Кафедральной площади (теперь — площадь 1905 года), где происходил молебен и поп читал манифест, представители Екатеринбургского комитета разъясняли собравшимся, что настоящую свободу можно завоевать только революционной борьбой. Работница Макаровской фабрики Катя Денисова предложила пойти к тюрьме и освободить политических заключенных. Клавдию Тимофеевну избрали в число делегатов для переговоров с тюремной администрацией. 19-го на свободу вышел Мария Авейде, А. П. Кин и другие. В этот же день большевики организовали городской митинг. Кафедральная площадь была переполнена. Во время выступления Я. М. Свердлова на собравшихся бросились

Клавдия Тимофеевна Свердлов (Новгородцева) с сыном Андреем и дочерью Верой в Тобольской ссылке. 1914 год.



¹ Андрей — партийная кличка Я. М. Свердлова.



Яков Михайлович Свердлов и Клавдия Тимофеевна
с дочерью Верой. 1919 год.

черносотенцы. Рабочие-дружинники дали им отпор. Однако двое из колонны учащих были убиты. Только благодаря действиям рабочих Якову Михайловичу и его товарищам удалось избежать расправы.

* * *

Небывалые дни переживал тихий Екатеринбург. Почти ежедневно проходили многолюдные митинги. Впервые широкие рабочие массы открыто слушали правдивые ленинские слова о роли и задачах рабочего класса в революции, о свержении самодержавия. Большевицкие ораторы разоблачали капиталистов, их партии. Большой известностью пользовался Андрей, он стал самым популярным оратором.

Клавдия Тимофеевна была в гуще дел — работала пропагандистом, распространяла литературу, собирала средства. Из учащейся молодежи и работниц организовала кружок красных сестер. В эти дни для подготовки пропагандистов была создана марксистская школа. Сейчас она кажется слишком маленькой, эта комнатка с деревянными скамьями и керосиновой лампой — помещение школы, где осенью 1905 года собиралось до полусотни человек, чтобы послушать Якова Свердлова, Николая Батурина и других большевиков. Она восстановлена в подлинном виде в мемориальном музее Я. М. Свердлова и напоминает о прекрасной и неимоверно трудной нашей борьбе.

А недалеко от Верх-Исетского завода и сейчас стоит дом. На мемориальной доске выбиты слова: «Здесь в октябре 1905 года находилась штаб-квартира Екатеринбургского комитета РСДРП».

Это тот самый дом, где родилась и росла Клавдия Тимофеевна. В «дни свобод» здесь поселились многие члены Екатеринбургского комитета — Авейде, Батурин, Вилонов, Новгородцева, Свердлов. Вот как описывает Клавдия Тимофеев-

на жизнь в этом доме: «Теперь не надо было бегать по городу друг за другом, все регулярно собирались, сообща обсуждали наиболее важные вопросы, принимали нужные решения. Каждый день подводили итоги проделанной работы и намечали планы на завтра. С утра сюда приходили пропагандисты, агитаторы, боевики, рабочие — все, у кого было дело к комитету. По вечерам квартира пустела. Все расходилось по рабочим собраниям, митингам. А по ночам многие, и в первую очередь Яков Михайлович, садились за книги. К сожалению, наша коммуна просуществовала всего около двух месяцев, после чего нам вновь пришлось перейти на нелегальное положение и скрываться в разных местах»¹.

Тогда же дружеские отношения Клавдии Тимофеевны и Якова Михайловича переросли в глубокую взаимную любовь. Клавдия Тимофеевна стала женой Свердлова. Жизнь счастливо соединила эти две богатые натуры.

* * *

«Дни свобод» сменились тяжелой реакцией и жестокими преследованиями большевиков. Ночной налет полицейских, жандармов и казаков на большевистскую штаб-квартиру, организованный по всем правилам стратегии, никаких результатов не принес: дом Новгородцевых оказался пуст.

В середине января Клавдия Тимофеевна сошла с поезда в Перми. Она приехала по чужому паспорту, с партийной кличкой «Ольга». Ей поручалось подготовить переезд сюда Свердлова. Центром партийной работы на Урале стала Пермь.

В Перми Клавдию Тимофеевну не знали, но она должна была действовать крайне осторожно. После мотовилихинского восстания из пермских большевиков мало кто уцелел, были провалены явки и конспиративные квартиры.

Ольге и Михальчу, как называли в Перми Свердлова, с помощью товарищей удалось восстановить организацию.

Теперь к Перми, как ранее к Екатеринбургу, тянутся нити от городов и заводов Урала. В середине февраля в Екатеринбурге под руководством Свердлова состоялась Уральская областная конференция, наметившая задачи работы и избравшая областную комитет.

Началась подготовка к IV съезду партии. Клавдия Тимофеевна входила в состав Пермского комитета и фактически являлась ближайшим помощником Якова Михайловича, возглавлявшего Уральскую областную организацию.

¹ К. Т. Свердлова (Новгородцева). Яков Михайлович Свердлов. «Молодая гвардия», М., 1960, стр. 35—37.

Делегатом на IV съезд партии Пермская организация избрала Клавдию Тимофеевну. «Держись Ильича», — напутствовал ее Свердлов.

На пути от Гельсингфорса до Стокгольма Клавдия Тимофеевна познакомилась с Надеждой Константиновной Крупской, тоже делегаткой-большевичкой. Этой встрече суждено было положить начало долгих дружественных отношений двух замечательных женщин.

На съезде шли горячие схватки революционных марксистов-ленинцев с отступниками революции — меньшевиками, возглавляемыми Плехановым и Мартовым. Здесь Новгородцева впервые увидела Ленина, гневного и беспощадного к предателям революции, внимательного и всегда готового прийти на помощь своим единомышленникам.

«Держать курс на революцию!» — под этим лозунгом проходила деятельность уральских большевиков. Пермская охранка бесновалась. «Деятельность преступного сообщества, именуемого себя П. К. РСДРП, не только не прекратилась, но стала принимать все более широкие размеры. Им удалось в короткое время организовать довольно серьезную организацию», — писал в своем донесении жандармский ротмистр.

В ход пушены самые мерзкие средства, чтобы выловить руководителей организации и прежде всего Михалыча. За его выдачу объявлена «награда» в 5.000 рублей. Нашелся провокатор. 11 июня 1906 года Михалыч и Ольга, возвращавшиеся с подпольного собрания, были арестованы прямо на улице.

Пермская тюрьма. С прогулочного двора женской тюрьмы видны окна мужского корпуса. Клавдия Тимофеевна тщетно пытается увидеть дорогое лицо. Однажды во время прогулки она услышала:

— Клавдия, как себя чувствуешь?

Ответить не успела, но и одной фразы любимого мужа и друга было достаточно, чтобы в душе поднялась буря радости. Потом наладилась переписка.

В архивах сохранились два письма Клавдии Тимофеевны к мужу. В первом намеками сообщается о попавших в руки полиции материалах, передаются приветы от товарищей и под конец: «По поручению камеры просим тебя написать доклад по истории организации партии...» Второе — из Екатеринбургской тюрьмы, где Клавдия Тимофеевна находилась в ожидании суда, в Николаевскую тюрьму близ Нижней Туры. «У меня богатый калейдоскоп новых впечатлений, — пишет она мужу. — Поражает меня, какая юная публика сидит в тюрьмах, как быстро растет молодежь в революционное время». Далее идут строки о чувстве радостного ожидания встреч с товарищами, о комедии предстоящего суда. «Дряхлые телом и духом старцы будут судить нас как крамольников, нас, членов партии могучего рабочего класса».

Именно в это время, осенью 1907 года, я снова встретилась с Клавдией Тимофеевной. Она отбывала год крепости, а я ждала суда. Тюрьма для нас, новичков, была школой революционной закалки. И это — прежде всего благодаря нашим старшим товарищам. «Твердокаменная Клавдия» — образцом стойкости и мужества. Необычайно скромная, она никогда не проявляла своего превосходства. К ней мы обращались за советами, как держать себя на допросах, за разъяснениями при чтении трудных книг. Она помога-

ла строго блюсти установленную совместно «конституцию». Бывало, от одного ее взгляда или короткого насмешливого замечания возвращалось утерянное равновесие. Она читала нам письма Якова Михайловича, отбывавшего два года крепости в Екатеринбургской тюрьме. В них содержалась информация о событиях партийной жизни, оценка партийных разногласий, сообщалось о новых книгах и т. д. Стоит ли говорить, какую серьезную роль играли эти письма в формировании наших взглядов!

Осенью 1908 года мы провожали Клавдию Тимофеевну на волю, и она растрогалась до слез.

* * *

Жизнь Якова Михайловича и Клавдии Тимофеевны — пример того, как возрастает сила че-

Новоселы

С новосельем, мои земляки!
С новосельем!
Я привычное в степень сегодня
возвел.
Мы штурмуем высоты,
мы строим и сеем,
Если вдуматься — каждый из нас
новосел!
Заселяем науку, что выдумал
Винер!
Посылаем к Венере свои корабли!
Нет, не день, догорая на западе,
минул —
Перед нами, быть может, столетья
прошли!
В батискафе спускаемся в глубь
океана,
Раздвигаем безмолвье
таинственных вод.
Трудовые тома небывалого плана,
Как поэму,
взахлеб наш потомок прочтет.
Молодые творцы,
новоселы науки,
Прометеи эпохи,
поэты ракет,
Мы земле отдаем беспокойные руки,
Чтоб оставить на ней
удивительный след.
Заселяем палатки таежных
разведок,
Заселяем вагончики на целине.
По зарубкам,
по галочкам наших пометок
Пробиваться грядущему к звонкой
весне.

Юрий ТРИФОНОВ

ловеческой любви и дружбы, скрепленных совместной борьбой за великие цели.

В книге «Я. М. Свердлов» содержатся такие строки: «Нам очень мало доводилось бывать вместе. Свердлова сажали в одну тюрьму, меня — в другую, его высылали в одно место, а меня — в другое. Периоды совместного пребывания на свободе были короткими, редко исчислялись месяцами, чаще неделями и даже днями. Но и эти недели и дни нужны были Якову Михайловичу для напряженной партийной работы. Для личной жизни времени не оставалось... И однако отношения наши были для нас всегда неиссякаемым источником радости, источником бодрости и силы».

В одном из писем к жене Яков Михайлович писал: «Наши взаимоотношения дают мне в большей степени тот колорит бодрости, неизменной жизнерадостности. Когда мы с тобой встретились, я был достаточно примитивен, ты сумела возбудить во мне целую гамму сложных переживаний, способствовала моему довоспитанию».

Тогда, в 1908 году, радуясь освобождению Клавдии Тимофеевны из тюрьмы, мы и представить не могли, какие испытания ожидают ее впереди.

По выходе из тюрьмы Новгородцева уезжает в Петербург. Через год туда заглянул и Яков Михайлович, чтобы через несколько дней отправиться на партийную работу в Москву. Там, в Москве, он был снова арестован.

Клавдия Тимофеевна днями стояла на лютном морозе, добиваясь свидания с мужем. В марте 1910 года Свердлова сослали в далекий Нарымский край. Вскоре он бежал оттуда и появился в Петербурге.

Это был период нового подъема рабочего движения. Стала выходить легальная большевистская газета «Звезда». Яков Михайлович с головой ушел в работу. Клавдия Тимофеевна днем хлопотала на книжном складе, а по вечерам отправлялась на явки. Ходить приходилось на рабочие окраины Питера. 14 ноября 1910 года ищейки схватили Свердлова на улице. Следом была арестована Клавдия Тимофеевна.

Совместная жизнь и работа двух большевиков продолжались всего несколько месяцев. Свердлова снова отправили в Нарым, а Новгородцеву, у которой должен был появиться ребенок, — в Екатеринбург. Весной 1911 года у Клавдии Тимофеевны родился сын Андрей. Муж писал из ссылки: «Пусть и вдали скажется сила моего чувства, пусть она согревает и ослабляет муки, придает силы переносить их».

Новый побег Якова Михайловича. Неукротимого большевика бросают в камеру Томской тюрьмы. Клавдия Тимофеевна с полуторогодовалым ребенком отправляется к мужу. В Томске — свидание прямо в камере. Яков Михайлович не ожидал этой встречи. Когда открылась тюремная дверь и перед ним появилась жена с сынишкой на руках, он был поражен. Час пролетел как мгновение. Жандармское начальство, рассчитывая удержать Свердлова в ссылке, согласилось оставить с ним жену и сына.

Глухая таежная деревушка Костырева. Здесь находилось еще несколько ссыльных. Жили дружно. Собирались, спорили, шутили и готовили новый побег Якова Михайловича. В стране нарастала революционная ситуация. Яков Михайлович врался в гущу борьбы. В начале декабря 1912 года он бежал и благополучно добрался до

Петербурга. Вскоре туда же отправилась и Клавдия Тимофеевна.

Григорий Иванович Петровский, большевик, депутат Государственной думы, надеясь на свою неприкосновенность, приютил Свердлова у себя. Встреча произошла поздно вечером. Яков Михайлович пришел усталый, но, как всегда, жизнерадостный. Приезд жены с сыном вызвал бурный восторг. Проговорили всю ночь. Он рассказывал о работе в «Правде», расспрашивал о товарищах, оставшихся в ссылке. Под утро раздался продолжительный звонок. «Это за мной», — сказал он. И действительно, ворвалась целая свора. На всю жизнь запомнились печальный взгляд мужа и его слова: «Опять тебе бедовать одной, и надолго».

В тюрьму увезли и Клавдию Тимофеевну с ребенком. Жандармов не остановило даже то, что она ждала второго. Через несколько месяцев последовало распоряжение о немедленной отправке в Екатеринбург под особый надзор полиции. Здесь родилась дочь Вера. Потом — высылка в глухой поселок Фабричный Тобольской губернии.

В мае 1915 года кончилась ссылка, и Клавдия Тимофеевна с детьми едет в далекий Туруханский край. Там ждет ее Яков Михайлович. В одном из последних писем он писал: «Вместе всякое горе бодро перенесем. Чем больше думаю о приезде, тем сильнее жажду его».

Добирались до Красноярска в битком набитом вагоне. Навстречу тянулись товарные составы с солдатами, кухнями, лошадьми. На западе полыхала война во имя интересов эксплуататоров. Измученный народ открыто выражал свое недовольство.

В Красноярске встретили старые друзья, помогли сесть на пароход.

Красив и могуч Енисей, за скалистыми берегами расстилается бескрайняя тайга. Скоро ли село Монастырское? Встреча с Яковом Михайловичем произошла раньше, чем можно было предполагать. На третий день плавания на высоком берегу показали домишки. Клавдия Тимофеевна заметила, как от берега отошла лодка и понеслась навстречу пароходу. Энергичным и ловким гребцом оказался Яков Михайлович.

* * *

В музее Я. М. Свердлова в Свердловске находится макет комнаты, в которой жила семья революционеров в селе Монастырском. Бревенчатые неотесанные стены, низкий потолок, небольшое окно, через которое видны снежное поле и тайга. К стене приделан стол, на нем — керосиновая лампа, чайник и стопка книг. На стенах — меховая одежда, лыжи. Обстановка и жилище — убоги, но жили здесь люди удивительно богатой духовной жизнью. Вот как вспоминает о домике Свердловых бывший ссыльный Б. Иванов: «Притягательной силой в Туруханской ссылке был домик Свердловых, огонек в этом домике, и мы шли на этот огонек. Здесь мы находили хорошую семейную обстановку, отсутствие жалоб на тяжелые условия жизни. Там мы получали и революционное образование. Там собирались, спорили, слушали лекции, доклады, и Клавдия Тимофеевна была в этом неизменной участницей и помощницей. Возникали иногда среди ссыльных нездоровые явления, разлад. Это вызывало взрывы негодования, раздражения, и тогда Клавдия Тимофеевна была очень нужна. Может быть,

и сама она была глубоко возмущена, но этот спокойный взгляд ее глаз, медленно произносимые уверенные слова, такие разумные, отрезвляющие действовали и восстанавливали равновесие».

День Свердловых был заполнен напряженным трудом — управлялись по дому, вели наблюдения на метеостанции (ею заведовала Клавдия Тимофеевна), давали уроки. Вечера, вспоминала позднее Новгородцева, проходили в шумных беседах, спорах, обсуждениях последних событий. Часто после серьезных бесед и лекций мы шли всей гурьбой в тайгу, и тогда в морозной тиши глухой сибирской тайги лились широкие вольные русские песни или гремели боевые гимны революционного пролетариата... Спиртного за столом никогда не было. Яков Михайлович не пил ни водки, ни вина и говорил: «Искусственно подбадривать себя нужно только людям со скучной душой».

...Как только пришло известие о Февральской революции, Яков Михайлович выехал в Петроград. На этот раз у него было предписание комиссара края всем станциям о немедленной подаче лошадей. Клавдия Тимофеевна с детьми ждала открытия навигации. А пока вместе с другими ссыльными большевиками помогала в Туруханске вводить новые порядки — «отстранили от должности пристава и разогнали всю его свору стражников, забрали все полицейские документы и архив. Земли, принадлежавшие монастырю, конфисковали и передали в безвозмездное пользование крестьян...»

С первым же парходом Клавдия Тимофеевна отправилась из Монастырского и в начале июля добралась до Питера. Здесь она сразу с головой окунулась в кипучую работу.

Революция пробудила у широких масс небывалый интерес к политической литературе. Спрос на произведения Маркса, Энгельса, Ленина был огромный. Центральный Комитет поручил Новгородцевой руководство издательством «Прибой». В предоктябрьские дни Клавдия Тимофеевна выполняет многочисленные задания штаба пролетарской революции — Смольного. «Не раз, — рассказывала она, — мне приходилось мчаться на фабрику или завод, требовать присылки людей в Смольный, доставки оружия, одних торопить, других сдерживать. Приходилось подменять дежурную в комнате членов Военно-революционного комитета, и тогда на меня обрушивался поток вопросов и распоряжений. Но теряться было нельзя. И я брала на себя решение частных оперативных вопросов, говорила, кого и куда послать, где получить оружие, боеприпасы, литературу. Грань между днем и ночью стиралась...»

Весной 1918 года Клавдия Тимофеевна была назначена помощником секретаря Центрального Комитета партии и заведовала Секретариатом ЦК.

Партия находилась в состоянии бурного роста, руководила строительством невиданной в мире государственной системы. Центральный Комитет должен был знать, что делается на необъятных пространствах молодой республики. Наладить четкую связь с местами и призван был Секретариат.

В течение нескольких месяцев 1919 года мне довелось работать в Информационном отделе Секретариата ЦК. Я видела все ту же твердую, спокойную и внешне мало изменившуюся Клавдию Тимофеевну. Она сумела создать товарищескую обстановку. Дисциплина была примерная,



Клавдия Тимофеевна с сыном Андреем в 1922 году.

каждый безукоризненно выполнял свое дело, не считаясь со временем.

Внезапно на Клавдию Тимофеевну обрушилась страшная беда. Яков Михайлович в то время был секретарем ЦК и председателем ВЦИКа. Он буквально горел на работе, не думая о себе, не щадя своих сил. В марте, возвращаясь с Украины в Москву, Свердлов простудился во время выступления на станции в Орле. 16 марта его не стало...

Это был тяжелый удар для партии, для страны.

Поразительны были стойкость и мужество Клавдии Тимофеевны. Проводив в последний путь самого близкого человека и друга, она продолжала напряженно трудиться в преддверии VIII съезда партии, участвовала в его работе. Только строго стало ее лицо, а в глазах затаилось страдание.

С 1920 года начинается работа Клавдии Тимофеевны в области народного просвещения. Здесь раскрылись ее незаурядные качества педагога-марксиста. Член Ученого совета Наркомпроса и заведующая Учпедгизом, она была ближайшей помощницей Надежды Константиновны Крупской. Первые советские учебники для чтения и букварь созданы были при ее непосредственном участии.

Последний раз я видела Клавдию Тимофеевну в 1959 году, за год до смерти. Как и всегда при наших встречах, она просила рассказать об Урале, о Свердловске. С потеплевшими глазами слушала, как меняется облик Урала, города, где прошли ее детство, юность и где она мужала как большевичка.

А. Н. БЫЧКОВА,
член КПСС с 1906 года



НЕБЕСНАЯ ХОЗЯЙКА

Долго и монотонно, как погонщик в пустыне, поет мотор АН-2. На ребристых сочленениях фонаря пилотской кабины то тут, то там вспыхивают солнечные искринки. Балансируя, как канатоходец, на металлической трубке ребра, солнечный зайчик неторопливо проходит вправо, потом влево (это автопилот следит за курсом самолета, корректируя его).

Десятками неподвижных и подмигивающих стеклянных глаз приборная доска глядит на человека, по-хозяйски расположившегося на командирском сиденье.

А у человека на голове синий берет с крылатой эмблемой Аэрофлота. Волосы, едва заметно припудренные сединой, собраны на затылке аккуратным узлом. Форменное платье с единственным украшением — нагрудным знаком «За безаварийный налет 14 тысяч часов».

Приборная доска пылливо уставилась на женщину, как бы спрашивая: «Что ты здесь делаешь? По какому праву занимаешь это место? И вообще, кто ты такая?»

Вот и я тоже смотрю на эту женщину

и тоже спрашиваю. Спрашиваю себя, как лучше рассказать о ней, о том, что она здесь делает, по какому праву и вообще...

Считается, что нет ничего проще — писать о летчиках. Есть даже готовый рецепт. Это — два-три случая аварийно-смертельной ситуации (из какой-либо имярек всегда выходит с честью) и пожалуй-ста: портрет «старого воздушного волка» готов!

Но как рассказать о пилоте, жизнь которого, как и у любого из нас, состоит в основном не из экзотических, эффектных происшествий (хотя и они тоже бывали), а из самых обычных трудовых дней, тех, что принято называть буднями?

Пожалуй, лучше всего воспользоваться бесхитростным принципом кино. Каждый кадр там неподвижен. Но когда целая серия таких неподвижных, запечатлевших какой-то миг кадров прокручивается перед нами, на экране возникает жизнь.

Вот несколько таких маленьких кадров из жизни пилота АН-2, что держит сейчас курс в лагерь геологов, затерявшийся в тайге.

Железная птица над Дюртюлями

Мечтать о самолетах с детства Аня Широкова никак не могла. Этим крылатых машин в то далекое время (первые годы Советской власти) у нас в стране насчитывалось чуть ли не единицы. В глухой же башкирской деревне Дюртюли, где жила тогда большая семья потомственных кузнецов Широковых, первый самолет увидели в 1922 году, когда Ане исполнилось уже десять лет.

— Это был Р-1. Машина строгая. А летчик посадил ее на незнакомое поле аккуратненько! Наверное, на вынужденную сел. Техника пилотирования у него, видать, была что надо...

Это сейчас Анна Григорьевна так профессионально оценивает почерк того летчика двадцатых годов. А в то время, вместе с вездесущей ребятней прибежав к самолету за околицу Дюртюлей, босоногая Анютка боязливо пряталась за спины взрослых. Ведь даже они со страхом ждали: а кто же вылезет из этой железной птицы — то ли человек, то ли черт с хвостом и рогами.

Что «нечистая сила» летать может — это все знали. И Анютка тоже. А железную птицу видела впервые. Подойти боялась — где уж тут о полетах мечтать!

Иоанна-креститель

И кто мог подумать, что Анка Широкова станет курсантом Балашовской школы пилотов, а потом инструктором! Ее оставили в школе, так как она показала наиболее высокую технику пилотирования и самолетовождения. Это было в 1933 году.

Попав под начало Широковой, некоторые новички сетовали. Однажды Анна услышала, как здоровенный парень, в кругу таких же салажат-курсантов, валявшихся на траве около старта, бросил по ее адресу:

— Ей бы узорчики вышивать, а не летчиком быть.

— Точно, — поддержал кто-то из компании. — Ну чему такая пигалица научить может?

«Да еще таких орлов, как мы», — угадывалось в наступившем молчании.

У «пигалицы», которой тогда едва минуло двадцать лет, потемнели от гнева

глаза. «Ну, погодите, — мелькнула озорная мысль. — Я вам покажу узорчики!»

Как раз наступила очередь того парня подниматься на самолете для ознакомления с воздухом. Анна набрала высоту, а потом кинула машину в крутой штопор. Затем последовала новая серия фигур высшего пилотажа. Бочки, петли, боевые развороты следовали друг за другом без передышки.

Курсанту показалось, что мир перевернулся. Все слилось в какую-то серозелено-голубую круговерть...

Когда Широкова посадила самолет, парень не смог самостоятельно выбраться из кабины. Его вытащили приятели. И вслед за воздушным крещением пришлось принимать водяное: друзья отливали героя из ведра.

А потом кинулись вслед за инструктором извиняться. Она же, сдернув летный шлем с пышных каштановых волос, заливалась смехом. Уж очень эти «орлы», с головы до ног облившиеся водой, походили на мокрых куриц.

После этого случая курсанты стали называть А. Г. Широкову Иоанна-креститель — в честь Иоанна-крестителя.

Замечания по полету

В другой раз летные качества девушки раскритиковал представитель главной авиационной инспекции. Случилось это так. Вернувшись из пилотажной зоны, где инспектор проверял ее технику пилотирования, Анна Широкова, как положено, по всей форме обратилась кверяющему:

— Разрешите получить замечания по полету.

Инспектор, толстый как бочка, смеялся летчицу начальственным взглядом.

— Замечания, говорите? Да о чем может быть речь, если вы самолет сажать не умеете! При заходе на посадку не выбираете полностью ручку. Ясно?..

Аня чуть не задохнулась от обиды. От несправедливости. «Ах ты, сам же виноват, а...»

— Сажать, говорите, не умею? А вы, товарищ поверяющий, не заметили, что со своей комплекцией еле в кабину влезли? Потому и ручка у меня полностью не выбиралась. Спаренная ручка в ваш живот, извините, упиралась, а дальше не шла. Ясно?

Грозное начальство оторопело. Инспектор лишь, как рыба на берегу, открывал и закрывал рот и так же по-рыбьи не мог издать ни одного звука. А Широкова повернулась и ушла в полной уверенности, что тот не решится наказывать ее за прямоту и принципиальность.

Так оно, кстати сказать, и вышло.

Первый орден

О настоящих же летных успехах Анны Григорьевны красноречивее всего говорила одна цифра: 60 человек. Столько пилотов подготовила А. Г. Широкова за три года работы в Балашовской школе. Это было просто здорово! Ведь где-то за горизонтом уже собиралась война.

Вот почему в 1936 году ВЦИК награждал Анну Григорьевну Широкову орденом «Знак почета». Как было сказано, «за успешную подготовку летных кадров». Орден ей вручал в Москве сам «всесоюзный староста» М. И. Калинин.

А зимой того же года, в числе других делегатов Чрезвычайного VIII Всесоюзного съезда Советов, Анна принимала новую Советскую Конституцию — конституцию победившего социализма.

«Манна» с неба

И снова летели будни, заполненные простой, обычной работой авиатора. Была Анна Широкова «воз-

душным почтальоном», отдала свою особую, авиационную дань и земледелию. В 1938 году на полях, раскинувшихся вдоль великой русской реки Волги, проводился интересный эксперимент: пробовали сеять зерновые культуры с самолета.

— Товарищ Широкова! Вам, как одному из опытейших пилотов, мы хотим поручить аэросев яровых,— сказали ей тогда.— Никто в мире еще этим не занимался. Так что помощи ждать неоткуда...

Анне Григорьевне самой пришлось разрабатывать методику воздушного сева. Самой пришлось и применять ее на практике.

Попытка вроде бы удалась: зерновые дали дружные, ровные всходы. Затем с опытного участка собрали урожай. Он оказался богатым.

Однако, когда подсчитали стоимость одного центнера зерна, то пришли в ужас: она была раз в пять выше обычной. И как ни жаль было А. Г. Широковой затраченных ею трудов, она нашла в себе мужество заявить:

— Овчинка выделки не стоит. Нельзя сеять хлеб с самолета. Слишком это дорого.

На уральском фронте

В годы минувшей войны не было у Анны Григорьевны Широковой ни боевых эпизодов, ни схваток с «мессерами» и «фокке-вульфами». Ей не

Сейчас машина А. Г. Широковой поднимается в воздух. Снова в рейс.



пришлось воевать на фронте, где сражался ее муж — военный летчик.

Фронт Анны Широковой был здесь, на Урале. Почти каждую ночь поднималась она на вертикальное зондирование атмосферы, чтобы обеспечить «погодой» летчиков, перегонявших на фронт боевые самолеты. Ее маленький У-2, трепеща крылышками, упорно взбирался по воздушным ступенькам тропосферной лестницы. Иногда он срывался и скатывался вниз.

Но крепкая рука снова брала штурвал на себя. И снова У-2 карабкался в ночное небо.

Лишь однажды руки летчицы в растерянности опустились. Повисли безвольно, бессильно, как крылья у смертельно раненной птицы. Это было в тот памятный день, когда Анна Григорьевна получила на мужа похоронную.

— Вы сегодня, может быть, отдохнете, — говорили ей товарищи по работе. — А на зондировку пошлем кого-нибудь другого...

— Нет!

— Доченька, не летай сегодня, — уговаривала мать Анну. — Ведь ты сейчас не в себе. Не дай бог, что случится... А у тебя же дети. Маленькие еще, несмышленишки...

Все это Анна Григорьевна знала и понимала. Но она знала и другое: кроме нее, нет в авиаподразделении летчика с таким опытом зондировочных полетов. А если послать нового человека, он может не справиться с заданием. И значит...

Значит, перегонщики не получают данных о погоде. Значит, боевые машины не полетят на фронт. Значит, плохо будет многим советским людям, многим ребятишкам. А не только ее двоим несмышленишкам...

И снова маленький самолет карабкался в черное ночное небо. Он поднимался тяжело, с трудом. Как будто та тяжесть, что обрушилась на его хозяйку, легла и на его плечи-крылья, сдавила и его железное сердце. Опять он проваливался в воздушные ямы. Опять срывался почти с самого верха невидимой лестницы. И опять лез в высоту, упорно, настойчиво...

Это были военные дни летчика-коммуниста Анны Григорьевны Широковой. Их было, как и у всего советского народа, 1418.

Крылатая «скорая помощь»

После войны Анна Григорьевна стала летчиком-санитарником. Она летала с правом выбора площадки. Такое право — отыскивать себе посадочные площадки прямо с воздуха — дается только самым опытным и умелым пилотам.

Серебристый ПО-2, с красными крестами на крыльях, появлялся в самых глухих таежных деревушках, над рабочими поселками, в горах.

Авиаторы Уктусского аэропорта шутят:

— Представьте, что все перевезенные Анной Григорьевной врачи, все доставленные ею сюда больные вместе с ампулами консервированной крови, что побывали на борту ее самолета, разместились бы на нашем летном поле. Знаете, что тогда будет? Катастрофа! Ведь они весь аэродром займут. Нельзя будет работать.

Да, в Свердловской области нет, пожалуй, такого населенного пункта, где

Города-тезки

К северо-востоку от Свердловска расположен город Артемовский — центр Егоршинского угольного бассейна. У него много братьев. Все они носят имя революционера, видного большевика Артема (партийная кличка Ф. А. Сергеева)¹.

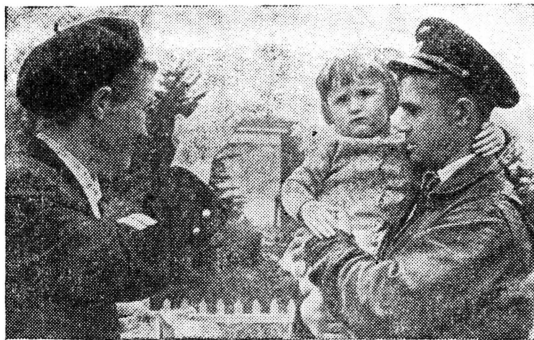
Артемовск есть на Украине, в Донбассе. Это крупный центр соляной промышленности страны. В той же Донецкой области находится еще один город имени Артема. Он объединил несколько угольных шахт. Два города Артемовска в Сибири, один на юге Красноярского края, в 180 километрах от железнодорожной станции Абакан. Основная промышленность — добыча золота. Севернее озера Байкал в Иркутской области тоже есть город Артемовский. В Приморском крае в 1924 году основан город Артем — центр Угловского угольного бассейна.

А в Каспийском море, недалеко от Баку, на Артем-острове расположен город нефтяников. Он соединен с материком двухкилометровой дамбой.

Федор Андреевич Сергеев в первые годы Советской власти много сил отдал созданию горнодобывающей промышленности страны. Не случайно угольщики, нефтяники, добытчики золота увековечили память о нем в названиях своих городов.

А. БРЫЛИН

¹ Об Артеме смотри воспоминания П. Ермакова в № 12 1965 года.



Внучка Тая и сын Владимир провожают Анну Григорьевну в полет.

не оказалось бы человека, обязанного А. Г. Широковой жизнью. Ведь у нее на счету сотни таких «крестников».

Случилась однажды такая история. Летчица получила задание: вывезти в областную центрального ребенка. Когда ее «небесный тихоход» появился над далеким таежным селением, состоявшим всего из нескольких домов, все жители высыпали на улицу. Они приветственно махали пилоту и уже вынесли из дома больного малыша.

Но вот незадача: вокруг селения густой лес. Поблизости нет даже маленького «пятачка», куда мог бы приземлиться неприхотливый самолетик.

Тогда Анна Григорьевна решила: буду садиться между лесом и поселком. Там узкая полоска земли, похожая с воздуха на шелковую ленту, которую дочка Нина вплетает себе в косички.

В любом другом случае летчица не стала бы и пытаться приземлить свою машину на таком крохотном и узком пространстве. Но тут речь шла о жизни маленького гражданина, человека.

Широкова несколько раз прошла вдоль полоски, старательно выглядывая на земле бугорки и ямки, которые могли оказаться роковыми. Их не было. Зато летчица увидела кучу засохших сучковатых ветвей.

Она опять подняла самолет и начала кружить над селением. Люди поняли, что хочет пилот. Они побежали к опушке и оттащили все мешающее посадке.

Анна Григорьевна приземлила машину точно по середине полосы. Развернула самолет на «старт». Ребенка устроили в кабине. Широкова дала газ. «Небесный тихоход» пошел на взлет.

«Мне сверху видно все...»

Анна Григорьевна освоила тип самолета, который тогда — в середине пятидесятых годов — только начал появляться на местных воздушных трассах. Это был АН-2. Теперь она выполняла в основном транспортные рейсы. Перевозила пассажиров, обслуживала геологические партии, доставляя им продовольствие, взрывчатку, теплые вещи.

Летом ее темно-зеленый АН-2 выплывал в уральском небе причудливые маршруты. Вот он летит прямо на восток. Пятнадцать минут, полчаса. И вдруг рывком сворачивает на юг. Это летчик-наблюдатель заметил в тайге дым. Машина начинает кружить над пожаром. Анна Григорьевна еще раз уточняет расчет на сброс, и вот уже из открытой двери самолета посыпались вниз люди. Через несколько секунд над ними расцветают белые одуванчики парашютов. Убедившись, что все парашютисты приземлились нормально, Широкова направляет машину на прежний курс. А через некоторое время новый рывок в сторону. И снова возврат на линию маршрута. И так несколько раз в день...

А зимой летчица сажала свой АН-2 прямо на лед озера, где в скупых лучах «ушастого» солнца тускло серебрились груды отловленной рыбы. Рыбу грузили в самолет, и Анна Григорьевна вывозила ее к местам переработки.

Крылья по наследству

— Мама, когда у тебя вылет?
— В десять тридцать. А ты куда сегодня?

— Сейчас на север, в Ивдель.

— Ветер сегодня сильный. Будь внимательнее, Володя.

— Хорошо.

Это разговор матери и сына, встретившихся на перекрестках воздушных трасс в одном из аэропортов.

Владимир пошел по стопам своей матери и своего отца. Сейчас он, как и его мать, командир самолета АН-2. Ему доверяют ответственные задания. Прошлым летом Владимир работал на авиационно-химической борьбе с сорняками. Он водил свою машину на «бреющих

полетах», — так требуют условия работы с ядохимикатами. А такие полеты поручаются лишь умелым авиаторам.

Владимир всегда внимательно прислушивается к советам и замечаниям Анны Григорьевны. Она для него самый авторитетный человек и летчик. Совсем недавно мать наградили орденом Ленина. Пример ее стал для сына стрелкой радиокомпаса, указывающей верный путь.

Широковское рукоделие

А сейчас я приведу случай, когда А. Г. Широкова оказалась в очень опасной ситуации.

...Под крылом самолета проплывала тайга. В двадцати пяти минутах позади осталось уральское село Сосьва. Весеннее мартовское солнце светило, как говорят летчики, прямо во втулку винта: машина шла точно на юг. Анна Григорьевна уже прикидывала: «Еще одна посадка — и Свердловск».

Вдруг штурвал рвануло из рук. Самолет начало трясти. Это оборвалась одна из четырех лопастей воздушного винта. Вибрация была такой сильной, что грозила разрушить подмоторную раму.

«А в пассажирской кабине двенадцать человек, да еще ребенок!»

Широкова вспомнила: впереди, километрах в двадцати, есть подходящая пло-

щадка. Ей, как пилоту-санитарнику, не раз приходилось там садиться. Значит, надо дотянуть до этой площадки.

Помогая коленями удерживать вырывающийся из рук штурвал, Анна Григорьевна довела самолет до площадки и мастерски посадила машину на снег. Только здесь пассажиры узнали о грозившей им опасности.

Теперь предстояло, как считала коммунист Широкова, главное: позаботиться о людях. Попросив у одной из пассажиров валенки (сама летчица была лишь в туфлях), Анна Григорьевна, по пояс проваливаясь в глубокий снег, отправилась в соседнее селение.

Оттуда она связалась по телефону с Уктусским аэропортом и попросила прислать за пассажирами самолет. Через два часа путешественники уже продолжали свой путь на другом самолете.

* * *

Есть у Анны Григорьевны карта Свердловской области, покрытая кружевным узором тонких переплетающихся линий. Этот узор пилот Широкова выткала своими рейсами, своими полетами. Если линии вытянуть в одну нить, ею можно будет более 50 раз обернуть всю землю. Старейшая летчица мира пролетела свыше двух миллионов километров.

В. ДЕБЕРДЕЕВ

Она повторила подвиг

Как-то в одном из номеров журнала «Молодой коммунист» рассказывалось, сколько последователей Александра Матросова было на фронтах войны. Упоминалось и имя Риммы Шерстневой.

Когда я стал собирать материалы о Римме, то узнал, что она училась в одной из школ Оренбуржья и ее хорошо помнит завуч четырнадцатой школы Новотроицка Ида Ильинична Афанасьева.

— Нас вместе принимали в комсомол, — сказала она. — Помню, как Римма Шерстнева выступила перед ребятами с короткой информацией о событиях на фронте. А после добавила: «Свои силы мы тоже должны отдать фронту. Все на воскресник!»

Вскоре вся страна узнала о подвиге Зои Космодемьянской. Когда ребят принимали в комсомол, Римма сказала:

— Я вступаю в ряды передовой молодежи, чтобы быть похожей на Зою.

Возвращались из райкома вместе с Идой.

— Ты пока никому не говори о моих сло-

вах.. Я скоро уйду на фронт. Если останешься в живых, разыщи маму Зои и скажи ей, что я поклялась мстить за ее дочь. Если я погибну, пусть Зоиная мама считает меня своей дочерью, — поделилась она с подругой.

...Началась боевая биография этой девушки. Спецзадания, партизанские отряды, дороги Белоруссии... Она была связной Центрального комитета комсомола республики.

Холодной ночью отряд партизан атаковал немецкий гарнизон в деревне Ломовичи. Враг был сломлен, только один дзот продолжал вести огонь. И вдруг из цепи партизан оторвалась фигурка бойца. А через несколько минут вражеский пулемет замолчал.

Римма была первой женщиной, повторившей подвиг Матросова.

После войны Ида Ильинична Афанасьева сообщила Любови Космодемьянской о просьбе Риммы Шерстневой. Так у матери, воспитавшей двух Героев Советского Союза, появилась еще одна дочь — тоже Герой Советского Союза.

Мих. СЕКРЕТ

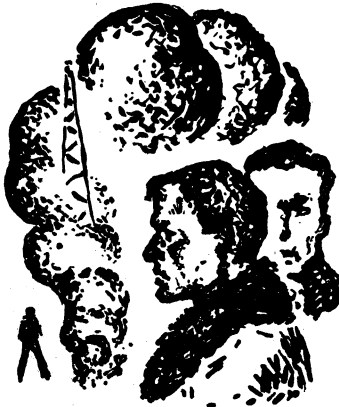
Горящий фонтан

— Этот фонтан на Пурпейской площади, — сказал начальник Тюменского геологического управления лауреат Ленинской премии, Герой Социалистического Труда Ю. Эрвье, — возник внезапно. Геологи не ожидали встретить газ на такой незначительной глубине — 700—800 метров.

Вначале вырвавшийся газ шел без огня. Потом от случайного удара металла о металл воспламенился. А через несколько часов в устье скважины образовался кратер, поглотивший и буровую, и оборудование.

Пурпейская площадь лежит на севере Тюменской области, далеко от дорог, и попасть на нее зимой можно только по воздуху. На выручку геологам пришла авиация. Впервые из Салехарда в Тарко-Сале, вблизи которого лежала горящая скважина, пошли большегрузные самолеты АН. С помощью их в Тарко-Сале, а оттуда вертолетами МИ-6 к месту происшествия доставили две буровые установки, трубы и другое оборудование и материалы. Сюда прибыли крупнейшие специалисты, опытные мастера бурения.

Однако перед ними стала задача со многими неизвестными: откуда идет газ, каково его давление, какова мощность пласта.



— Тогда, — продолжает рассказ Ю. Эрвье, — пробурили оценочную скважину на глубину 695 метров. Она вошла в газоносный пласт, состоящий из рыхлого песчаника, и прошла по нему 67 метров. Это очень мощный пласт. Оценочная скважина дала свыше двух миллионов кубометров газа в сутки. Мы полагаем, что открытие Пурпейского месторождения — большое событие. Оно в ближайшее время окажет серьезное влияние на развитие газовой промышленности всей страны.

А горящий фонтан?! Здавить его «в лоб» было невозможно. И специалисты решили...

Недалеко от кратера горячей скважины пробурили другую, с трехсотметровым отклонением от ствола. После гидроразрыва в нее закачали 35 тысяч кубометров воды и более 400 кубометров глинистого раствора. Вода и раствор по трещинам прошли в аварийную скважину, закрыли фонтан газа и быстро погасили огонь.

Сейчас на месте пожара большой кратер. Его диаметр почти 600 метров. В нем озеро. Только оно напоминает о происходившей тут схватке человека со стихией.

Ю. РЯБОВ

Геолог и алхимия

В начале — два небольших отступления.

Одно — в область истории химии. Когда-то алхимики искали секрет «философского камня», с помощью которого можно было бы превращать в золото обычные минералы. Достаточно, утверждали они, бросить такой камешек в тигель, чтобы на дне моментально появились крупинки драгоценного металла.

Второе — в область минералогии. Все люди уверены, что золото, как и другие благородные металлы, встречается только в самородном виде. Лишь немногие специалисты знают, что в природе имеются ред-



чайшие соединения золота с теллуром, образующие минерал калаверит.

...Полтора десятка лет назад на одном из заброшенных приисков треста «Енисейзолото» — в бассейне реки Пит — я разбирал поисковые шлихи. Среди знакомых минералов — черного магнетита, красных гранатов и желтого оловянного камня — нашел несколько камешков необычной формы, похожих на рыболовные крючки!

В ту ночь я долго не мог заснуть: меня мучало собственное незнание, — ведь я так и не смог определить, что именно нашел.

Утром, отправив работников поисковой партии с заданиями, сам приступил к исследованиям серых «крючков». Положил неизвестный минерал в фарфоровый тигелек и начал прокалывать на спиртовой горелке. За моими «манипуляциями» внимательно следила девушка-повариха. Когда из тигля повалил белый тяжелый дым, мы оба закашлялись. Потом дым рассеялся, а на дне тигля заблестела... капля золота!

Девушка смотрела на меня как на фокусника. Сам я был изумлен не меньше ее. В средние века меня заточил бы в свой замок, вернее в его подвал, какой-нибудь барон и заставил бы, как Бетгера (изобретателя фарфора), делать золото...

...Калаверита я больше не встречал.

К. ФЛУГ, геолог

ДВЛО

Документальная повесть

Ю. ХАЗАНОВИЧ

Рисунки Н. Мооса

РЕШЕНИЕ

Как только Николай вышел из дома, на другой стороне улицы из глубокой каменной подворотни в вечерних сумерках вынырнула знакомая фигура, небольшая, узенькая, одно плечо выше другого, руки по обыкновению в карманах.

Он уже и в лицо знал «своего» шпика. Приплюснутый, напоминающий лягушку, нос, почти всегда небритые впалые щеки и глаза во всем разuverившегося болезненного человека.

«Небось, заждался меня, бедняга? — мысленно обратился к нему Николай. — В ботиночках-то оно не шибко весело. Ну и служба у тебя! А кто виноват? Наверняка рассчитывал — платить будут щедрее. А хозяева твои — народ прижимистый, скупой. Ладно, каналья, времени сегодня у меня хватит, выгуляю тебя, согреешься...»

И еще он подумал беззлбно, что тени появляются, когда на небе светит солнце или луна, а эта надоедливая тень, вопреки всем естественным законам, волочится за ним в любое время.

Неторопливо и беспечно, с видом человека, не обремененного никакими делами и заботами, Николай прогулялся по Главному проспекту, разглядывая вывески и витрины, свернул на Вознесенский проспект, прошелся по Златоустовской улице, обогнул короткий малолюдный квартал и вышел на Никольскую, а оттуда на Покровский проспект. Шпик не отставал. Видимо, боясь потерять Николая, он переметнулся своей подпрыгивающей, суетливой походкой на ту же сторону улицы.

Наконец, Николаю наскучила эта игра. Времени прошло порядочно, а ему топать еще добрых две версты, того и гляди опоздаешь. «Ну будет, лешак поганый. Некогда мне с тобой променады делать, душа из тебя вон!..»

Он ускорил шаг, быстро вышел на Уктусскую, повернул на Отрясихинскую и шмыгнул во двор. Николай знал этот удивительно запущенный двор с многочисленными сараями, дровяниками, пустующей конюшней и островерхой

голубятней. Но главная, чудесная особенность двора заключалась в том, что он сообщался с соседними дворами, такими же неуютными и запущенными, и можно было, срезав угол, выйти на Успенскую улицу, довольно далеко отсюда. Если шпику не известен этот двор, то будь у него даже собачье чутье, ему все равно не «унюхать» след.

Забежав в конюшню, Николай привалился боком к деревянной стене и выглянул. Вскоре шпик осторожно приотворил калитку и шагнул во двор. Минуту или две он стоял, прислушиваясь, вскинув голову. Потом сплюнул и бросился на улицу. Калитка сама закрылась, громко звякнув щеколдой.

Николай выждал немного для надежности и спокойным шагом двинулся в глубь двора...

План удался: от «хвоста» он избавился, остальную часть пути проделал без помех и все-таки явился последним. В доме у машиниста крана Алексея Rogozинникова уже собрались люди от всех цехов. На столе, покрытом праздничной скатертью, — сверкающий медный самовар, горка печенья в тарелке, варенье в стеклянной вазочке, несколько бутылок пива — все как положено при нелегальном собрании.

— Какое застолье! А я опоздал, — извиняющимся голосом сказал Николай и приветственно поднял руки.

Алексей Rogozинников, подвижной, высокий, с улыбочивым лицом, пододвинул ему стул.

— Ждем тебя, ровно прибавки.

— А он, как та прибавка, не поспешает, — вставил Василий Ливадных.

Расстегивая на шее косоворотку, Николай рассказал о своей прогулке с «проводатым», о том, что пришлось добираться «почти через Северный полюс...»

Василий Ливадных достал из бокового кармана пиджака два листа бумаги и, разглаживая их на столе широкой ладонью, повернулся к Давыдову всем своим могучим туловищем.

— Не горюй, на подметки получишь.

И хотя раздался смех, это была не совсем шутка. Из-за неотвязной слезки организаторам массовок и митингов приходилось подолгу крутить по городу, и Екатеринбургский комитет иногда выдавал им деньги на подметки, а то и на целые сапоги.

¹ Продолжение. Начало см. в № 1 и 2, 1966 г.



План сегодняшнего заседания был определен заранее: разработать требования рабочих по каждому цеху в отдельности, а затем — и требования общезаводские.

Начали с мартеновского. Василий Ливадных сказал, что уже кое-что прикинул с товарищами и взял со стола листы. Большие, закру-

тые руки его, привыкшие к огню и железу, держали бумагу как-то излишне осторожно и неумело. Читал Ливадных низким глуховатым голосом. Обсуждали пункт за пунктом, деловито, не спеша.

«Восьмичасовой рабочий день. Заводской врач. Вежливое обращение. Баки с кипяченой водой...» Приходится силой вырывать то, что хозяева сами должны были бы дать, что само собой разумеется, если бы они считали рабочих за людей, если бы сами были людьми. Конечно, они попробуют отмахнуться от этих требований, еще и возмутятся. И пускай. Те, кто до сих пор еще не раскусил их, быстрее поймут, злее будут...

Когда подошла очередь листопркатного цеха, Давыдов задумался. Любой другой цех не вызывал ни сомнений, ни тревоги. Но как поведут себя листопркатчики? На заводе их называли «ристократами». Смена у них длилась около шести часов, зарабатывали они больше,

чем другие рабочие. Правда, за шесть часов у листопркатчиков успевали взять все, что только было возможно, и все-таки это выглядело заманчиво и завидно — шесть часов. Расчет у хозяев был хитрый, но понятный: сделать из многих листопркатчиков — рабочих основного цеха — своих приспешников-богатеев, которые внесли бы раскол в общую рабочую гущу. Были в листопркатном не только богомолы, но и кулаки, имевшие даже своих рысаков. Некоторые работяги по темноте своей могут легко попасть под их влияние...

Давыдов обернулся к листопркатчику Шапарову, средних лет мужичонке с блеклым сухим лицом, реденькой соломенной бородкой и большими, по-детски ясными глазами. Он не был ни кулаком, ни ярым богомолом. По виду своему, тихому, даже немного пришибленному, он как раз подходил к тем, кто мог пойти на поводу у «ристократов».

— Что скажешь, Егор Петрович? — спросил Давыдов.

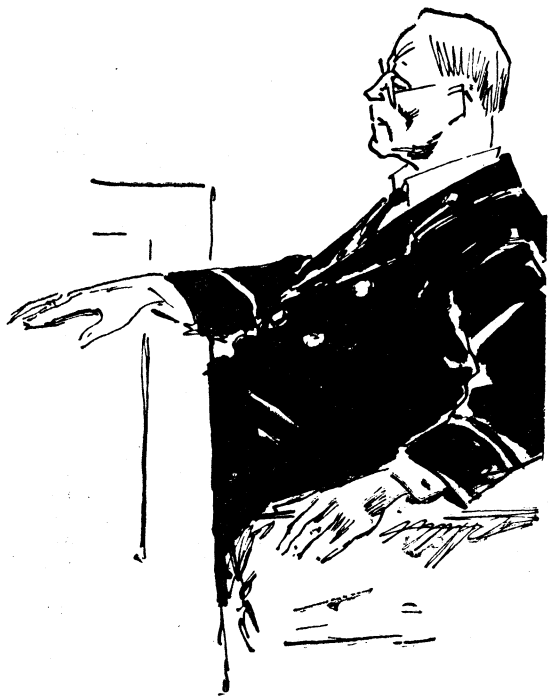
Шапаров скользнул по лицам сидящих вопросительным и чуть испуганным взглядом.

— А что, как они за эти самые требования под расчет подведут? Али призовут полицию? Они могут. Что станешь делать?

Давыдов грустно усмехнулся:

— Когда бы, Егор Петрович, ты один поднялся, могли бы и к расчету, и полицию на тебя напустить. Но мы же всем миром, всем заводом подыдемся. Кто ж посмеет тебя расчитать?..

— Да я не об себе только пекусь...



— Понятно, не о себе. Да только чересчур уж голову пригнул, Егор Петрович.

Шапаров жалостливо скривил губы:

— Проклятая жизнь приучила, Давыдов. Кто больше, кто меньше — а все пригибаются.

— Будем отвыкать, — мягко сказал Давыдов. — Разгибаться будем, Егор Петрович. Русский человек, он как тот вулкан. Слышал, наверно, про горы-вулканы? Молчит он, дремлет вроде. Терпит. Топчи его, делай что хочешь — терпит. А потом как загудит, загремит, закрокет...

— Горé-то все же не так опасно... — раскинув руки, тихо проговорил Шапаров.

Решили завтра во всех цехах познакомить людей с требованиями и агитировать, чтобы они были предьявлены администрации. Не записывая, условились, кто в каком цехе ведет работу.

— Ох, скорей удавятся господа, чем выполнят наши условия, — мрачновато сказал Павел Шалин, каменщик из мартеновского, пожилой, бородатый и морщинистый.

— И пущай удавятся, — выпалил токарь Захар Ермаков. — А мы свое возьмем.

Николай Давыдов поднял над столом руку. — Вот и подходим к самому моменту. Конечно, подобру-поздорову они и пальцем не пошевелят.

— Это как пить дать.

— Тогда что же? — Василий Ливадных, лукаво прикрыв один глаз, взглянул на товарищей.

— Бастовать, — подручный сталевара Капитон Орешкин ладонью рубанул воздух.

— Бастовать, — с удовлетворением повторил Давыдов и обернулся к Шапарову: — Как, Егор Петрович?

Шапаров склонил голову на бок.

— Бастовать так бастовать. Как все, так и мы, — нараспев проговорил он.

Алексей Rogozinников рывком поднялся и тут же сел на место, сказал горячо:

— Перво-наперво остановить котлы. Кто попробует поперек пойти, пускай на собственном пару выслуживается.

— Охрану около ворот выставить, — предложил Давыдов. — Если объявится какая шука — все равно не попадет на завод.

Василий Ливадных прихлопнул по столу ладонью в знак согласия, добавил:

— А еще бы по домам пройти. В каждом цехе знают, кто у них по ветру качается. Вот и урезонить этих шатких-то...

Давыдов высказал мысль, что управляющий Рулев не ответит сразу ни «да», ни «нет», на это нечего и надеяться. Рулев станет связываться с Петербургом, с начальством...

— Дадим срок, — решительно бросил Алексей. — И упредим Рулева.

— Даем срок, — подытожил Давыдов, — ждем и работаем. Нарушат срок — забастовка. Не выполняют требований — забастовка.

Василий Ливадных сжал на столе кулаки.

— При забастовке — чтоб никаких безобразий. Порядок полный. За этим — нам следить. Выпустил из печи металл — и бастуй. Спустил пар из котлов — и уходи. Вот так...

— Уж коли мы все по нотам расписали, — запальчиво сказал Алексей, — давайте уговоримся: сигнал к забастовке — гудок. И чтоб все это знали...

Перед тем как разойтись, хозяин дома предложил распить пиво: не пропадать же добру. И первый поднял граненый стакан, увенчанный белой шапкой пены.

— За удачу!..

Через два дня — утром 29 апреля — сивобородые старики, выбранные для солидности уполномоченными от цехов, пришли в контору. Узкогрудый канцелярист с острым желтым лицом доложил о них управляющему.

Рулев поморщился:

— Пусть заходят.

Старики вошли степенно, тихо, переступая через ковровую дорожку, чтоб не запачкать ее сапогами. Скинули шапки.

Рулев бросил на них быстрый, сумрачный взгляд, кивнул.

Против стола — два широких кожаных кресла, вдоль стен — тнутые венские стулья. Но управляющий не предложил садиться, и старики стояли, опустив тяжелые руки.

Кузнец Петр Сутягин дотянулся до стола, положил бумаги.

— Наше прошение, господин управляющий.

Рулев, прямой, сухощавый, придвинул к себе листы, стал читать, опустив тонкие синеватые веки. Губы вытянулись в ниточку, брови сошлись.

Старики переминались, покашливали, значительно переглядывались.

— Что ж, — сухо сказал Рулев, глядя чуть выше стариковских голов. — Я доложу о вашем прошении Правлению в Санкт-Петербурге.

— Ответ когда будет?

— Я прошу подождать... — он помедлил мгновение, — три недели.

— Стало быть, двадцать первого мая — ответ.

НА ТОЙ СТОРОНЕ

«Доношу, что по сведениям полиции рабочие мартовского цехов в Верх-Исетске, более 200 человек, намерены заявить экономические требования. Меры по охране порядка приняты, но стражи, ввиду откомандирования Кыштымского и Екатеринбургского резервов в Нязепетровск и значительной части стражи в Кыштым и Касли, налицо в Верх-Исетске недостаточны.

Екатеринбургский исправник Ключников. 1914 г., апреля, 23 дня».

Ротмистр Сергей Михайлович Красковский, молодой, тяжеловатый, с мешками усталости под глазами, чаще обычного крутил рыже-бурые свои, жесткие, как проволока, усы.

Черт знает что такое! Казалось бы, сделано все, чтобы обезвредить, доконать, прикончить их, а они не только живы, но опять поднимают голову. Нязепетровск, Кыштым, Касли. Совсем недавно Чусовой и Лысьва. Теперь Верх-Исетск... Конечно же, все это не обходится без них. Они, только они сеют бациллы брожения и смуты. Положительно мягки, чрезвычайной мягки законы. Каленым железом надо выжигать...

Было бы полбеда, если б Ключников извещал о непорядках только его, Красковского. Но ведь Красковскому он прислал копию своего донесения губернатору и начальнику Пермского губернского жандармского управления... Пренеприятная история! Когда подобное происходит в какой-нибудь из дыр большого уезда, еще куда ни шло. А тут, что называется, под носом у вас, ротмистр Красковский. Куда же вы смотрите, господин ротмистр? Быть может, вы запомнили, что являетесь помощником начальника Пермского губернского жандармского управления, главным стражем порядка во всем Екатеринбургском уезде?

Впрочем, сведения полиции не всегда отражают истинное положение вещей. Случаются преувеличения, и нередко. Надо понять Ключникова, опытного службиста: если в Верх-Исетске не произойдет никаких волнений, с него и спроса никакого. Но если волнения все же возникнут, Ключников на коне: он своевременно доносил во все инстанции.

Расследование всяких этих брожений на заводах, пожалуй, не легче охоты за подпольными организациями и типографиями. Точно иголку ищешь в стог сена. Что ж, обождем, вполне возможно, все еще уладится, обрадуется...

Но спустя пять дней, 28 апреля, от Ключникова — новая бумага: «По полученным негласным путем в последние дни сведениям у рабочих Верх-Исетского завода имеется предположение объявить забастовку всех цехов завода...» Далее перечислялись «главные агитаторы забастовки».

Ротмистр Красковский устало откинулся на спинку кресла. Вот тебе и уладилось и образовалось! Теперь уж никаких сомнений...

Ну-ка взглянем, нет ли у нас сведений об этих господах хороших. Он кликнул вахмистра, дал ему список и велел принести все, что имеется в канцелярии об означенных лицах.

Так-с, посмотрим... «Ливадных Василий Иванов в 1907 году, на основании ст. 16 Положения о государственной охране, Пермским гу-

бернатором был выслан из Перми и пределов Пермского уезда». Совершенно ясно: бунтарь. Притих на время, а теперь опять за старое. Пойдем дальше... Давыдов Николай Михайлов. Кличка наблюдения — «Ерш». Вероятно, штука! «При ликвидации членов уральской областной конференции РСДРП, имевшей место в Екатеринбург в 1909 году, был обыскан, арестован и выслан в административном порядке в Архангельскую губернию сроком на 3 года...»

Филеры обычно дают клички весьма метко, «Ерш». Колючий, следовательно. Но колючая ли рыба, скользкая ли — не имеет особого значения, когда она на крючке...

На другой день, 29 апреля, к вечеру на столе ротмистра лежали восемь страниц машинописного текста — «Требования рабочих Верх-Исетского завода». Копия с тех страниц, что утром этого же дня старики-уполномоченные вручили управляющему Рулеву.

Красковский читал, саркастически улыбался, возмущенно вскидывая рыже-бурую голову. «Восьмичасовой рабочий день...» Старая, надоевшая песня. «Сверхурочные работы по особому соглашению». Каковы персоны! «Вежливое обращение с рабочими». Розги бы вестить! «Избрание цеховых старост, на обязанности которых должно лежать наблюдение за исполнением администрацией завода требований, предъявленных рабочими». Наглость. Безмерная наглость! «Поставить во всех цехах баки с кипяченой водой». Может, зельтерскую на льду? Да и хозяева хороши: нет чтобы поставить им баки с водой... «За забастовку никто не должен пострадать...» Ну, это уж позвольте нам решать, господа хорошие!..

2 мая начальник Пермского губернского жандармского управления переслал Красковскому письмо пермского губернатора: «Среди рабочих Верх-Исетского завода за последнее время наблюдается брожение, причем, предъявив ряд требований, они намереваются поддерживать их, в случае неудовлетворения, забастовкой».

Перечислив те же имена «главных агитаторов», губернатор заканчивал письмо словами: «В виду сего прошу Ваше высокоблагородие возбудить о названных лицах перепиську в порядке Положения о государственной охране на предмет исследования вредной их деятельности среди рабочих Верх-Исетского завода».

Резолюция начальника жандармского управления обязывала ротмистра Красковского приниматься за дело. Но он и без того уже принялся. Папка с каждым днем «полнела».

«Агентурные сведения на мещанина Николая Михайловича Давыдова.

Давыдов был инициатором сбора денег в пользу забастовавших рабочих Чусовского и Лысьвенского заводов Пермского уезда.

На пасхальной неделе намеревался выехать из Верх-Исетского завода в Лысьвенский завод для ознакомления с ходом возникшей там забастовки, а по возвращении оттуда предполагал агитировать среди рабочих Верх-Исетского завода за устройство забастовки... Но по независящим от него обстоятельствам не мог выполнить этого.

Уговаривал рабочих отсрочить предъявление экономических требований и объявление забастовки, так как рабочие крупносортного и ли-

стобойного цехов не работали три недели по случаю ремонта и могли остаться в трудном материальном положении после объявления забастовки.

На одном из собраний рабочих в квартире Рогозинникова (2-я Закутиловская, 1) Давыдов предложил собравшимся рабочим предъявить требования Верх-Исетскому заводууправлению всеми цехами, угрожая забастовкой.

Старый, опытный «Ерш», хотя от роду всего двадцать четыре... Видно, три года ссылки не пошли впрок. Что ж, голубчик, срок может быть и удлинен, а медвежьих уголков у нас хватит.

Так-с, а вот и еще один господин. Капитон Орешкин. Кто такой? Рабочий мартеновского цеха. «Принимал участие на собрании рабочих Верх-Исетского завода, на котором были выработаны пункты требований, и одним из первых подал мысль о забастовке в мартеновском цехе, за которым следом должны забастовать и остальные цехи завода».

Нрав у вас бойкий, Капитон Орешкин. Померить бы его! Кстати, сколько вы прожили на белом свете? Тридцать семь. Не кажется ли вам, что уже многовато?

Так-с, Алексей Рогозинников. Кто? Машинист крана. Так-с... «В квартире Рогозинникова происходили собрания рабочих Верх-Исетского завода. На собраниях было решено предъявить требования и объявить забастовку».

Весьма и весьма легкомысленно, господин Рогозинников. Может случиться, вам придется переменить местожительство. А там, кроме моржей и тюленей, некому будет предоставлять свою квартиру...

И больше ни о ком никаких сведений. Странно.

Вошел вахмистр, щелкнул каблуками, положил на подпись донесение в Департамент полиции о том, что сегодня, 1914 года, мая, 12 дня, он, Отдельного Корпуса Жандармов ротмистр Красковский, «приступил к производству переписки в порядке 29 стр. Положения о государственной охране, Высочайше утвержденного 14 августа 1881 года, о рабочих Верх-Исетского завода».

Пробежав глазами написанное, ротмистр размашисто, так, что заскрипело перо, расписался.

Да, а сведений-то могло быть больше. При соответствующем внимании, например, к этому самому Василию Ливадных, однажды высланному, несомненно что-то было бы. И о других тоже... Полицейские чины не упускают возможности полюбоваться на себя, похвалиться своею деятельностью. А внешнее наблюдение поставлено все-таки недостаточно хорошо.

Управляющий Рулев обещал дать ответ через три недели. Рабочие ждут. Вот сейчас как раз и усилят бы наблюдение...

«ВЫСТОИМ!»

Двадцать первого мая в цехах объявили, что приехавший из Санкт-Петербурга директор-распорядитель, господин Отцко пожелал завтра встретиться со старшими рабочими и подручными для переговоров.

К десяти часам утра коридор заводууправ-

ления стал заполняться народом. Давыдов пошел к Василию Ливадных.

Василий посмотрел по сторонам, довольно усмехнулся:

— Густо... Одних наших мартеновских сотня. Рядом разговаривали двое рабочих:

— Поглядим, что оно за такое — директор-распорядитель.

— Птица!.

— Называется только чудно — Очко.

— Да не Очко, а вроде бы Отцко...

— Лешак с ним. Сказал бы дело...

Захар Ермаков, большой, медвежий, наклонился к Давыдову:

— Как думаешь, что привез из Питера господин директор?

— Не доложилс я мне. Загордился, видно, черт,— отшутился Давыдов.

— Уж какой-то гостинчик прихватил,— вмешался щупленький старичок.

Захар Ермаков нервно потер сухие ладони. Дверь из кабинета управляющего открылась, и в коридор в сопровождении Рулева вышел господин Отцко, невысокий, с двойным подбородком, выпуклым животом и пивным румянцем на толстых бритых щеках. В углу рта папироса. Губы мясистые и влажные, словно он только что оторвал их от пивной кружки. В коридоре стало тихо.

Директор оглядел рабочих надменно-сощуренным взглядом. Не вынимая изо рта папиросы, медленно заговорил:

— Мы получали и знакомились с вашей петицией. Акционерное общество не имеет возможность делать прибавки. Никаких прибавок. Идите и работайте. Потом, после мы будем возвращаться к этому вопросу...

Рулев, спрятав за спину руки, сосредоточенно смотрел в пол.

— Господин директор,— кузнец Сутягин шагнул вперед, товарищи расступились, пропуская его.— Надо сейчас решать. Расценки, что ни год, резали. Дальше так жить никак нельзя. А завод дает прибыля...

— Может быть, вы лучше меня знаете?—

Отцко выронил папиросу и растоптал ее.

— По своим горбам знаем,— порхнуло из другого конца коридора.

— Задарма робим...

— Какого же рожна три недели ждали?

— Так не пойдет...

— Господин директор,— с напряженным спокойствием сказал Сутягин. — Если не будет решения, люди могут бросить работу.

Отцко поднял короткие руки.

— Еще одна неделя. Сегодня я буду выезжать в Петербург, там буду советоваться с коллегами и пришлю вам телеграмму: «да» или «нет».

— Спасибочки! — пронеслось по коридору.

— Одна неделя,— Отцко поднял над головой толстый указательный палец.

— Нет и нет,— громко сказал Давыдов.— Ожиданиями сыты...

— Сейчас ответ! — пробасил Ливадных.

Щеки у Отцко потемнели. Он пожевал мокрыми губами и вдруг взорвался резким визгливым криком:

— Это есть хамство! Вы... вы упирались, как ослы. От осел, если его даже тащить за уши, ничего нельзя добиваться. Вы хотели бы, чтобы вам давать гармошку, и вы застава-



ляли директор плясать под нее. Я повторял: идите работать. Ждать одна неделя.

С этими словами он быстро повернулся и, выставив живот, засеменял в кабинет управляющего. Рулев, опустив голову, шел следом.

Несколько минут в коридоре стояла оцепенелая тишина. Первым нарушил ее Капитон Орешкин:

— Хороша прибавка!

— Столковались...

— Вот-те и переговоры...

— А ведь этот боров, должно, считает, что уговорил нас,— загудел Василий Ливадных.

Кто-то выругался вполголоса.

Народ медленно повалил из конторы. Давыдов остался стоять. Он просто не мог двинуться с места. Ощущение было такое, словно этот боров, как назвал директора Ливадных, отхлестал его, Давыдова, по лицу, и теперь щеки у него горели и больно стучало в висках. К щемящей злой обиде примешивалась еще и запоздалая горечь от того, что директор ушел безнаказанно, а ни он, Давыдов, никто другой даже не ответили ему, не сказали ни слова...

Ливадных ждал его у выхода из конторы. Глаза Василия блестели задорно и гневно.

— Начинаем?

— Начинаем,— твердо проговорил Давыдов.

Войдя в механический, он сразу увидел вверху, на кране, Алексея Рогозинникова. Алексей знаками спрашивал, что слышно, и Давыдов знаками же показал: «Кончай работу,

слась!» Машинист понимающе закивал, лихо заломил шапку и повел кран в конец цеха.

Давыдова обступили рабочие.

Когда он под возмущенные выкрики заканчивал рассказ о встрече с директором, подбежал Захар Ермаков. Лицо у него казалось пятачком: оно пылало, а ослипки оставались бледными. Он склонился к самому уху Давыдова.

— Давай, давай,— сказал Давыдов и повернулся к слушавшим его.— Вот так, товарищи. Только бастовать. Иначе с ними не сговоришься...

Через несколько минут пятерка молодых рабочих под началом Захара Ермакова вбежала в котельное отделение.

— Давай гудок. Забастовка! — запыхавшись, крикнул Захар дежурному.

Тот растопырил руки, заступая дорогу к котлам:

— Не имею такого права.

— А мы имеем! — Захар оттиснул дежурного, остальные бросились к котлам.

Надсадный рев рванул воздух, вскружил над заводом и понесся над Верх-Исетском, над городом.

Директор-распорядитель господин Отцо в это время катил в пароконном фазтоне по Главному проспекту на станцию. Услышав гудок, он беспечно зяерзал на мягком сиденье, ткнул кулаком в ватную кучерскую спину.

— Это Верх-Исетский?

— Он самый, — повернул бородатую голову кучер. — Пожар, никак...

— Какой там пожар! Назад! Заворачивай назад!..

А Захар Ермаков, оставив двух товарищей в котельной, с двумя другими примчался в листопрокатный, остановил паровые машины и кинулся на электростанцию.

Смолк громовой рокот прокатных станов, шипенье пара, шум и визг станков, не стало слышно уханья листобойных и кузнечных молотов. Только гудок ревел неумолчно, тревожно и призывно.

Трое парней из мартеновского по заданию стачечного комитета ходили из цеха в цех, смотрели, все ли бросили работу.

Люди вытирали станки, складывали инструменты, прибирали верстаки и уходили.

В сумеречном листопрокатном то здесь, то там собирались группки рабочих, негромко судачили о чем-то. При появлении посторонних они тотчас рассыпались. В глубине цеха старик-мастер молча проверял партию железа. Парни подошли к нему. Старик не поднял на них головы.

— Что, папаша, один будешь работать?

— А хоть и один...

— Давай бросай, папаша.

— Кончу приемку, тогда.

— На старости выслуживаться — какой толк?

— Через ваши затеи неохота заработок терять...

— Не будем лаяться, папаша. Бросай работу.

Старик ругнулся под нос, с сердцем бросил гремучий железный лист, медленно выпрямился и, не глядя на парней, вытирая ветошью руки, поплелся к своей конторке.

На завод, гремя неуклюжими бочками, спешили пожарные. Прибыл отряд полиции. Но полицейским, как и пожарным, делать было нечего. Все было спокойно.

Рабочие уходили с завода. В мартеновском осталось несколько человек, чтобы выпустить металл и погасить печи. Вторая смена сегодня не заступит...

Давыдов и Василий Ливадных неторопливо шли к проходной. Тишина умолкшего вдруг завода пугала и радовала Давыдова.

— Главное теперь — выстоять, — негромко, раздумчиво сказал он Василию.

Ливадных улыбнулся проникновенно своими серыми умными глазами:

— Нешто не сможем? Выстоим!

ПОЕДИНОК

Зловеще чернели в сумерках заводского корпуса, из-за каменной стены не доносилось ни звука. Всякий раз, когда Николаю случалось проходить мимо притихшего завода, тревога, которая ни на минуту не оставляла его все это время, вспыхивала с новой силой. Но сегодня было не так. Только что он побывал в двух рабочих семьях и возвращался в отличном настроении.

Токарь Сидор Игнатьевич Пахтеев, один из почтенных верх-исетских стариков, рассказал ему, что вчера утром к нему от управляющего прибежал рассылка: «Сидор Игнатьич, господин Рулев просит немедля явиться». «Немедля-то немедля, — с гордостью говорил Пахтеев, — а все ж таки просит. Дожил ты, Сидор Игнатьевич, до славных времен!» Сидор Игнатьевич пошел. Управляющий любезно показал ему на кресло, завел речь насчет трудностей жизни, насчет того, что забастовка все равно провалится, так как люди положительные, с понятием, не сегодня-завтра приступят к работе. «Если вы, Сидор Игнатьич, станете к станку, администрация гарантирует вам прибавку до двадцати рублей. Это больше, чем те двадцать пять процентов, которые указаны в требованиях. И можете не сомневаться, Сидор Игнатьич, вы не окажетесь в одиночестве: таких, как вы, будет половина цеха...»

Пахтеев послушал и ответил: «Каждый, господин Рулев, распоряжается своею совестью как знает. Только я сроду ею не торговывал. Запродашь ее хоть раз, а после до самой смерти не добудешь...» Почтительно поклонился и вышел. Смотрит, а в коридоре топчется с десятком мужиков, тоже приглашенные. Решил подождать, чем дело кончится. Часа полтора довелось ждать. Зато ушел спокойный: управляющему никого не удалось купить.

От Пахтеева Николай заглянул к чернорабочему из механического Макару Егорову. Пятеро детей, мал мала меньше. Болезненно худая жена. Отовсюду в глаза бьет нищета.

«Как жизнь-то?»

«Живем — не тужим».

Вмешивается жена: «Ежели еще затянется это, положим зубы на полку...»

Егоров с осуждением покачал головой, перевел на Давыдова смущенный взгляд: «Толкую, толкую ей, а она свое. Да пойми ты: хозяйевам тяжельше. У нас карман был худой да пустой — такой и остался. Не привыкать. И на квасе протянем. А у них тощеет карман с каждым часом, и через это сердце того и гляди лопнет. Голову кладу — они первые на поклон пойдут. Беспременно...»

Токаря Пахтеева и чернорабочего Егорова считали в механическом не очень устойчивыми, потому стачечный комитет и решил их прозедать. И теперь Николай испытывал смешанное чувство неловкости и настоящей, большой радости...

Но от радости не осталось и следа, как только он переступил порог дома.

Мать встретила его всполошенная, в усталых глазах тревога:

— Николаша, повестка...

Он взял серую бумажку: «...надлежит явиться к помощнику начальника Пермского губернского жандармского управления ротмистру

Красковскому... Вознесенская площадь, 4...»
Знакомый адресок.

— Началось...

Екатерине Логиновне послышалось, что сын сказал это не только без малейшего испуга, но даже чуточку насмешливо.

— Что же это, Николаша?

Он сказал матери, что все идет, как положено: забастовка — это беспорядок, а жандармы на то и поставлены, чтобы порядок охранять.

— Ты хоть остерегайся...

— Само собой.

— Куда же ты? Тебе ведь завтра...

— Я скоро, мама.

Надо предупредить товарищей. Кроме Василия никто еще не встречался с жандармами. Надо договориться, чтоб на допросах все было влад. Снова пригодится наука, которую преподавал когда-то в тюрьме товарищ Андрей.

Утром, собираясь уходить, Николай наткнулся на небольшой узелок. Развернул из любопытства. Смена его белья, кусочек печатного мыла...

— Что это, мама?

Она подняла на него страдальческие глаза.

— В тот раз ничего не успела...

Николай громко рассмеялся:

— Жандармы еще не берут меня, а ты уж готова отправить.

— Господь с тобой, что ты плетешь...

Когда Николай обнял ее, прощаясь, Екатерине Логиновне страшно захотелось перекрестить сына. Но она постеснялась и только помахала ему рукой.

Все, все было знакомо здесь Николаю — и эта гулкая неширокая лестница, где, как и тогда, почему-то пахло мышами, и этот кабинет (обои, правда, другие) с каким-то застоявшимся воздухом, и этот тяжелый стол, и даже эта щель между крашеными половицами.

И опять на него смотрели двое — ротмистр Красковский и царь с холодным, бесстрастным лицом.

«Вон ты какой, Николай Михайлов Давыдов! С виду совсем не похож на «ерша», — подумал Красковский и указал на стул. Он положил перед собой кирпично-красный бланк протокола, точно такой, какой был у Ральцевича, и обманул перо в черные чернила.

— Членом какой партии вы являетесь, Давыдов?

— Не принадлежал и не принадлежу ни к каким партиям.

— В переговорах с директором Отцко участвовали?

— Был там. Мой паровоз как раз поставили на ремонт.

— Что вы делали, когда переговоры закончились?

— Задержался ненадолго в конторе по делам больницы кассы. Потом ушел домой на обед.

Красковский раскрыл папку, пробежал свежие агентурные сведения.

— Так-с, на обед... — повторил Красковский. — Вы твердо помните, что ушли домой?

Николай снисходительно улыбнулся.

— Память у меня пока твердая.

«Истинный «Ерш», — подумал ротмистр. — Ну, погоди же...»

— Где же, следовательно, вас застал гудок?

— Дома.

— Значит в момент, когда был подан услов-

ленный сигнал к началу забастовки, вы не были на заводе?

— Да, не был. Но мне не известно, чтобы кто-то улавливался о сигнале.

— Что же, по-вашему, означал гудок?

— Я так понимаю: когда рабочие решили бросить работу, они дали гудок, чтоб известить всех — дескать машины останавливаются. Обычно, если что случается и нужно остановить машины, сначала дают предупредительный гудок.

— Кто подавал сигнал?

— Как я вам уже сказал, гудок я услышал дома.

Красковский бойко записывал, оставив мизинец с длинным розовым ногтем.

— Вам известно, что заводская администрация принимала меры к выяснению тех рабочих, которые подавали свистки?

— Слышал об этом. Но чем тут поможешь?

«А ты, оказывается, не только «Ерш»...»

Красковский заглянул в папку. «22 мая рабочие, по выходе из конторы завода, обсуждали вопрос: продолжать ли работу или забастовать. Капитан Орешкин подал мысль о том, что сейчас же надо забастовать...»

— Вы не вспомните... когда рабочие вышли после переговоров с господином Отцко, кто предложил не ждать семидневного срока, а бастовать?

«Эх, господин ротмистр...»

— Я вам говорил, что задержался по делам больницы кассы. А когда вышел, никого из рабочих уже не было.

— Что вы застали, когда вернулись на завод после обеда?

Он особенно выделил эти слова — «после обеда» — и быстро исподлобья глянул на Николая.

— Механический уже стоял. Говорили, что остановился и кузнечно-котельный...

— Кто выгонял из цехов рабочих, которые не хотели бастовать?

— Не видал, чтоб кого-нибудь выгоняли.

— Каковы, по-вашему, причины забастовки?

— Плохо живут рабочие. Многие семью прокормить не могут. Все вздорожало, особенно продукты. А расценки очень срезали. Потому-то и предъявили требования. Господин же Отцко разговаривал грубо, недостойно. Обозвал всех ослиами. У людей создалось мнение, что и через неделю они так же не получат определенного ответа...

Красковский, скосив глаза, снова посмотрел в папку. «Во время хода забастовки Давыдов принимал участие в собраниях рабочих 23—24 мая...»

— Какие вопросы обсуждались на ваших собраниях 23 и 24 мая?

— Не могу вам сказать. Ни на каких собраниях не бывал. В эти дни я гулял на свадьбе у моей сестры Зинаиды.

— На чьей квартире собирались?

— В нашем доме свадьбу играли, — наивно округлив глаза, ответил Николай.

Красковский прикусил губу, потом, поправив рыже-бурые усы, сказал напряженным голосом:

— Я спрашиваю: на чьей квартире устраивались ваши собрания? Только ли на квартире у Рогзинникова или, быть может, и в других местах?

«Что же это? — подумал Николай, чувствуя,

как жаркая волна ударила в виски.—Провокатор?..»

— Собрания? — сказал он, с трудом преодолевая внутреннюю дрожь.— Я был только на одном собрании. Оно происходило открыто, в сортировочном магазине.

— Так-с... У нас имеются сведения, что вы, Давыдов, и некоторые ваши сообщники агитировали за забастовку.

— Нет, не занимался я этим. Да и мои товарищи тоже. Надобности в том не было. Я вам сказал причины забастовки. И возникла она естественно, сама собой — рабочие увидели, что другим путем ничего не добьешься...

Отпустив Давыдова, Красковский, позванивая шпорами, долго ходил по кабинету. Агентурные сведения — это, понятно, неплохо. Но это почти то же, что ловля ершей голыми руками. Их надо вылавливать сетью, брать с поличным, на месте преступления. Только так. Тогда судебный процесс, и пожалуйте на каторгу... А на основании агентурных сведений — всего лишь административная высылка. Для такого «Ерша» — мало, мало...

ПРОСВЕТ СРЕДИ ТУЧ

Там, в кабинете с неподвижным, застоявшимся воздухом, Николай совсем забыл, что сейчас разгар дня, что так чудесно светит солнце.

«Дурачьё. Тупоголовое дурачьё!» — торжественно думал он, разгонисто шагая по многолюдной улице.

Миновав Клубную, он увидел впереди невысокую, тонкую девичью фигурку. Черная юбка колоколом, коротенький жакет с черным плюшевым воротничком; на затылке, под серой панамкой, — узелок светлых волос. В руках у девушки желтенький деревянный баул...

— Шуринька!

Она быстро обернулась. Николай подбежал, схватил ее за руки.

— Это ты? Даже не верится! Как? Откуда?

Шуринька оторопела от неожиданности, потом, смеясь, заверила его, что это действительно она, что несколько дней гостила у сестры в Троицке, а сейчас приехала в Екатеринбург и поживет немного у Марии Николаевны.

Кто бы подумал, что день, когда тебя вызывают в жандармское управление, может быть таким счастливым!

— Я поняла, почему ты не мог приехать, — сказала она шепотом.— Верх-Исетский бастует... Это не страшно?

— Почему страшно?

— Ничего за это не сделают?

— А что они могут?

— Мало ли... И ты теперь каждый день так разгуливаешь?

— Каждый...

Шуринька хотела сразу идти на Студеную к Марии Николаевне, но Николай не отпустил ее.

— Тогда возьми баул, пожалуйста, — улыбнулась Шуринька.

Николай обозвал себя пентюхом и сказал, что это у него от радости.

Они ходили по улицам, сидели в сквозных весенних скверах и снова бродили. Эта последняя разлука сблизила их еще больше. Шуринька рассказывала о своей школе, об учениках. А он — о работе, о товарищах, о забастовке.

— Сегодня седьмой день. Вроде и немного, но если б ты знала, как это трудно. Есть люди — голодом сидят, а борются. Представляешь, завод стоит, кругом тишина, а борьба кипит отчаянная. Всего седьмой день, а смотришь, люди вроде выросли. Просто здорово!

— В поезде говорили, будто войны не миновать, — Шуринька беспокойно подняла на него глаза.

— Все может быть. Им это выгодно: вдруг отвалится лакомый кусок. К тому же, под пушечный гром не слышно, как народ гудит. Только обманываются. Десять лет назад война ускорила революцию. И сейчас, если затеют бойню, быстрее подойдут к своему краю...

— Ты знаешь, — призналась она шепотом, — я иногда стараюсь вообразить, как это будет... то, за что вы боретесь. Интересно и жутко: свержение, переворот света... — Она даже поежилась.

Николай откинулся на спинку скамьи, помолчал задумчиво.

— Ты считаешь, мы застанем? — Шуринька наклонилась к нему.

— Что значит — застанем? Кто ж, если не мы — муравьи революции — будет все делать? Нам, нам придется и рушить, и строить... Жаль только, под проклятыми обломками пропадет не одна жизнь...

Порой он замолкал надолго. Думал: кто сейчас сидит перед ротмистром Красковским? Кого пытается «прикупить» управляющий Рулев?

И опять ходили веселыми солнечными улицами, и, несмотря на все тревоги, ощущение счастья с новой силой завладевало Николаем. «Шуринька, Шуринька! Надо же, появилась именно сегодня, в такой день... Просвет среди туч...»

— Если бы всю жизнь вот так идти... вместе, — сказал он вдруг, поражаясь своей решимости.

У Шуриньки вспыхнули щеки, сердце замерло, она словно сжалась вся, примолкла.

— Правда, со мной идти хлопотно. До Каменных палат наверняка не добраться, а вот за решетку угодить, в ссылку или на каторгу — это легко...

— А я не боюсь...

Шуринька произнесла это так тихо, что Николай не сразу понял: в самом деле он услышал или ему почудилось то, что хотелось услышать. Он остановился, взял ее за руку.

— Не боюсь, — повторила Шуринька, смело глядя в его зрачки.

Сумерки застали их на неширокой, устремлявшейся вверх улице. Впереди, на взгорье, темнели два каменных массивных столба с черными чугуными державными орлами. Шуринька знала, что за этими столбами начинается печально знаменитый каторжный Сибирский тракт, дорога в неволю, по которой прошли когда-то декабристы, прогремели кандалами тысячи людей... Она обернулась к Николаю.

— Уж если придется, пройдем и мы... Но зачем же сейчас, добровольно?

Он рассмеялся. Но вдруг нахмурился. Шура тревожно распахнула глаза.

— Что? Что такое?

Николай признался, что сегодня утром его вызвали в жандармское управление, что встретил он ее, возвращаясь после допроса, а теперь уже вечер, и мама там, наверно, оплакивает его.

Шуринька приложила к щекам ладошки.

— Как же ты? Конечно, она решила: арестовали. Сидит, плачет. Все из-за меня, из-за меня...— и потащила его за руку.— Бегом домой!

ПОБЕДА

К концу девятого дня забастовки в проходной было вывешено объявление за подписью Рулева. Администрация сообщала, какие требования рабочих удовлетворялись...

Вечером почти весь стачечный комитет собрался у Рогозинникова. Алексей, всегда улыбочивый, неугомонный, сегодня вовсе не мог усидеть на месте, тискал товарищей, смеялся и говорил, говорил...

— С поганой овцы хоть шерсти клок. Победа, братцы. Вот что значит выдержка, упорство!

Василий Ливадных тоже возбужденно ходил по комнате, под его тяжелой поступью скрипели половицы, в горке позванивала посуда.

— Эти девять дней года стоят,— гудел его низкий глуховатый голос.— Большая наука для рабочего человека.

— «Вы... вы улирались, как ослы,— визгливо закричал Николай.— От осел тоже ничего нельзя добиваться...»

Все грохнули смехом, Павел Шалин взял в кулак бороду.

— Нынче оно лучше видать, кто в ослах-то ходит...

Потом стали вспоминать встречи с Красковским, и смех накапывался частыми шумными приboями. Саша, жена Рогозинникова, добродушная толстуха, заглянула в комнату, проворчала:

— Гоготали бы потише, детишкам не зануть...

— ...А я ему на это говорю,— с незатухающей улыбкой рассказывал Алексей.— Господин ротмистр, я работаю на высоте в шестнадцать аршин, один при кране. Откуда мне знать, что решают и делают внизу? Только когда все ушли с работы, я спустился и узнал: забастовка...

Николай хохотал, влюбленно поглядывая на Рогозинникова. А тот продолжал, внезапно помрачнев:

— Но какая-то мразь явно доносила. Красковский в папочку заглянет— число называет, когда у меня собирались, что Давыдов говорил, что Орешкин.

Николай вспомнил свое ощущение на допросе, и от прихлынувшего негодования у него слегка закружилась голова.

— Этакая тварь опаснее любого жандарма. Вот так в девятом году нас Бахарев выдал, массажирист по специальности. Был товарищ как товарищ, член комитета, а потом в одну ночь— всех. Нас сослали, а Бахарева выпустили, и он— как сквозь землю...

— Россия большая,— отозвался Алексей.— Перемахнул в другой город, теперь там массаж делает...

— Много погани на белом свете...— задумчиво сказал Василий Ливадных и сжал кулаки.— А Красковский спрашивает у меня, сколько, мол, я получаю. Сам подсказал ход. «Сто рублей, говорю, в месяц зарабатываю. Никакого расчета бастовать мне, сами понимаете, нету». А Петруха, братан, тот в чувства ударился: «Никаких разговоров про политику не слыхал. Могу, говорит, об этом и под присягой подтвердить,

как бывший взводный лейбгвардии Петербургского полка...» Лихо?

Когда затих новый порыв смеха, Николай взглянул на Шалина:

— А вам, Павел Яковлевич, разве нечего вспомнить?

Шалин выпрямил спину, потрогал раздумчиво бороду, смиренным голосом зачастил: «Человек я безграмотный и многосемейный, восемь душ детей у меня. Так что я ничем, тем более политикой, не интересуюсь. При переговорах с господином Отцко не бывал. Давыдова знать не знаю. Чтоб кто кричал: «Бросай работу!»— не могу сказать, не слыхал...»

Покатываясь со смеху, Алексей схватил Шалина за плечи, затряс его.

— Тебе, дьявол ты старый, в театре представлять. А ты в мартенах копаешься...

В эту ночь Николай почти не спал. Раза четыре вскакивал, присвечивая спичкой, смотрел на часы. А под утро сон сморил его, и Екатерина Логиновна с трудом растормошила сына. Он умылся, наспех, стоя, выпил стакан чая и побежал. Праздничное, неумно-веселое чувство гнало Николая.

К заводу ходко шли мартеновцы, листобой, прокатчики. Лица за девять дней безделья словно посветлели, помолодели. Здоровались на ходу, переговаривались о погоде, о всякой всячине. И только о главном, о чем в это утро думал каждый рабочий,— о забастовке, о ее исходе— ни слова.

Во дворе Николая догнал чернорабочий Макар Егоров. Подошел вплотную, хитровато и весело подмигнул: «Чья правда? Кто первый пришел на поклон?!»

В полдень исправник Ключников по телефону сообщил ротмистру Красковскому, что рабочие Верх-Исетского завода приступили к работе всеми цехами.

Красковский вяло и сухо поблагодарил исправника и повесил трубку. Сообщение это, в сущности, уже не интересовало его. Все обстоятельства верх-исетского дела исследованы, и теперь оно вызывало у Красковского лишь злое разочарование.

Агентурные сведения, проверенные филерским наблюдением, указывают на преступную деятельность Николая Давыдова, Алексея Рогозинникова, Василия Ливадных, Капитана Орешкина. Несмотря на это, совершенно обоснованное намерение Красковского сразу же обыскать и арестовать зачинщиков забастовки не нашло поддержки у пермского начальства.

Почему? Уразуметь ход мыслей у начальства положительно невозможно. Кругом забастовки, не стоит дразнить гусей? Арест зачинщиков вызовет новые волнения? Но ведь эта, мягко говоря, нерешительность может дорого стоить! Вероятно, высокое начальство повсеместно заражено подобными паралитическими, трусливыми настроениями,— в результате по всей России только и слышно: «Забастовка! Забастовка!»

Как бы то ни было, Красковский решил больше не возвращаться к верх-исетскому делу: чего доброго, заслужишь не высочайшее благоволение, а высочайший гнев...

Домой Николай вернулся с тем же праздничным чувством, с каким утром бежал на завод. Отец вышел ему навстречу неверной, развинченной походкой; рубаха на груди расстегнута, жилет распахнут, в усах крошки.

— А, старший сын! Гордость семьи Давыдо-

вых! — он помахал рукой перед своим лицом в красных пятнах.— Здравия желаем!..

Николай сдержанно поздоровался, начал раздеваться.

Екатерина Логиновна попыталась увести мужа в другую комнату, но он оттолкнул ее.

— Не путайся, дай с сыном побеседовать. Он хоть и забастовщик, а я имею желание побеседовать с ним по душам..

Пошатываясь, Михаил Федорович показал на сына пальцем.

— Именно — забастовщик, смутьян, нарушитель порядка. Вот ты кто!

— Очень даже приятно. Ротмистр тоже так считает.

— Что, не вызывал больше?

— Представьте, нет. Не о чем нам с ним говорить.

— Будешь продолжать свое, найдется..

Екатерина Логиновна опять подошла к мужу.

— Отдохнул бы..

Он замахал руками. Николай удивился: никогда раньше не замечал, что у отца такие длинные руки.

— Не желаю отдыхать! И молчать не желаю!

— А лучше бы помолчать,— не сдержавшись, буркнул Николай.

Михаила Федоровича качнуло, словно его ударили в грудь.

— Что-о? — взревел он.— Это с отцом-то? Каторжник! Каторжник ты!

— Пусть каторжник,— Николай рассерженно швырнул в угол свою промасленную куртку.— Но ты.., что-то больно часто ты того... Сколько раз слово давал маме. На что похоже?

Михаил Федорович, тараща воспаленные глаза, затряс кулаками.

— Отца оговаривать? Выгоню вон! Я на свои пью! Ты — не указ. Никто мне — не указ..

Екатерина Логиновна выставила детей во двор: «Нечего вам тут слушать...» А сама прислонилась к косяку, напряженная, печальная.

Михаил Федорович пошумел недолго, плюхнулся на стул, обхватив голову руками, всхлипнул.

— Может, я с тоски пью, ты подумал? — жалобным влажным голосом заговорил он.— Через тебя пью. Всю жизнь порушил. Такая была надежда... А вышло что? Дело номер такой-то. Тюрьма, ссылка. Отец «политического». Слава! Все-все могло быть. Все прахом пустил. Теперь ни на что не надеюсь, ничего мне не надобно, ничего уж не будет..

Он умолк, но продолжал сидеть в той же горькой позе. У Николая сдавило в горле. Разве можно злиться на этого человека? Труженик. Всю жизнь спал и видел лучшую жизнь, достаток, и никогда не мог свести концы с концами..

УСТАРЕВШАЯ ЛИСТОВКА

В печке уютно шипят и постреливают дрова. Тепло и укромно в маленькой баньке.

Ничего удивительного нет в том, что у Давыдовых она топится в неурочный, не в банный день — семья-то десять душ! В один вечер всем не управиться. Да и постирать на десятых — тоже требуется время.

Окошко плотно закрыто изнутри с занавеской, завешено мешковиной.

Запоры на дверях надежные. Если явятся «незваные гости», им при всем желании не проникнуть сюда. Придется стучать. А пока будут стучать, можно успеть сжечь все «недозволенное» и маленько поплескаться для вида. Вехотка, веничек и мыло — наготове.

Но думать обо всем этом просто некогда. Сперва нужно приготовить гектографическую массу. Синий студень, которым она застынет в деревянном ящике с невысокими бортами, — основа основ. Потом нужно написать текст, с которого будет печататься листовка. Писать придется тоже здесь, в баньке: и самый текст, и пузырек с анилиновыми чернилами привлекли бы дома слишком много любопытных глаз.

А это, пожалуй, самая ответственная операция. Написать нужно не только разборчиво и по возможности красиво, но — без единой ошибки и описки. Дрожишь, как на экзамене в далекие школярские годы. Еще куда ни шло, если напартачишь в первых строчках. А что как в конце листовки? Проклянешь и себя и все на свете..

Зато после того, как текст написан, как листок с этим текстом меньше, чем минуту, полегал на студне, оставив на его синей гладкой поверхности оттиск,— начинается механическая работа: клади на студень чистый листок, прижми его легким, гладящим движением и снимай — листовка готова.

Руки орудуют сами собой, привычно, заученно легко. Теперь можно думать о чем угодно. Мысли так и роятся, и кружат.. Работается тихо



и спору. Все идет хорошо. Поблескивающие свежей краской слова ярки и четки. Спасибо тебе, Михаил Иванович Алисов! Так звали изобретателя гектографа, о котором как-то рассказывал Вайнер. Спасибо и низкий поклон, головастый русский человек! Честь и хвала тебе. Немудрящая, а великая штука. Как бы обошлись без нее революционеры — даже представить невозможно. Доброе ты сотворил дело. А двое ловких немцев обворовали тебя, нехитрая русская душа. Горевал, наверно. Но к чему было горевать? Имена тех жуликов быльем поросли, а тебя не забыли, хотя полста лет минуло...

Стопка чистой бумаги тает, стопка листовок незаметно, но растет. Самый приятный миг — это когда, взяв листок за угол, поднимаешь его, и он с липким шорохом отделяется от синего студня. Но не забывай поглядывать, что получается у тебя. Не прозевай момент, когда чернила на студне иссякнут и листовка выйдет неразборчивой, слепой.

Николай склонился над лампой.

«Троны деспотов-царей опираются на невежество народных масс и на солдатские штыки. Пора обернуть эти штыки против угнетателей народа — помещиков, буржуазии, насилия! Царизма. Долой самодержавие! Долой войну!»

«Хорошо! — И с нежностью подумал о Леониде: — Чертыка! Просто, ясно, с душой... Что ж, каждому свое. А мы отщелкаем ее на такой же высоте...»

Но листовка была блеклая, в словах «Долой войну!» не все буквы пропечатались. А ведь ради этих слов главным образом и писалась листовка. Ленинские слова... Николай быстро обновил оттиск и начал новый «заход»...

Сима, привозившая в Екатеринбург тезисы Ленина о войне, рассказывала о встрече с Лениным. Это было в польском местечке Поронино. После совещания Ленин, сидя на веранде, задумчиво сказал: «Давно хотелось побывать на Урале. Но доехал только до Уфы...»

Худое, желтое лицо Симы светилось, когда она вспоминала эту встречу. «Я посмотрела тогда на Владимира Ильича и вдруг поняла, что он страшно тоскует о родине. До боли жаль его. Столько он делает для России, а вынужден жить за тридевять земель...»

Такова уж, видно, у революционеров судьба. Разве не такая же она и у самой Серафимы Ивановны? Всей душой любит она свой Урал, называет его «богатырским краем», а мыкает горе по всей великой Руси. Сейчас, говорят, она в Самаре.

«Долой войну!»... Сколько переполоху было, когда эти слова появились не на бумаге, а на красном полотнище! Невдалеке от Верх-Исетского завода, где обучаются солдаты, вдруг на старой сосне зареял красный флаг. Погода была солнечная, тихая, полотнище слегка покачивалось, и можно было прочитать написанное белой краской: «Долой самодержавие!» А на другой стороне — «Долой войну!»

Повешен был флаг высоко, древко добросовестно прикручено к толстой ветке железной проволокой. Пришлось, должно быть, попытаться охраннику, снимая «крамолу». Полиция таскала на допросы и пожилых и ребяташек. Но никто, понятно, ничего не видел, не знал, ничего толком сказать не мог.

Война, война... Сколько она забрала народу, сколько еще голов поляжет. А за что?

Руки Николая замерли. Во дворе залаяла старая Арапка. Отложив только что снятую листовку, он вышел в темный предбанник, прислонился ухом к двери...

Когда Николай заперся в баньке, Екатерина Логиновна придумывала себе работу, чтобы находиться на кухне. Отсюда из окна виден весь двор, отсюда легче услышать, если стукнет калитка.

Сын никогда не просил ее об этом. Подойдет, возьмет осторожно за плечи и тихонько, будто они в сговоре, шепнет: «Я туда, мама...» И она с этой минуты из кухни ни на шаг.

Немудрено было и Михаилу Федоровичу догадаться, чем занимается в баньке Николай. Но он делал вид, что ничего не замечает. Сегодня после обеда он, по обыкновению, прилег на кушетке, неторопливо выкурив папиросу и прикрыл глаза. В соседней комнате заплакала Зоя, первая его внучка от старшего сына, и Шуринька заботливо притворила дверь, чтобы не потревожить тестя. Кажется, он даже соснул немного.

Когда залаяла Арапка, Михаила Федоровича словно подкинуло. Он сел, хотел влезть в ботинки и не смог пошевелить ногой. Ждал, что сейчас раздастся все еще памятный грохот полицейских сапог. Но Арапка быстро замолчала. Никто не шел.

«Обошлось, — думал он, вытирая влажный лоб. — А в другой раз может и не обойтись. Из бани — прямым сообщением на каторгу. Семья уже у человека, отцом стал, а понятия никакого...»

На лай Арапки Екатерина Логиновна, накинув платок, заторопилась во двор. Еще из сеней она услышала незнакомый мужской голос:

— Полно, полно тебе! Ух, какая несговорчивая... Добрый вечер, — сказал человек, когда вышла Екатерина Логиновна. — А хозяин нахваливал — умная, добрая собака...

Екатерина Логиновна поклонилась, дала Арапке еще немного посердиться, чтоб Николай наверняка услышал ее лай. Потом спустилась с крыльца, поближе подошла к незнакомцу.

Одет скромно. По виду рабочий: сапоги, поношенная тужурка с косыми карманами. Шапка сдвинута на макушку. Большой чистый лоб. Удлиненное худощавое лицо, темные, кажется, близорукие глаза. Нет, раньше никогда не видела она этого человека.

— Мне бы Николая Давыдова, — сказал он с улыбкой.

— А его нету, — приветливо ответила Екатерина Логиновна. — С работы приходил, пообедал и подался куда-то...

— Какая досада!

Екатерина Логиновна сочувственно покачала головой. Незнакомец не уходил. Сказал негромко, раздумчиво:

— Будто ему куда и не нужно было...

Лицо его не то чтобы понравилось Екатерине Логиновне, но вызвало какую-то симпатию. Ей даже захотелось позвать человека в дом. Но она сказала поспешно:

— А вы зашли бы через часок-другой. Может, он явится к тому времени...

Незнакомец помолчал, досадливо прищелкнул языком.

— Придется, наверно. Что ж, до свидания, Екатерина Логиновна.

Это смутило ее, даже чуточку напугало. Но она усмехнулась.

— А я не знаю вас.

— Вполне понятно. А мне Николай говорил о вас.

Наконец-то он, кажется, собрался уже уходить, но в это время на крыльце появилась Шуринька. Сбежала со ступенек.

— Леонид, вы?!

— Я,— добродушно улыбнулся незнакомец.— Очень нужно было Николая увидеть. И— неудача...

Шуринька взглянула на Екатерину Логинову, на Вайнера, как бы говоря: «Вы уж не обижайтесь...» Кивнула:

— Сейчас...— и побежала к баньке.

Через несколько минут в глубине двора показался Николай. Он широко шагал, без шапки, в черной косоворотке, с закатанными рукавами.

— Сильно же у тебя поставлена конспирация,— встретил его Леонид.

Николай посмотрел на виновато-смущенное лицо матери, рассмеялся:

— Как положено...

Все еще не преодолев неловкости, Екатерина Логиновна сказала:

— А я чуть было не выпроводила. Проси, Николаша, в дом своего товарища.

— Спасибо, мы лучше в баньку,— весело отозвался Вайнер.

И во дворе, и в баньке Николай вопросительно посматривал на Леонида. Что привело его? Нет сомнений, что-то важное. Но что именно? Глаза поблескивают затаенно-весело. Движения непривычно бодрые, резкие. Его, похоже, распирает радость. С чего бы взяться радости? Круто поворачиваясь на каблуках, Вайнер оглядел баньку, сказал: «Роскошно!», взял листовку и стал читать ее с загадочной ухмылкой.

— А листовочка-то устарела.

→ Как устарела?

— Так. Не появившись на свет.

— Войне конец?

— Не буду больше мучить,— Вайнер положил листовку, крепко взял Николая за руки.— Батюшке-царю, тезке твоему,— конец!

— Брось. Не дури.

Вайнер громко засмеялся, выпустил его руки.

— Ей-богу. Разрази меня гром! Святой крест!.. Теперь веришь? Известие по телеграфу. Царь отрекся. Понятно? Отцарствовался кровавый. Все. Точка. А мы тут: «Долой самодержавие!»... Кончилось самодержавие. Рухнули троны!

Николай стоял посреди баньки. На стене и на невысоком потолке пошатывалась его громадная надломленная тень. Николая качало. Глядя на Леонида обалделыми, лихорадочными глазами, он взмахнул руками, схватил его за плечи, порывисто прижался щекой к его щеке. Так же порывисто оттолкнул и ринулся из баньки, загремев засовом.

Екатерина Логиновна отпрянула, увидев сына. Михаил Федорович, все еще сидя на кушетке, только что принялся надевать ботинки.

— Нету царя!— закричал Николай.— Слышите? Кончилось царство! Рухнуло!

Об пол глухо стукнулся упавший ботинок.

— Конец света...— прохрипел Михаил Федорович и оцепенел.

— А может, начало?!

Екатерина Логиновна перекрестилась, не то от страха, не то от облегчением. А Николай уже подскочил к Шуриньке, кормившей грудью Зою, наклонился, обхватил их обеих.

— Помнишь: «Как это будет... свержение, переворот света? А мы застанем?» Помнишь? Тогда, в сквере? Ну вот и застали...

Вспомнив о Леониде, он выбежал из дома. Вайнер стоял в дверях баньки. Улыбка не сходила с его бледного лица. Как бы извиняясь за то, что оставил его одного, Николай ждал Леониду руку, увлек в баньку. Сели друг против друга— Николай на лавке, рядом с лампой, Леонид на табурете...

— Что же дальше?— Николай потер лоб.— В голове каша, честное слово. А ты... Как же ты так спокойно пришел, еще томил меня?..

— А я, брат, уже перекипел. Когда узнал, слонялся по улицам. Не знаю, сколько. Не помню даже, куда меня занесло. Орать, горланить хотелось. Потом домой помчался. Потом к тебе...

Вайнер выложил все, что было ему известно. Сообщение о свержении самодержавия, оказывается, пришло в Екатеринбург еще вчера. Но царские холоуи до того перетрухнули, что не решились опубликовать его. Пермский губернатор запретил печатать в газетах телеграммы из Петрограда. И все равно вихрь, несущийся с берегов Невы, никому не остановить. Завтра, наверно, все равно придется сообщить, что трон завалился, что в Петрограде две власти— Временное правительство— та же буржуазия и Советы рабочих депутатов.

— Свержение— только запевка,— хмуря высокий лоб, сказал Вайнер.— Главная песня впереди. Власть должна быть одна: Советы.

«Временное...»— думал Николай.— Понятно, хорошо, что оно временное, это правительство. А еще бы лучше— сразу без него...

— Знаешь,— живо сказал он,— раньше совсем не приходило на ум, какое слово-то: Совет! Смысл-то какой, а?

Вайнер еще больше нахмурился.

— Вот за этот смысл и придется драться. Надо брать власть, пока «временные» к ней не привыкли.

Тогда, в Нижнем, на площади, захлестнутой людским разливом, Николай досадовал, что царь так далеко, а то бы у него сразу же отбрали власть. Давно, давно это было...

— А что сейчас мешает?— разгорячился Николай.— Надо брать. Политических выпустить. Сразу нас больше станет. Эх, если б не январские аресты!..

— Выходим из подполья. Представляешь?

— Пока еще ничего не представляю.. Войну надо кончать. И Ленин наконец-то домой вернется.

— С меньшевиками и эсерами еще хлебом горюшка.

— Считаешь, не одумаются теперь?

— Не понимали и не поймут революцию. Николай ладонями сжал горячие виски, призначался:

— И все-таки, еще не вмещается у меня...

Вайнер улыбнулся, поднимаясь.

— Только не думай, пожалуйста, что у меня уже все вместилося. Во всяком случае, сидеть сложа руки нечего. Завтра надо собираться. Кое-кого предупрежу сегодня. К сожалению, жандармы убавили мне работы...

— Пошли, А я на завод.

На улице было темно, тихо. Ставни в домах закрыты. Какая-то подземельная, невыносимая тишина. Николай засунул два пальца в рот и лихо,



по-разбойничьи свистнул. И сразу, кажется, во всех дворах на разные голоса залаяли собаки. Вот так, хоть какие-то приметы жизни...

Возле заводских ворот они остановились.

— К врачу ходил? — неожиданно спросил Николай, глядя Леониду в лицо.

— Сегодня был.

— Ну?

— Ничего утешительного.

— А что?

— Левое око, брат, настойчиво выходит из строя, — спокойно, даже несколько игриво ответил Вайнер. — Велят очки носить. Но я решил: хоть одним глазом, а должен увидеть то, что мы хотели увидеть... Другим товарищам и это уже не удается. — И он помахал Николаю рукой.

Когда Давыдов зашел на завод, сотский Степичев повернул из-за угла к проходной. Увидев машиниста, задумался. Без сундучка. Значит, не на работу. Тем более, что сегодня днем раскатывал по заводу на своем паровозе. И зачем-то поспешает в мартеновский. А какие могут быть у него там занятия? Не иначе преступные. Да и цех-то самый проклятой, баламутный...

Сотский поскреб щетинистый подбородок и тоже направился в мартеновский. Помедлив немного возле ворот, чтоб не наступать Давыдову на пятки, он юркнул в цех.

Быстренькой походочкой прошмыгнул вдоль стены. Издали увидел: Давыдов подошел к Василию Ливадных, сказал что-то, и тот, как бешеный, шарахнул об пол лопату, под ноги шваркнул рукавицы и стал обниматься с машинистом. Шибко даже интересно, что за такая радость у них завелась?

Короткими перебежками сотский приблизился к ним, насколько это было возможно, чтобы остаться незамеченным. Печь, будь она проклята, ревела что зверь, ничего не услышишь. Но кое-что донеслось до большого волосатого уха сотского. И от того, что уловил сотский, вся щетина, которая росла на нем, вдруг зашевелилась. Пригибаясь, как на передовой позиции, Степичев метнулся к выходу.

Минут через тридцать или сорок он появился снова. Но уже не один. Впереди решительно и крупно вышагивал урядник Князев. Чернущие вислые усы его обрамляли гневно сжатый рот. Шашка в облезлых ножнах била по ноге.

Перед первой мартеновской печью, где работал Василий Ливадных, тесно сгрудилось несколько десятков рабочих. Они слушали Давыдова.

Пробив локтями узкий ход, урядник протиснулся на середину небольшого кольца. Давыдов замолчал.

— Что за сборище?

Князев выпятил живот и надвинулся на Давыдова.

— Я спрашиваю, что тут за сборище?

— Не сборище у нас. Просто разговариваем.

— Агитацию разводишь, Давыдов? Митинги затеваешь? Ра-азой-дись!..

Николай окинул толстую фигуру урядника независимым, насмешливым взглядом.

— А ты чего разорался, Князев? — Он сказал это не так уж громко, но голос его словно пронзил все шумы цеха. — По какому праву шумишь на рабочий народ? Нет у тебя такого права. Кончилась твоя власть. Царю твоему крышка! Поперли царя твоего!..

Урядник выпятил глаза так, что, казалось, вот-вот они на пол упадут.

— Прекратить! — взревел он.

Давыдов шагнул к нему.

— Ты как разговариваешь с рабочими людьми? А ну, скидывай шапку! Скидывай, тебе говорят. Не то сами снимем...

Князев затравленно оглянулся. Кругом были темные от копоти, потные лица, неприветливые, замкнутые, враждебные. Он медленно, тяжело поднял дрожащую руку и стал снимать черную шапку.

Давыдов с интересом смотрел на своих товарищей. Кажется, они забыли про него, ошеломленно уставясь на урядника. Кажется, все, что произошло сейчас, больше чем слова убедило их: прежней власти конец.

«ЕДИН В ТРЕХ ЛИЦАХ»

Дни летели раскаленные, митинговые, гримучие. После работы он выступал то на каком-нибудь заводе, то в мастерских, то в казарме, а то с гранитного постаментов на Кафедральной площади, где еще недавно стоял бронзовый царь-освободитель.

На первых порах было страшновато. От волнения не слышал своего голоса. Но это быстро прошло: говорить с людьми приходилось о том, что одинаково беспокоило и его, и всех — о войне, о Временном правительстве, о хлебе, о будущем.

Михаил Федорович с ироническим любопытством спрашивал:

— Революцию-то сделали, чего еще сума-тошишься?

— Революция теперь каждый день.

— И долго это будет?

— До полной победы.

Дома его видели только рано утром, в обед и поздно ночью. Екатерина Логиновна сокрушалась: если он и дальше будет так колесничать, то вскорости станет таким же, каким приехал из ссылки. А Михаил Федорович говорил с неожиданным уважением, подкисленным насмешкой:

— Паровозный машинист, член комитета общественной безопасности, член Екатеринбургского комитета партии, — вроде бы так он у вас кличется... И всюду — Давыдов. Един в трех лицах. Это что же, такой ты незаменимый, что ли?

— Вовсе не потому, — благодушно смеялся Николай. — Просто людей нехватка.

Помолчав глубокомысленно, Михаил Федорович сказал с искренним недоумением:

— Машинист правит государством! Слыханное ли дело! Эх, пустите вы Россию под откос...

— Дорога, правда, новая, но не беспокоится, может, не пустим. — Николай посмотрел на часы, сорвался. — В другой раз договорим.

Михаил Федорович широко распахнул руки.

— Министр!.. Это правда, что вы под своим комитетом дом Поклевского заняли?

— Правда, — отозвался Николай, надевая пиджак. — Он все равно пустовал: хозяин по заграницам катается. А избу сложил заводчик подходящую. Между прочим, у твоего Ижболдина тоже недурной домишко.

— На чужой-то счет оно легко...

— Какой же чужой? Народный это счет.

Михаил Федорович сузил глаза.

— Не скажи гоп... Можно, оказывается, царя свалить, живого и бронзового. Но собственность... она священная!

— Разберемся и с этой святостью. Кто тебя не знает, подумал бы, что ты хозяин... ну, на крайний случай, Верх-Исетского завода.

Михаил Федорович хотел еще что-то сказать, но не успел: Николай приложил руку к груди и ушел.

Вечерами, после смены, если не нужно было куда-нибудь на митинг, он торопился в дом Поклевского. Негогда тихий, этот особняк; где годами не бывал хозяин, где обычно останавливался наезжавший изредка из Перми губернатор, теперь гудел с утра до глубокой ночи. Не переставая хлопали двери. Почти до рассвета светились окна, бросая длинные желтые дорожки поперек темного Покровского проспекта.

Поднимаясь по широкой каменной лестнице, Николай вспомнил разговор с отцом и невольно усмехнулся. Рядом раздавался очень знакомый голос:

— Вот уже и не узнает...

Он поднял голову.

— Мария Николаевна!

Она протянула маленькую руку в ямочках, глянула пристально и весело.

— Совсем забыл дорогу на Студеную.— И тут же замахала ручкой:— Знаю, знаю, работы— выше головы, Как Шуринька?

— Просвещает детишек, нянчится с Зойкой.

Он с нежностью смотрел на ее мягкое, миловидное лицо. В светло-русых волосах— словно паутинки бабьего лета. И вдруг увидел ее Марусей Бычковой, гимназисткой, с тугими длинными косами, задумчивую и строгую...

— Я слышал, вас выбрали казначеем. Как раз на том заседании не был...

— Партийный финансист,— засмеялась она.— Ну беги, беги, сейчас комитет начнется.

Председательствовал на заседании комитета Леонид Вайнер. Он впервые был в очках. Старомодные грибоведовские очки, с небольшими овальными стеклами, в белой металлической оправе, делали его лицо каким-то казенным и важным. Николай никак не мог привыкнуть к этой перемене. Не привык еще к очкам и Вайнер. Они все время сползали, Леонид то и дело поправлял их и, видно, нервничал.

Вторым пунктом повестки дня значилось: «О комитете общественной безопасности». Так как этот пункт был внесен по настоянию Давыдова, то Вайнер и дал ему первое слово.

Николай отошел к стене, чтобы ни к кому не стоять спиной. Начал издали. Напомнил, что дума создала комитет общественной безопасности как местный орган государственной власти, что в комитете десять рабочих,— в том числе он и присутствующий здесь Ермаков,— а также владельцы фабрик, акционеры, крупные чиновники и купцы. Одним словом, артель— одна канитель...

На первом заседании комитета к Николаю Давыдову подошел плотный, хорошо одетый человек, представился: «Давыдов».

Николай уже знал, что его однофамилец— хозяин нескольких кирпичных заводов.

«Надеюсь, тезка,— сказал он,— мы с вами дружными усилиями обеспечим порядок...»

«Дай бог»,— ответил Николай.

Обсуждали вопросы о наведении порядка в торговле, о бандитизме. Полное согласие. Заводчики охотно благословляют рабочих: «Организовывайтесь в дружины, поскорее ликвидируйте преступный элемент!». Но как только заговорили о восьмичасовом рабочем дне, о повыше-

нии заработной платы—разнобой. Капиталисты в один голос: «Придется обождать. Сейчас— никакой возможности...» Давыдов, работающий на хозяйском паровозе, и заводчик Давыдов по-разному понимают порядок.

Вышли после заседания из городской управы. Давыдов-заводчик берет Давыдова-машиниста под руку: «Если желаете, с удовольствием подвезу вас. Против парадного—увозьезд». «Благодарствую»,— отвечает машинист.— Не по пути нам будет. Мне— в городской комитет, недалеко...»

— ...И никогда не будет по пути!— распалаясь, заканчивал Давыдов.— Какого же...— он запнулся, кашлянул,— к чему же вся эта кутерьма? Что за клад, коли все на разлад?

— Волк коню— не товарищ!— выкрикнул Ермаков.— Подписываюсь под словами Давыдова...

Вайнер постучал по столу карандашом, морщась, приподнял очки.

— Я считаю,— продолжал Давыдов,— ни к чему нам свататься с буржуями. Надо кончать с этим комитетом. Вот и все.

Наперебой стали выступать товарищи, тоже с накалом и по-своему тоже будто веско. По их доводам выходило, что он, Давыдов, и прав и не прав. Прав в том, что с буржуазией каши не сваришь, и, кстати, на это никто не надеется; что единственная большевистская власть— это Советы! А не прав потому, что Советы рабочих депутатов только-только создаются и пока, до поры, придется быть коню в паре с волком...

— И не просто быть в паре,— Вайнер снял очки и остановил на Николае серьезный взгляд.— Не просто в одной упряжке. А посматривать в оба, чтобы волк по привычке в лес не потянул... На работе, на своем паровозе Давыдов, конечно, не раз маневрировал. А вот в политике— того... Бывает. Здесь сказали все. Добавлю: на Макаровой фабрике, на заводах Беренова и Ятеса уже выбирают рабочие советы. Совет солдатских депутатов образован. Буквально через несколько дней у нас будет своя, полная, настоящая власть. Всего несколько дней, товарищи. Попросим Давыдова и Ермакова потерпеть...

Вайнер обернулся на скрипнувшую дверь. На пороге остановился богатырский осаник человек с черной шелковистой бородой, в ушанке и полушубке, с маузером на боку— ни дать ни взять молодой уральский кедр, большой, могучий и статный.

Все повернулись в его сторону. Кто-то сказал с улыбкой:

— Неужто оробел, Анатолий Иванович?

— Проходи, товарищ Парамонов,— поднялся навстречу Вайнер, глядя на него нетерпеливо.

— Все сделано,— сказал Парамонов сдержанно-сильным голосом и, печатая на паркете большие влажно-темные следы, направился к столу. В его легкой, несмотря на громоздкость, походке, в каждом движении чувствовалась спокойная сила, уверенность.

— Хорошо. Очень хорошо,— оживился Вайнер, надел и снова снял очки.— Вы знаете, товарищи, что вчера комитет поручил тройке разоружить екатеринбургских жандармов. Напомню к слову,— он повернулся к Давыдову,— у Парамонова был документ от комитета общественной безопасности... Докладывай, Анатолий Иванович.

Бросив на стол ушанку, Парамонов пятерней зачесал назад длинные черные волосы.

— Докладывать-то особенно нечего. Совет солдатских депутатов дал нам пятерку ребят, и

мы пошли. Разоружили ротмистра, его жандармов и отправили всех в тюрьму. Сопrotивления никакого. Все деликатно было. С вахмистром Аликиным у меня даже разговор состоялся. «Вам, говорит, Парамонов, наверно, приятно меня брать?» — «Не скрою, — говорю. — Правда, вы меня, вахмистр, брали раза четыре или пять. А я вас — всего один раз...» Штука эта, — он постучал по маузеру ладонью, — аликинская. Ему она уже ни к чему, а мне может сгодиться...

Неторопливо расстегнув на груди полушубок, Парамонов достал большой серый конверт, залепанный сургучными печатями, положил его на стол.

— А это списки провокаторов..

Неловкость, еще несколько минут назад скывавшая Давыдова, забылась. Вместе со всеми он напряженно слушал имена, от которых в сердце закипало негодование. Промелькнул масса-

жист Бахарев Семен Петрович, напомнив Вайнеру, Ермакову и Давыдову девятьсот девятый год, мартовскую ночь накануне конференции...

— ...Шапаров Егор Петрович, — читал Вайнер. — Ярковой Василий...

— Постой, постой, — Давыдов подбежал к столу. — Где?

И сам нашел глазами: «Осведомитель Шапаров Егор Петрович. Псевдоним — «Токарев».

Егор Петрович Шапаров... Выцветшее, сухое лицо, реденькая, будто выщипанная бородка, большие ясные глаза. «А что, как они под расчет подведут? Али призовут полицию...»

Вайнер поднял голову.

— Знакомый?

— Наш, верх-исетский... — подавленно сказал Давыдов.

На другой день, закончив на паровозе смену, Николай направился в листопркатный. Войдя в цех, он нос к носу столкнулся с Шапаровым. Егор Петрович поклонился, уступил дорогу. Но Давыдов, пасмурный, побледневший, дальше не пошел.

— На ловца и зверь бежит...

— Не пойму что-то, — вкрадчиво улыбнулся Шапаров.

— Сейчас поймешь, Выходи.

Шапаров оглянулся, будто искал помощи или собирался бежать.

— Не раздумывай, давай, — приказал негромко Давыдов и двинулся из цеха.

Шапаров засеменил следом. Обогнув корпус листопркатки, миновал черневшие на снегу груды бракованного железа, изработанные ржавые валки, Давыдов остановился.

— Тут нам не помешают...



Шапаров потянул носом, удивленно спросил: — Что ты за тайносу такую удумал?..
— Никакой тайности, Токарев,— чуть дрогнувшим от волнения голосом сказал Давыдов.— Тайностей, как видишь, не бывает. Так вот. Приятели твои, жандармы, в тюрьме. Что прикажешь с тобой делать?

Шапаров молитвенно сложил руки и стал еще больше похож на великомученика. Реденькая бородка его дрожала. Он заморгал своими ясными глазами, беззвучно раскрыл рот и рухнул на колени, в снег.

— Грешный я человек... Попутали... приневолители... Совсем окрутили, прах их возьми...— трясущимися, ищущими руками он тянулся к давидовским сапогам.

Николай отступил на шаг.

— Встань!

Шапаров послушно поднялся. С колен осыпались круглые лепешки влажного снега; полусогнутые ноги мелко тряслись.

Давыдов с отвращением смотрел в жалкое желтое лицо.

— Не погуби, товарищ Давыдов...— кривя рот, взвыл Шапаров.

— «Товарищ»,— брезгливо поморщился Давыдов.— Нет у тебя тут товарищей. Тебя бы к стенке, гадина! Но решили пощадить... поскольку темный ты, как ночь. Может, когда прозреешь...

— Темный. Как есть темный!— визгливо подхватил Шапаров.— По темности проклясть все и вышло. Я ведь...

— ...И еще решили: дать тебе возможность, Токарев, до конца послужить своему царю-батьюшке. Пиши прошение воинскому начальнику и— на фронт. Два дня сроку тебе... И не вздумай вихлять, Токарев. Ступай...

Шапаров попятился было, но запнулся, чуть не упал и повернулся к Давыдову спиной. Походка у него была настороженная. Сгорбленная спина вздрагивала. Он то и дело озирался, словно ждал выстрела или погони. На середине заводского двора снова оглянулся и затрусил к проходной.

УТРО

Минуло несколько месяцев.

Стылым октябрьским утром небольшая группа уральцев вышла из поезда на петроградский перрон. Шли вместе, стараясь не отбиться друг от друга.

Жесткий ветер пробирал до костей.

Шли молча. Непривычная сыроватая стужа, незнакомые, показавшиеся неприятными просторы громадного города, какое-то затаенно-тревожное напряжение, царившее кругом,— все подавляло.

Давыдов невольно убыстрил шаг: все прохождение торопились куда-то. Только очереди возле булочных были неподвижны. Горбясь на козлах, скучали извозчики.

Заборы, стены домов на уровне человеческого роста почти сплошь заклеены листовками-воззваниями. Кое-где, читая их, толпились люди, притопывая от холода.

Промчался броневик, оставив быстро раставший синий шлейф дыма. Медленно проехал отряд казаков. Копыта глухо стучали по заснеженному торцу мостовой. Встретился другой отряд, по-видимому рабочие,— кто в чем, с винтовками.

Красногвардейцы, наверно. Лица строгие, решительные.

На малолюдной улице с Давыдовым поравнялся юноша. Подшитые валенки, тужурка, кубанка. Явно фабричный паренек. Давыдов окликнул его, спросил, как пройти на Васильевский остров: там общежитие для делегатов.

Паренек взглянул на него с интересом и нескрываемой подозрительностью. Над темными глазами сплошной полоской чернели сросшиеся брови, делавшие суровым его юное безбородое лицо.

— А вы откуда будете?

— Из Екатеринбурга мы...

— Ого!— И покосился:— А в Питер-то по каким делам?

Паренек покорил их деловитой бойкостью, всем своим видом.

— На съезд Советов,— сказал Николай.

— У, здорово! Повезло вам...

— В чем это?

— Ну как же. Съезд...— Паренек вдруг остановился. И опять подозрительный взгляд:— Сердце вас, может, меньшевики-эсеры есть?

— А что?

Он отступил на шаг, воинственно выдернул из карманов крупные и темные, плохо отмытые руки,— словно собирался драться.

— А то, что с этой шатией я даже рядом идти не желаю.

— Смело, однако. Ты ж нас не знаешь.

— Мне все одно. Угадал, выходит?

Давыдов подошел к нему, стукнул по плечу.

— Ничего ты не угадал, парень. Большевики мы. Пошли, не петушись.

— Ну, пошли. Мне тоже на Васильевский... Видимо от смущения он молчал целый квартал.

Давыдов спросил:

— Чего такой злой на них?

— А вы что, добрые к ним? Поперек ведь идут, сволочи! Никакого сладу. Сегодня по всему Питеру митинги. Я вот из Народного дома иду. Свердлов у нас выступал.

— Что ты?— вырвалось у Давыдова.

— Ну да. У, говорит! А голос— ерихонская труба. И все честь по чести: вооруженное восстание, власть Советам, долой Временное. А после него червяк один вылез. Такую баланду развел. Тыфу. Ну, мы его за ручки, за пиджачок— и с трибуны. Я бы всех их в кучу— да в «Кресты», чтоб не путались.

— Это что— «Кресты»?

— Тюрьма у нас так называется. Они ведь с Временным заодно. А Керенский, он тоже не спит, готовится. Тянет в Питер войска. Но только, я думаю...

Навстречу шел офицер. Высокий, сухопарый пехотный капитан. Он проследовал мимо них, как проходит мимо забора или дома.

Паренек поглядел ему в спину, сказал, чтобы осторожность его не приняли за трусость.

— Как узнать, что у него там, под шинелью? Может наш, а может и чистейший гад... Так вот я и думаю: силы у нас больше. Солдаты, морячки, работяги. Оружия тоже, вроде, хватает. Вы смотрите: наши сегодня все заняли— вокзалы, телеграф, банк, еще что-то. И спокойно, без кровинки. У нас, считайте,— все, а у «временных»— один только Зимний. И тот девки да бабы охраняют— «батальон смерти».

Он засмеялся, махнул рукой.

— Чего ты?

— Да вспомнил... Называют у нас этот батальон... — он покраснел и опять махнул рукой. — Не могу я сказать...

Давыдову так пришлось по душе этот паренек, что он с сожалением подумал о скором расставании.

— А ты, друг, сам-то большевик? — спросил Давыдов.

Паренек бросил на него укоризненно-строгий взгляд: мол, разве это и так не ясно? С достоинством сказал:

— С февраля месяца. Сейчас перемахнем на правый берег, и мы — на Васильевском...

Вода в Неве была серо-черной. Невысокие тяжелые волны отливали свинцом.

Когда поблизости не было прохожих, паренек кивал на суда, стоявшие на Неве, и рассказывал: «Вон то — канонерка... А вон крейсер «Аврора». Трехтрубный, видите?..»

— Я так думаю: не сегодня-завтра из Кронштадта кораблики пожелают. Морячки почти все за революцию. А вон видите — иголка? Петропавловка это. Никому тут сидеть не доводилось? В феврале выпустили политических. А нынче... — он перешел на шепот, — дружок сказывал один: артиллерия там на изготовке. По сигналу накатят орудия на валы — и Зимнему жарко станет!

Паренек нашел нужную им улицу и дом, большой старинный особняк.

— Вот вы и на месте. — Черные, сросшиеся в линейку брови шевельнулись. — Повезло вам. Ленин будет на съезде. Это уж точно. Ну, прощайте, может, свидимся когда...

Паренек ушел, а они с минуту еще провожали его глазами.

— С такими ребятами революцию можно делать! — сказал Давыдов.

...Через полчаса они уже располагались в огромном светлом, с лепным потолком зале, сплошь заставленном узкими солдатскими койками. Потом Давыдов нашел умывальную, побрился и вышел — «осмотреться».

Прошелся по коридору, медленно стал подниматься по лестнице, уважительно-осторожно ступая по белому мрамору, разглядывая лепные узоры на стенах, чугунную вязь перил.

На площадке третьего этажа, прислонясь к перилам, покуривал седоволосый человек; спина у него была полукруглая, сутулая. Серые пласты дыма висели над ним.

Когда Давыдов поднялся на последнюю ступеньку, седая голова повернулась. Давыдов обернулся на месте, прошептал:

— Кузьма Ильич?! Севастьянов?

— Он! — удивленно сказал человек.

— Не признаете, Кузьма Ильич?

Севастьянов поджал губы, приподнял сутулые плечи. Давыдов взволнованно улыбнулся.

— Может, помните Николая... Приказчицкий сын... Давыдов?

И вдруг совсем по-прежнему, ясно и тепло, посмотрели на Николая голубые севастьяновские глаза, припорошенные теперь серыми мохнатыми бровями. Скуластое лицо его расплылось, помолодело. Он крепко обхватил Давыдова, наклонился к нему, щекотнул короткими усами; Кузьма Ильич всегда подстригал усы, они были совсем белыми теперь.

— Николай! Как же... Николай Давыдов. Бог ты мой!.. — не выпуская его, чуть откинулся назад. — Делегат? От большевиков? — Опять прижал его к себе и отпустил. — Ну, скажи ты... Николай Давыдов, едят тебя мухи...

Давыдов сказал, что они могли встретиться еще в девятьсот девятом, но разошлись: он приехал в Кемь, а Кузьма Ильич накануне выехал из Кемпи домой.

— Тоже хватил, значит?

— Было...

— Отец-то живой? Так и не привадил тебя к приказчицкому делу?

— Не получилось.

— Где работаешь?

— На паровозе.

— Смотри-ка! Недаром хаживал с Ефимкой в депо. Подцепило, значит...

Что-то стерло с лица Севастьянова улыбку, оно сделалось угрюмым и очень старым.

— Про дружка своего, про Ефима, и не спрашиваешь... «Мы с Николаем во всем заодно...».

— Боюсь я спрашивать, Кузьма Ильич, — тихо признался Давыдов. — Писал ведь я Ефиму из Екатеринбурга. Ни ответа, ни привета. Потом в Кемь сказали: несчастье какое-то...

Севастьянов еще пуще ссутулился, брови нависли над глазами.

— Под поездом загинул. Вот какое несчастье... Да. Ефимка, Ефимка. Это и он был бы сейчас такой... Хороший был, верно?

Давыдов не ответил, боясь, что сорвется голос, и скорбно качнул головой.



Севастьянов поспешно достал папироску, закурил, облако дыма окутало его.

— Время-то, времячко, Николай, какое! И тяжело бывало, и горько, зато не напрасно. Доживает старый режим. Кончается. Только все не просто. Я вчера прибыл. Прихожу в Смольный. Никакого тебе внимания, не регистрируют, мандатов не выдают. Оказывается — меньшевики и эсеры. Они — против съезда, чуют — не сдобровать. Потом все наладилось...

Уже собрались расходиться, когда Кузьма Ильич вспомнил, что вчера в Смольном встретил Родиона Ивановича Никитина. Его Севастьянов тоже не признал. Работает в Военно-революционном комитете. Не шути с ним. И пообещал: «Завтра найдем его...»

Ночью Давыдову снилась Крестовоздвиженская улица. Она вся перекопана. В окопах красногвардейцы, и среди них он, Николай, с винтовкой. А оттуда, с конца улицы, от леса, надвигается отряд казаков. Коня сначала идут тихо, потом пускаются рысью. Сбоку, над окопом, появляется Родион Иванович. «Огонь!» — кричит он. Где-то рядом грохает пушка, с бруствера сыплется земля. И в это время улицу перебегают Серафимка, сын лавочника, в серой гимназической форме...

Как и условились, утром Давыдов зашел за Кузьмой Ильичем.

Мороз покрепчал, но ветер утих. Людей в городе было меньше, чем вчера. А на Неве будто стало теснее, появились новые корабли, которых вчера не было.

Дали крюк, чтобы издали поглядеть на Зимний. Лежит немой каменной глубиной, точно притаился. Площадь перед ним, как степь большая, — вся в снегу, пустая.

Вдоль дворца сложены дрова — толстые чурки навалены один на другой. Заграждение. Вчерашний паренек верно сказал.

Севастьянов оценивающе посмотрел на дворец, покрутил головой.

— Выкури их отсюда, попробуй. Каждое окно, каждая дверь — бойница. Крепость...

По дороге в Смольный встретили несколько красногвардейских отрядов. При виде их сомкнутых молчаливых рядов на душе делалось и тревожно и хорошо...

Вот и Смольный — громадное здание в глубине двора. Высокие решетчатые ворота распахнуты. Во дворе грузовые и легковые автомобили, зеленый броневик. Две трехдюймовки у входа, по обеим сторонам главных дверей. Серьезно! В вестибюле несколько пулеметов. Возле одного из них скучает матрос в лихо заломленной бескозырке.

Входят и выходят красногвардейцы, солдаты, матросы, фабричные и заводские люди. Кругом кожаные куртки, потрепанные шинели, поддевки, бушлаты. Лица людей серые, усталые, но словно светятся. Должно быть, это решимость, вера...

На лестнице и в коридорах не протолкнуться. Дом гудит от множества голосов.

— Штаб, — сказал Севастьянов и сжал кулак. — Все тут...

В несколько минут Давыдов понял, что это не суета, не сутолока, что каждый делает здесь то, что нужно, и таких людей много, потому что делается нечто огромное, невиданное. Он чувствовал себя тут легко и просто, все как будто давно было ему знакомо, все было каким-то

близким, своим. Этот предгрозовый дух Смольного подчинил себе Давыдова, наполнил его сердце волнующим, тревожно-радостным ожиданием.

Пока Николай регистрировался, Севастьянов отправился на третий этаж, в Военно-революционный комитет — вдруг застанет Родиона Ивановича.

Поджидая в коридоре Кузьму Ильича, Давыдов увидел молодого красногвардейца, читавшего «Правду». Николай попросил посмотреть газету. Разговорились. Красногвардеец рассказал, что «временные» вчера закрыли и «Правду» и «Солдата», но наш Военно-революционный комитет поставил в типографии свои караулы, и газеты вышли. А сегодня утром из Кронштадта подошли миноносцы, «Аврора» придвинулась к самому Николаевскому мосту, то есть поближе к Зимнему.

— Словом, выходит их время... — весело подытожил красногвардеец.

В коридоре, плотно окруженный людьми, шел Свердлов. Давыдов шатнулся вперед, но сдержался и посторонился.

Свердлов, случайно бросив сквозь пенсне взгляд в его сторону, двинулся к нему.

— Земляк! Давыдов! И ты, оказывается, здесь! Ну, заходи ко мне, поговорим немного...

Свердлов пропустил его вперед. Комната была небольшая, вся обстановка — стол и три стула.

— Сколько же это прошло, Давыдов? — Он вскинул голову, сощурился. — Восемь лет. Порядком. Впрочем, и по тебе видно, что времени ушло много. Возмужал. Из ссылки не срывался? Помогли, значит, «салазки»? Учился? Очень толково. А сейчас — делегат Второго Всероссийского съезда Советов. Есть движение, есть. Надеюсь, ты от большевистской фракции? Не сомневался...

— Как-то нескладно получается, Яков Михайлыч...

— Что именно?

Давыдов сбивчиво говорил, что кругом делается такое, от чего дух захватывает, что кругом люди с винтовками, а они, видите ли, — презжие, они только делегаты. Почему бы всему съезду, большевистской части, конечно, не выдать оружие — и пусть вместе со всеми подводят последние счеты...

Задумчивые глаза Свердлова смотрели на него внимательно и ласково.

— Это, друг мой, ты неплохо придумал. Неплохо... — За стеклами вдруг заиграли искорки хитринки. — Но, скажу откровенно, когда разрабатывался план вооруженного восстания, мы не знали твоих соображений...

— Я ведь не в шутку, Яков Михайлыч...

Свердлов рассмеялся, придержал пенсне.

— Я полагаю, Давыдов, питерцы справятся. Они, как ты говоришь, подведут последние счеты, а делегаты начнут новый счет. Новый счет времени, пожалуй... Теперь садись, рассказывай, что на Урале, кто еще приехал?..

Выйдя от Свердлова, Давыдов быстро нашел Кузьму Ильича и рассказал ему о встрече. Севастьянов сообщил, что Никитина нет. Говорят, был утром на совещании, а появится ли снова, не знают.

Родиона Ивановича они увидели только в конце дня.

Встречи эти принесли Николаю и воспоми-



нения, и голоса, и самый воздух его далекого детства, и на душе, совсем непонятно почему, сделалось тепло и грустно...

Быстро стемнело за окнами. Густой вечер навис над городом. В Смольном зажегся свет.

Во дворе горели костры. Уезжали и приезжали автомобили. Перед Смольным строились отряды красногвардейцев и уходили в тревожную вечернюю синеву.

Двое матросов, свертывая сигарки, говорили, что по приказу «временных» в городе развели мосты. Но моряки навели их снова, и с островов в город, к Зимнему, повалили вооруженные рабочие; на набережной черно от народа.

Съезд должен был открыться в восемь, а скоро уже девять. Тянут что-то. Неужто неладно? Ничего нет хуже ожидания и неизвестности. Несправедливо все-таки высмеял его Свердлов...

Севастьянов и Давыдов стояли в вестибюле, когда послышался орудийный выстрел. Затем другой и третий. В Смольном тонко, по-комариному, заняли стекла.

— Началось, — с облегчением сказал пожилой солдат, сидевший на корточках,

прислонясь к стене спиной. Он поднялся и поправил на плече винтовочный ремень.

Притихший было на мгновение вестибюль опять загудел.

— Это с Невы ударили.

— А может и Петропавловка.

— Нет, с корабля. Тебе, пехота, это недоступно.

— Откуда б ни ударили, главное — чтоб по цели.

— Промашнуться трудно.

«Началось», — подумал Давыдов, и ему представилась темная, грозно притаившаяся глыбина Зимнего, темные окна-бойницы и безлюдная стель перед дворцом. Безлюдная ли сейчас? Может, кто-то уже неподвижно чернеет на снегу...

Съезд открылся около одиннадцати.

Белоколонный зал переполнен. Занял места президиум. И словно угадав его, Давыдова, мысли, из задних рядов спрашивают:

— Почему Ленина нет?

Из-за стола президиума встает высокий худощавый человек с бородкой клинышком.

— Товарищ Ленин руководит восстанием...

Через весь зал на трибуну бежит кто-то длинный, распатланный. Похоже, опаздывает на поезд. Пиджак расстегнут, черный галстук на боку. Хватается обеими руками за трибуну, точно боится не устоять на ногах, начинает:

— То, что происходит сейчас в Петрограде,

недопустимо! Это заговор! Необходимо немедленно начать переговоры с Временным правительством...

Дальше ничего не слышно. Рокошующая волна быстро накатилась, захлестнула все звуки.

Ясно: меньшевистская душа. Для него это — заговор, для него — недопустимо. Керенский ему — что дядя родной.

А на трибуне уже другой. Голая, будто колена, голова, и только на лбу черный хохолок. На какую же птицу он походит? Краснея от натуги, он кричит, но разноголосый крутой прибой крушит все на своем пути. Всплывают и болтаются, как щепки, лишь отдельные слова: заговор... безобразия... переговоры...

Поднимается высокий, с бородкой клинышком, вскидывает руку. Волна послушно откатывается, стихает...

— Вы хотите вести переговоры с Временным правительством. Но этого правительства, по сути, уже нет. Зимний дворец штурмуют красногвардейцы...

— Тогда мы покидаем заседание...

Оратор сбегает с трибуны, хохолок на лбу забавно качается.

То там, то здесь поднимаются с мест и следом за хохолком уходят. А вдогонку взвизывается острый солдатский свист.

— Туда и дорога, — с сердцем ворчит Кузьма Ильич.

В наступившей чуткой тишине высокий, с бо-

Зеленая лампа с Урала?

Окончив в 1817 году лицей, молодой Пушкин окупился в петербургскую жизнь. В числе его друзей — многие будущие декабристы. В одной из полуконспиративных ячеек декабристского «Союза благоденствия», известной под именем общества «Зеленая лампа», поэт принял деятельное участие.

Общество это просуществовало всего полтора года — с апреля 1819 по октябрь 1820, — но оно оказало несомненное влияние на творчество и мировоззрение молодого Пушкина. Стихотворения тех лет — «Деревня», «Мне бой знаком — люблю я звук мечей» (кстати, прочитанные впервые на заседании «Зеленой лампы») были поэтическим выражением мыслей и чаяний единомышленников по обществу.

Учредителем «Зеленой лампы», как значится в материалах следственной комиссии по делу декабристов, был Никита Всеволодович Всеволожский (1799—1862), сын владельца Пожвинского (Пожевского) завода в Прикамье. В столичном доме Всеволожских (ныне проспект Римского-Корсакова № 35 в Ленинграде) и собирались участники общества.

Знакомству Пушкина с Н. Всеволожским послужила их совместная служба в Коллегии иностранных дел. Общие театральные и литературные интересы сблизили ровесников, и поэт становится постоянным гостем дома Всеволожских, о котором с любовью писал:

Вот он, приют гостеприимный,
Приют любви и вольных муз.
Где с ними клятвою взаимной
Скрепил вечный мы союз.
Где дружбы знали мы блаженство,
Где в колпаке за круглый стол
Садилось милое равенство...

Отец Н. Всеволожского — Всеволод Андреевич — был не только богатый меценат и театрал, как обычно характеризуют его литературоведы, но и предприимчивый и прогрессивный заводовладелец. На принадлежав-



Н. В. ВСЕВОЛОЖСКИЙ

шем ему Пожвинском заводе в начале девятнадцатого века построены первые камско-волжские пароходы; в 1816 году, впервые в отечественной практике, введено газовое освещение заводских мастерских; в 1817 — осуществлены первые в России опыты получения ковкого металла по способу лудлингования. Изготавливались на заводе солнечные и башенные часы, всевозможные машины

родкой зачитывает повестку дня: о мире, о земле, о рабочем контроле...

За такую повестку обе руки не грех поднять. Жизненная повестка. Не за нее ли, за эти вековые вопросы, столько лет бились.

Раз такая повестка — в исходе восстания никаких сомнений. Как там, в Зимнем?

Это правильно — сразу организовать крестьянские комитеты, передать им все помещичьи земли: хозяйствуйте! Оглянись, мужичок, вся земля твоя. Не верится? Ничего, привыкнешь. Твоя, твоя... А на заводах, на фабриках — рабочий контроль. Над всем — твой глаз, рабочий человек. Ты — в ответе за все...

Вдур заминка. В президиуме какое-то движение. И тот же высокий, с бородкой, обычным голосом, будто о чем-то совсем обычном, говорит:

— Товарищи, Зимний дворец взят. Временное правительство низложено.

Словно издали, словно сквозь какой-то зыбкий прозрачный сон слышалось Давыдову:

«...Опираясь на совершившееся в Петрограде победоносное восстание рабочих и гарнизона, съезд берет власть в свои руки. Вся власть на местах переходит к Советам...»

А потом, на втором заседании, — Ленин.

Шквальный, неистовый ветер прошел по залу, сорвал людей с мест, толкнул их к трибуне, поднял на подоконники, на выступы белых

колонн, на стулья, подкинул в воздух шапки, кепки, бескозырки.

Давыдова и Севастьянова вынесло к самой трибуне. Кузьма Ильич что-то кричал, ликующая сияя молодыми глазами, и локтем толкал Давыдова, точно так же, как когда-то в Нижнем, на площади, его толкал Ефим Севастьянов...

Давыдов задохнулся. Он смотрел на Ленина так пристально, что затамунились глаза. Лицо у Ленина было какое-то озаренное, усталое и очень озабоченное.

Наконец бешеный ветер улегся, и Ленин начал говорить. Зал слушал стоя. Ленин говорил о мире, о земле, о новой, Советской, власти, о том, что буржуазия приложит все усилия, чтобы объединиться и потопить в крови рабочую и крестьянскую революцию. Но народ никогда не уступит завоеванную свободу...

В поезде, по дороге домой, Давыдов снова переживал все, что пережил в последние дни. Вновь и вновь в памяти вставал белоколонный зал и на трибуне — Ленин. Он говорил коротко, жмал. Он давал понять, что главное сейчас — без лишних слов укреплять революцию. Действовать...

Действовать. Сшибить чугунного орла с паровоза, с вывески, со столба на городской заставе — это что! Минутное дело. А вот закладывать, поднимать новую жизнь... — тут закатывай рукава и не желей ни рук, ни живота, ни молодости своей...

Окончание следует

и инструменты, не раз отмечавшиеся наградами на всемирных промышленных выставках. И все это создавалось местными уральскими умельцами, искусными мастерами из крепостных.

Поэтому естественно, что для своего петербургского дома все металлургические «поделки», — в том числе и лампы, изготовленные по специальным рисункам, — Всеволожский заказывал в Пожву.

Сохранился архивный документ, сообщающий о работах по отделке ламп слесарями механического заведения: «...А коль скоро термоламп (установка для газового освещения — П. К.) кончится, то два человека слесарей и один мальчик будут заняты к делу лампы для дому его превосходительства», — так доносило заводское правление в петербургскую контору 5 марта 1816 года. С открытием навигации лампы, а также узорчатые решетки балконов, массивные ручки дверей были отправлены в Петербург.

Не было ли среди этих ламп и той, на свет которой собирались в доме Всеволожского юный Пушкин и его друзья?

Несколько отвлекаясь, совершив небольшой экскурс в прошлое, чтобы ознакомиться с производственной терминологией полуторавековой давности.

В начале XIX века медь и ее сплавы, шедшие на изделия, имели своеобразные, ныне почти забытые наименования: чистая медь называлась «красной», сплав ее с железом — «черной», латунь — «желтой», а бронза — «зеленой» медью. Для примера приведем выдержку из рапорта заводского правления от 8 марта 1810 года: «...на пробу для прокатки проволоки... два маленьких медных валика отлили, но не из чистой меди, а из зеленой меди, то есть из смешанной с оловом».

Приводимые названия медных сплавов были отнюдь не местными, а принятыми в общерусской технической практике. Так, в описании башенных часов Пожвинского завода, опубликованном в двенадцатой книге «Горного журнала» за 1826 год, читаем: «...Все сии вещи сделаны из железа и частью из зеленой меди и стали». И далее: «...сталь и зеленая медь употреблены здесь в некоторых составах для уменьшения трения». Поэтому-то в описании изделия из бронзы обычно называли просто «зелеными».

О происхождении названия общества — «Зеленая лампа» — в «Алфавите декабристов», составленном в 1827 году жандармами для Николая I, говорится, что «название сие дано от лампы, висевшей в зале его (Всеволожского — П. К.) дома, где собирались члены». Вместе с тем, из свидетельств участников общества извест-

но, что в этом названии крылось и символическое значение, расшифровываемое как «Свет и Надежда» — в гражданском, вольнолюбивом толковании этих слов.

К сожалению, участники общества не оставили описания самой лампы. Упоминание о ней, как о висевшей в зале дома Всеволожских, заимствовано из прошения первого председателя общества Я. Н. Толстого на имя Николая I от 17 октября 1826 года. В нем Толстой писал: «...Оно (общество) получило название «Зеленой лампы» по причине лампы сего цвета, висевшей в зале, где собирались члены».

Ниже автор прошения указывал: «Причем составлены также кольца, на коих вырезаны были лампы; члены обязаны были иметь по кольцу».

Изображение лампы, выгравированное на кольцах членов общества, сохранилось. Его мы можем видеть как оттиск на сургучной печати на письме А. С. Пушкина к П. Б. Мансурову от 27 октября 1819 года, а также на титульном листе сборника стихов Я. Н. Толстого «Мое праздное время», изданном два года спустя. Здесь лампа изображена в форме античного светильника. Если вспомнить о ряде условностей с тайнами и клятвами, связанных с пребыванием в обществе, а также о разнообразии и затейливости юношеских затей, которым подчас кончались заседания общества, то можно полагать, что собрания единомышленников происходили именно при античном светильнике, а не при обычной лампе. Подобное же представление можно вынести и из стихотворного послания Пушкина Я. Н. Толстому, в котором поэт писал:

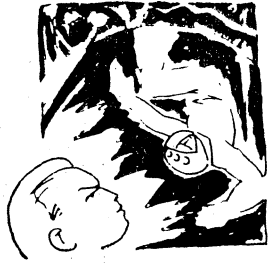
Горишь ли ты, лампада наша,
Подруга бдений и пиров?

Лампу-светильник затейливой формы проще всего можно было изготовить отливкой из «зеленой» меди, откуда она и могла в семье Всеволожских именоваться как «зеленая лампа».

Кто ныне скажет, не было ли изделие уральских умельцев тем чудесным светильником, при котором велось столь много пылких бесед.

Насчет глупца вельможи злого,
Насчет холопа записного,
Насчет небесного царя,
А иногда насчет земного?

П. КАЗАНЦЕВ



ИНЖЕНЕРНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

С. ДРУГАЛЬ, кандидат технических наук

Рисунки Ю. Григорьева

Это было в 1942 году. Самолет возник в разрыве облаков почти там, где его ожидали. Сигнал тревоги...— и в считанные секунды сработала система автоматического слежения. Наводчик американского орудия Б-17 пробежал пальцами по кнопкам пульта управления. Ствол стронулся с места и замер, соединенный с целью невидимой нитью локационных импульсов.

Выстрел. Объятый пламенем самолет рухнул в море, оставляя за собой черный шлейф дыма.

— Сейчас нет более совершенного орудия,— подписывая контракт с Пентагоном, заверил представитель фирмы.— И не скоро будет.

Но одно дело тренировочные стрельбы по самолету-мишени, другое дело — бой. В бою случилось иначе. Как ни старался наводчик, ствол либо не успевал дойти до нужной точки, либо пробегал мимо нее, описывая широкие зигзаги.

Хваленое орудие, снабженное быстродействующей автоматикой, не выдержало экзамена, и его пришлось снять с производства...

Год 1963. Во французском городе Лиле проходит удивительные состязания. За судейским столом — светила математики, психологии, кибернетики, физики.

С одной стороны выступает электронно-счетная машина. Безупречная схема. Железная логика. Высокая надежность. С другой — математик Морис Дагбер. Он болен, устает от работы, мерзнет, когда ему холодно, и потеет в жару. И еще он, наверное, иногда ошибается, порой поступает нелогично. Ведь он человек, правда, известный своей способностью решать в уме сложнейшие задачи. Но даже он сам не знает, сколько операций в секунду может проделать его мозг.

— Итак, внимание соревнующихся предлагается десять задач. Кто быстрее...

— Минутку,— прервал судей М. Дагбер.— Я не знаю условия задач, но готов признать себя побежденным, если машина сумеет решить семь задач раньше, чем я — все десять.

— Форя принята. Начали!

Секунда. Машина выполнила миллион операций. Еще секунда — еще миллион. Дагбер берет листок, читает условие первой задачи. Думает. Записывает ответ.

Прошло три минуты сорок три секунды. Все десять задач решены. А машина? Она продолжает работать. Еще минуту, еще немного. Вот решена седьмая задача. Сколько прошло? Ого, пять с половиной минут. Человек победил.

Пять лет назад. Великое торжество советской науки — человек в Космосе. Он поднялся на крыльях дерзкой фантазии и холодного расчета. Мы ловили первые сообщения о первом космическом полете. И представлялось: тесная кабина, пульт, усеянный великим множеством кнопок, рукояток, педалей, клавишей, тумблеров, экранов. За ним космонавт — суровый гигант в блистающих доспехах. Ему одному подвластен этот хаос...

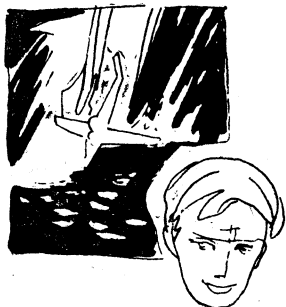
И вот опубликованы фотографии кабины корабля «Восток». Первая реакция: так просто! Кресло, рация, пара приборов, подвижный макет глобуса. И космонавт. Юрий Алексеевич Гагарин. Свой, земной. Он видел звезды в черноте Космоса рядом с фиолетовым от жара солнцем. Он видел Землю со стороны. Вот из этой кабины...

Так что же такое — инженерная психология? И какое отношение к ней имеют ошибки наводчика-американца, феноменальные способности Мориса Дагбера и полеты наших космонавтов?

Артиллерист ошибался потому, что из-за несовершенства органов управления и контроля орудия не справлялся с восприятием большого количества команд и не успевал вовремя принимать необходимые решения.

Вряд ли случайна была победа математика Дагбера над быстродействующей машиной. Возможности человеческого мозга необозримы. К сожалению, пока мы не знаем законов его действия. Одно лишь несомненно: при самой интенсивной умственной работе человек использует свои мыслительные способности далеко не в полной мере.

И вот что писал по поводу полета космонавтов крупнейший специалист США в области инженерной психологии А. Чапанис: «Полет Гагарина и последующие полеты... стали возможными благодаря огромным, сравнительно недавним успехам науки и техники. Когда космонавты взлетели в Космос, они, образно выражаясь, взяли с



собой специалистов по инженерной психологии, которые вместе с ними завоевали уважение к себе, признание и авторитет».

Еще двадцать лет назад суть технического прогресса состояла в том, что человек перекладывал на плечи машин тяжелую работу. Вопросы контроля и управления всецело оставались в ведении человека.

Но вот появилась новая наука — кибернетика. Она, соединившая то, что казалось несоединимым — математику и психологию, — дала толчок к созданию машин нового типа — управляющих автоматов. И там, где человек не может работать из-за высокой температуры или радиации, из-за присутствия вредных веществ или вибрации — там автоматы незаменимы.

Это отнюдь не означает, что машина имеет преимущества перед человеком во всех случаях. Пока не создано автоматов, способных заменить хирурга или садовника, шофера или нянечку в яслях.

Инженерная психология занимается областью, лежащей как раз по середине — процессами, которые одинаково успешно может выполнить как человек, так и машина.

Человек и машина! Глубокая пропасть разделяет их — хозяина и слугу. Ищущего, недовольного собой, порывистого и спокойного, самоуверенного и нерешительного человека и — машину, лишенную эмоций, неспособную предвидеть результатов своих действий. Ведь автомат знает и умеет не более того, что вложил в него человек.

Представьте цех современного завода. От диспетчера — он дежурит за пультом — требуется быстрого реагирования, глубокое знание технологий производства, умение учитывать непрерывно меняющуюся ситуацию. А эту ситуацию нелегко, да пожалуй и невозможно переложить на язык математики. Тогда союз человека и машины дает наибольший результат. Автомат извещает о сложившейся обстановке, а человек оценивает ее, принимает решение и дает команду. Такая совместная работа человека и автомата зачастую достигает более высокого интеллектуального уровня, чем это мог бы сделать один человек или одна машина.

Здесь и кроется основной вопрос инженерной психологии: как наилучшим образом распределить обязанности между человеком и автоматом, в какой момент обязанности управления должны перейти от машины к человеку и каким образом человек должен вмешаться в работу машины?..

Проблема сопряжения человека и машины в единую систему решается с учетом свойств каждого из них в отдельности, а для этого необходимы знания, опыт, правила, совокупность необходимых сведений.

На стыке трех наук — техники, психологии и физиологии — родилась инженерная психология.

Человек за пультом. Какие сведения должен сообщить ему автомат? Очевидно, не все, а только самые основные. Но в какой форме? Психика человека сложна и противоречива. Вот горит зеленый глазок — символ нормальной работы. Инженеры много потрудились над этой системой, чтобы все многообразие ситуаций свести к двум сигналам: «все в порядке» и «внимание, положение угрожающее». Оператор сидит, подперев подбородок, моргает глазами и смотрит, преодолевая дремоту. Час смотрит, два смотрит...

Где-то гудят машины, движутся люди, ощущается ритм, а здесь — зеленый огонек и... больше нет ничего.

«Господи,— думает оператор,— хоть бы что-нибудь случилось. Пробки хоть бы перегорели, что ли...»

Человек нуждается в смене впечатлений. Иначе — потеря бдительности, утомление, равнодушие. И такой идеальный пульт, с точки зрения любого инженера-психолога, совершенно никуда не годится.

Бывает и по-другому. Вспыхивают сигналы, мигают световые табло, прыгают стрелки, мурлычет зуммер. Ситуация меняется быстро, впечатлений достаточно. Более чем достаточно: автомат выстреливает столько сведений, что оператор перестает что-либо понимать. Стоп! Такая машина тоже непригодна. Надо либо уменьшить число сигналов, либо снизить темп их подачи. Здесь мысль инженера-психолога проходит, как эквилибрист по канату: не слишком много информации, чтобы не растеряться; не слишком мало, чтобы не заснуть.

Для ответа на вопрос: в состоянии ли оператор воспринять сигналы, надо знать физиологические особенности человека — свойства его зрения, слуха, осязания.

Вопрос — сумеет ли человек повлиять на работу подконтрольных устройств — относится к области психологии. Это — особенности мышления, способы анализа обстановки, время принятия решения и правильность его.

Ведь бывало и так. Пилот получил команду на посадку. Привычные движения рук на пульте управления. Но что это? Вместо правого разворота самолет делает левый. Молнией вспыхивает мысль: опять ошибся! Назад!

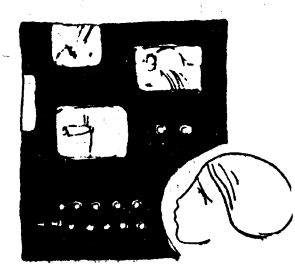
— В чем дело, Джон? — послышалось в наушниках шлемофона. — Чего это вам вдруг вздумалось совершать виражи в неподобающем месте?

— Виноват. Забыл, что при правом развороте ручку надо поворачивать влево.

— Ну, не ты первый, не ты последний, Джон. Пора привыкнуть, если тебе голова дорога. Учти это.

Пришлось вмешаться инженерам-психологам и переделать конструкцию рулевого управления самолета. Человек привык вертеть руль в сторону поворота машины, — такова уж особенность психологии, консервативность привычки. Пренебрежение ею может привести к трагическим последствиям.

Автоматика вторгается в производство и быт. И если до недавнего времени человек приспосабливался к машине, соизмерял с нею темп своей работы, то теперь идет обратный процесс. Быстродействующие, вездесущие, безошибочные автоматы равняют свой шаг по командиру-человеку.





С. СЛЕПЫНИН

Рисунки Ю. Ефимова

Фантастическая повесть

33-й день 109 года
Эры Братства Полюсов

И снова я не смог сдержать своего обещания: весь следующий день был занят подготовкой к пробному полету.

Лишь на второй день с утра собралась посетить «крепость Вир-Виана», как называли жилище и лабораторию этого ученого.

До этого, изложив в дневнике речь Вир-Виана на Всепланетном Круге и рассказ Аэны, я считаю, что в какой-то степени объяснил социально-философские предпосылки появления новых фарсанов. Теперь же мне предстоит объяснить их природу, их материальную сущность. Признаюсь, для меня это нелегкая задача, так как я недостаточно хорошо знаком с нейрофизиологией, бионикой и другими смежными областями наук. Но я постараюсь кое-что вспомнить. Сам Вир-Виан говорил мне об этом.

«Крепость» его находилась вдали от городов, в оазисе Риоль. Поэтому, собираясь к Вир-Виану, я оделся в легкий белый пилотский комбинезон, который неплохо защищал от жгучих солнечных лучей.

Мой гелиоплан бесшумно летел над пустыней, над бесчисленными барханами. Но вот вдали зазеленел остров. Сверху он походил на большой остроносый корабль, нагруженный зеленью и бросивший якорь среди песчаных волн пустыни.

Я посадил гелиоплан на пологий бархан. Шагая по раскаленным пескам, направился к оазису. Он был обнесен зеленым и абсолютно гладким стеклолитовым забором, настоящей крепостной стеной. Я попробовал найти какие-

нибудь ворота, какой-нибудь вход. Безуспешно. Зато нашел циферблат. Подумал и набрал на диске цифру — пароль, который сообщила мне Аэнна. Стена неожиданно раздвинулась. Образовался проход, и я вошел внутрь оазиса. Стена за мной бесшумно замкнулась.

«Ну и ну!» — удивился я.

Ровная песчаная дорожка привела меня к дому. На открытой, но затененной деревьями веранде я увидел человека. Он сидел спиной ко мне в старинном мягком кресле и читал не менее старинную книгу. Цветные знаки, образующие слова, были в ней нанесены на бумагу, а не закодированы в кристалле. Такие бумажные громоздкие книги давно уже вышли из употребления.

Услышав мои шаги, человек неуклюже встал и обернулся.

— Ниан! Ниан-Нар! — воскликнул я и с ужасом попятился. Мысли вихрем пронеслись в голове. Ниан-Нар! Как он оказался здесь?! Ведь он мертв! Погиб при посадке!

— Извините, я Тонгус, — сказал человек и улыбнулся.

Я медленно приходил в себя... Да, да, конечно, это не Ниан... Улыбка была не его. И голос не тот — какой-то скрипучий и неприятный.

Я сбивчиво начал объяснять цель моего прихода, но, изумленный, замолк. Человек перестал улыбаться и снова стал разительно похожим на Ниан-Нара.

Некоторое время длилось молчание.

— К кому изволили прийти? — наконец вежливо проскрипел человек, слегка наклонив голову.

— Я Тонри-Ро. Я пришел...

— Слышал, слышал, — прервал он меня. — Архан Вир-Виан будет рад вас видеть. Будьте добры, подождите его в библиотеке.

¹ Начало см. в № 1 и 2, 1965 г.

Желая, видимо, проводить в библиотеку, человек взял меня за руку повыше локтя и сжал с такой силой, что я ойкнул от боли.

— Извините, — смутился он, выпуская руку. — Мои пальцы еще не обрели достаточной гибкости. Идите за мной.

Человек пошел впереди. Походка у него была какая-то разболтанная, движения рук угловатые.

«Странный тип, — думал я, оставшись один в библиотеке. — Слово деревянный. И выражения какие-то древние: «извините», «не обрели достаточной гибкости», «к кому изволили»...

В ожидании Аэнны или Вир-Виана я начал знакомиться с библиотекой. Здесь была в основном научная литература — нейрофизиология, электроника, кибернетика... Несколько книг древнешеронской поэзии.

Прошло полчаса. «Где же Аэнна?» — думал я и осмотрел комнату внимательней. В ней было три двери. В одну я вошел с веранды. Боковая дверь справа была закрыта. Но третья дверь, прямо передо мной, была чуть притворена. Оттуда доносилось едва слышное чавканье и монотонное гудение. Так гудят электронно-вычислительные машины. Вероятно, за дверью находилась таинственная лаборатория Вир-Виана.

Я приоткрыл дверь и заглянул, надеясь увидеть кого-нибудь и спросить об Аэнне. Но в лаборатории никого не оказалось. И в то же время чувствовалось, что работа шла полным ходом. Невиданной формы кибернетические установки самостоятельно, вероятно по заданной программе, ставили опыты, производили вычисления, записывали результаты анализов.

Я старался подавить любопытство. Но не выдержал и вошел.

Чавканье шло из непонятных кибернетических аппаратов, внешне похожих на шкафы, опутанные светящимися трубками и разноцветными проводами. Таких аппаратов было около десятка. Около каждого на низких подставках стояли прозрачные пузатые сосуды. Я наклонился над одним из них и сразу в испуге отшатнулся: там плавал в зеленоватом растворе... человеческий глаз. Меня поразило не сам глаз, а то, что он имел живое человеческое выражение. Он жил! Мне показалось даже, что он смотрел на меня с какой-то ехидной заинтересованностью.

Хоть я и не робкого десятка, но мне стало здесь не по себе. Я вышел из лаборатории и тщательно прикрыл дверь.

В это время из боковой двери в библиотеку вошел Вир-Виан — легко и бодро, несмотря на преклонный возраст. Меня снова поразила интеллектуальная сила его грубого, внешне некрасивого лица — с тяжелым подбородком, с крупным горбатым носом, шишковатым лбом. Мне нравилось это лицо, лицо творца, создателя огромных духовных ценностей. Единственное, что его портит, — это высокомерие прирожденного шерона.

Но он смягчился, когда увидел меня.

— Рад приветствовать руководителя первой межзвездной экспедиции, — сказал Вир-Виан.

Положил руку на мое плечо и дружески пожал. Улыбнувшись, он продолжал:

— Вы пришли, конечно, не ко мне. Но я рад видеть вас не меньше, чем Аэнна. Она

ждала вас вчера весь день. Сегодня ее здесь нет. — Нахмурившись, он добавил: — И вообще она бывает здесь в последнее время редко. Сейчас она на берегу Ализанского океана, на раскопках фарсанского города.

Он подошел к старинному креслу с высокими подлокотниками и уселся в него. Показав на соседнее кресло, он вежливо предложил:

— Может быть, вы посидите немного? Мне хочется поговорить с вами.

Едва я опустился на мягкое сиденье, как в библиотеку из боковой двери вошел высокий широкоплечий человек.

— Эфери-Рау, заведующий биологическим сектором моей лаборатории, — представил его Вир-Виан.

— Мы, кажется, знакомы, — сказал я, сразу вспомнив этого веселого, общительного человека, великолепного спортсмена, чемпиона Южного Полюса по плаванию. Я не раз составлял с ним на водных дорожках, и он почти всегда побеждал меня. Но это было давно, лет десять назад. С тех пор я его не видел.

— Конечно, знакомы, — рассмеялся Эфери-Рау, усаживаясь в кресло напротив нас. — В воде мы всегда были врагами, а на суше — друзьями. Помнишь?

— Помню. Но почему ты забросил спорт?

— Не совсем так, — нерешительно ответил он. — Не забросил. Но для спорта остается мало времени.

— Эфери-Рау поглощен серьезной научной работой, — вмешался Вир-Виан. — Кстати, Эфери, как дела с твоим полимером?

— Я получил то, что надо, — в голосе Эфери-Рау появились знакомые мне нотки бахвальства. — Теперь искусственный полимер не отличить от белкового, даже под четырехсоткратным увеличением.

— Я был уверен, что ты добьешься своего. Но о делах поговорим потом.

Обратившись ко мне, он спросил:

— Вы верите в разумных существ на планетной системе, так блистательно открытой Нанди-Наном?

— А почему бы нет? Нанди-Нан считает, что там около десятка планет. На одной из них вполне возможна разумная жизнь.

— Предположим, что на одной из планет вы найдете разумных обитателей и сравнительно высокую культуру. Что вы будете делать?

— Как что? — я пожал плечами. — Познакомимся с цивилизацией, установим дружественные связи. Ведь наша экспедиция не последняя.

— Дружественные связи, — усмехнулся Вир-Виан. — Звучит, конечно, возвышенно и благородно.

— Я слушал вашу речь на Всепланетном Круге, — сказал я. — Неужели вы убеждены, что для возвеличения разума Вселенной нет иного пути, как завоевание населенных миров, господство над ними?

— Вражда, господство, войны... — недоброльно проворчал Вир-Виан. — Вы изображаете меня каким-то кровожадным и бессмысленным завоевателем. Поймите, что борьба и господство в Космосе — не самоцель, а необходимое условие и средство достижения самой высокой и благородной цели, которая когда-либо стояла перед разумными существами. Эта цель — создание могучего, несокрушимого и

вечного разума Вселенной, установление примата мыслящего духа над грандиозными силами косной материи...

Вир-Виан прочно уселся на своего любимого философского комька. С ним теперь бесполезно было спорить.

— Ну хорошо, — не совсем тактично перебил я его. — А какими же средствами, каким оружием вы думаете бороться с другими населенными мирами? Я, например, не представляю. Предположим, что на планетной системе Нанди-Нана мы найдем цивилизацию. Неужели мы сумеем установить господство нашим оружием? Ведь перед нами, небольшой кучкой астронавтов, будет целая населенная планета, и у разумных обитателей найдется пусть даже примитивное, но неведомое нам оружие.

— Верно, верно, — живо откликнулся Вир-Виан, с любопытством глядя на меня. — Продолжайте.

— Теперь предположим, хоть мне и кажется это диким, что мы каким-то образом установим свое господство на планете. Но ведь мы улетим обратно, и наше господство прекратится.

— Верное замечание, — Вир-Виан вскочил с кресла и начал ходить по библиотеке. — Абсолютно верное. Для борьбы в Космосе нам необходимо оружие — тонкое, гибкое, а главное неожиданное. Над таким оружием я и работаю со своими помощниками.

— Какое оружие? Вероятно, какие-нибудь мощные силовые поля?

— Нет, совсем не то, — возразил Вир-Виан. — Когда-нибудь я вам, Тонри, покажу это оружие. Я или мой помощник.

Когда Вир-Виан сказал о помощнике, мне почему-то вспомнился странный тип, которого я встретил на веранде.

— Скажите, этот Тонгус, который сидит на веранде, тоже ваш помощник?

Вир-Виан и Эфери-Рау переглянулись.

— В некотором роде да, — ответил Вир-Виан. — А что?

— Какой-то он странный...

— Странный? Нет ничего удивительного. Это моя первая и не совсем удачная модель.

— Модель?! Этот человек — модель? Не понимаю.

Вир-Виан удовлетворенно улыбнулся. Эфери-Рау рассмеялся — громко и заразительно, напомнив мне прежнего общительно-весельчака.

— Странный? — переспросил Вир-Виан. — Ну что же, я доволен, что вы заметили всего лишь странности. Так и быть. Я объясню вам, Тонри, что это такое. Со временем об этом все узнают. Но вас прошу пока молчать.

Вир-Виан открыл дверь на веранду и повелительно крикнул:

— Тонгус! Зайди сюда!

Появился Тонгус. Шел он бесшумно, но неровно, словно толчками.

— Слушаюсь, — сказал он тоном хорошо вышколенного слуги древних времен.

— Разденься.

Тонгус повиновался. Стройный и сухощавый, с покатыми и узкими, но мускулистыми плечами, Тонгус и телосложением поразительно напоминал Ниан-Нара, с которым я провел немало часов на пляжах Ализанского океана.

Вир-Виан предложил:

— Сейчас, Тонри-Ро, осмотрите его и скажите, что в нем найдете еще странного.

С опаской подошел я к этому непонятному созданию и внимательно осмотрел его. Тонгус стоял, уставившись взглядом в угол библиотеки. Я осторожно ощупал мышцы его рук и плеч. И ничего особенного не нашел. Только мускулы показались мне несколько жесткими. Об этом я сказал Вир-Виану.

— Верно. Но сейчас мы можем устранить и этот недостаток. Эфери-Рау разработал полимер, по своей структуре идеально схожий с мускулами человека.

— Так кто же этот Тонгус! Искусственный человек?

— Не совсем так... Давно, еще в юности, я мечтал изготовить в лаборатории искусственного человека на основе живого белка. Задача оказалась, конечно, непосильной. Она будет по плечу ученым грядущих столетий. Но и тогда лабораторные белковые конструкции человека будут значительно уступать человеку, созданному природой. В сущности, это будут полукрептины с медленно протекающими нервными реакциями, с вялыми рефлексивными. Мой же метод, метод воссоздания человека не на биологической, а на технической основе, оказался более прогрессивным. Грубо говоря, мой Тонгус — это сложнейшее кибернетическое устройство.

— У меня есть дома кибернетический слуга. Но он совсем не похож на человека...

— Еще раз верно, — с готовностью поддержал меня Вир-Виан. — Он не похож на человека не только внешне, но главным образом по своим функциям. Ваш слуга — всего лишь робот. Он содержит 5—6 миллионов микроэлементов, вполне пригодных для хранения обширной информации и воссоздания логических мыслительных операций человека. Его провозгласили чудом нашего века, кибернетическим совершенством. Верно, конечно, что миниатюрный домашний слуга совершенней прежних громоздких машин, работающих по заданной и чаще всего довольно жесткой программе. В непредвиденных обстоятельствах слуга не так беспомощен. Действуя по более свободной программе, он самостоятельно находит логически верные, подчас остроумные решения. Но все же домашний слуга — всего лишь робот, примитивный робот.

— А ваш Тонгус разве не робот? — возразил я. — Человек по форме, машина по содержанию.

Этот, быть может, не совсем удачный афоризм вывел Вир-Виана из равновесия. Нахмурившись, он начал сердито рассказывать по библиотеке и говорить о своих достижениях в области кибернетики. Слова «мой», «я», «новый шаг вперед» так и мелькали в его речи.

Тонгус неуклюже и медленно одевался. Эфери-Рау внимательно и с восторгом слушал Вир-Виана. Мне вспомнились слова Азны о духовном порабощении помощников, работающих в лаборатории ее отца. Она права, думаю я, глядя на Эфери-Рау. Именно порабощение. Это раболепие доставляло, видимо, удовольствие Вир-Виану. Он успокоился и, остановившись передо мной, сказал:

— Эфери-Рау не согласен с вами, Тонри-Ро. Да и другие мои помощники тоже. А ведь

среди них есть серьезные ученые. Конечно, мой Тонгус еще весьма далек от совершенства. Но и он мыслит четко, безошибочно, с огромной, молниеносной быстротой. Он содержит не 5—6 миллионов микроэлементов, как ваш домашний робот, а несколько миллиардов атомов и молекул, которые идеально воспроизводят функции нервных клеток человека — нейронов. Тонгус — это почти предел развития малогабаритной кибернетики, это кибернетика на высшем, атомно-молекулярном уровне. Ученым Зургану потребуются десятки лет, чтобы хоть немного приблизиться к моим достижениям.

Последние слова прозвучали чересчур хвастливо. Вир-Виан и сам почувствовал это. Он опустил в кресло и, устало махнув рукой, проговорил:

— Впрочем, о Тонгусе пусть расскажет вам Эфери-Рау.

Эфери-Рау легко, как хорошо натренированный спортсмен, вскочил с кресла и подошел к Тонгусу, который, одевшись, стоял на прежнем месте.

— Тонгус состоит из трех основных частей, — начал Эфери-Рау. — Его духовная сущность, его интеллект — это миллиарды молекулярных нейронов. Они скомпанованы почти как у человека и расположены в голове и позвоночнике. В груди находится система небольших, но емких аккумуляторов электроэнергии, которая расходует на логические и физические операции. Без перезарядки энергии хватает на несколько лет. И, наконец, внешняя оболочка — скелет, мускулы, кожа, волосы. И все это — полимеры, которые по своему составу, пластичности и механическим свойствам схожи с человеческими. Ведь в сущности мышцы, кости, кожа, волосы человека — это те же полимеры, но только биологические.

У Тонгуса в жилах течет плазма — жидкость, идеально похожая на человеческую кровь. Она ему нужна не только для полного физического сходства с человеком. Нет. Кровь эта, вернее плазма, выполняет еще сложную энергетическую функцию. Если под лупочком посмотреть на внутренние органы Тонгуса, то сначала можно увидеть обычную картину: легкие дышат, сердце сокращается, желудок и кишечник перистальтируют. Лишь при более внимательном изучении можно обнаружить, что это не человеческие органы...

Эфери-Рау бесцеремонно «демонстрировал» Тонгуса, а тот покорно стоял на месте. И вообще, пожалуй, покорность была единственным у Тонгуса человеческим качеством, столь свойственным даже нынешним раскрепощенным сулакам. Не случайно и имя дали ему сулака — Тонгус, хотя по внешним признакам он казался стопроцентным северянином.

— Тонгус, ты свободен, — распорядился Вир-Виан.

Тонгус ушел на веранду.

Эфери-Рау сел в кресло.

— Вы, конечно, понимаете, — продолжал он, — что наш Тонгус весьма и весьма далек от совершенства. Во-первых, у него нет или почти нет человеческих эмоций. В первой модели нам не удалось запрограммировать их. В последующих моделях мы уже научились устранять этот недостаток, если это вообще

недостаток. Но и теперь не будет настоящих человеческих эмоций — этих пережитков древности. Да-да, не смотрите на меня удивленно. Именно древности, когда эмоции нужны были человеку в его звериной борьбе за существование. Наши более совершенные модели будут просто имитировать, в зависимости от обстоятельств, чувства радости, страха, удальства. Имитировать, чтобы походить на человека, — и только. Откровенно говоря, мы и не будем стремиться к полному и чрезвычайно сложному диалектическому единству мысли и чувства, то есть к настоящим человеческим эмоциям. Ибо подлинные человеческие эмоции только мешают, вносят путаницу, хаос в процесс чистого мышления. Итак, отсутствие человеческих эмоций, вернее их имитаций, — первый недостаток Тонгуса. Второй недостаток сразу бросается в глаза — это его неуклюжесть и угловатость, развинченность движений...

— Человек по форме, машина по содержанию! — сердито проворчал Вир-Виан. Он никак не мог забыть моей злополучной фразы. — Вы, Тонри-Ро, ошибаетесь. Эфери-Рау ближе к истине. Мой Тонгус — это скорее машина по форме, а по интеллектуальному содержанию — человек. В некоторых областях умственной деятельности он превосходит человека. Его память может хранить неимоверное количество знаний, как я уже говорил, мыслит он быстрее и безошибочнее человека. Но вот по форме, вернее по внешнему виду, он сейчас напоминает робота, машину. Но ведь это нетрудно устранить в моих следующих моделях!

Я уже раскисался, что затронул, как видно, Вир-Виана за живое неволью сорвавшись словами о форме и содержании. И чтобы в разговоре уйти хотя бы немного в сторону, я сказал:

— Все это удивительно... И Тонгус, вы представляете, особенно когда он неподвижен, напомнил мне погибшего астронавта Ниан-Нара...

— А что, действительно похож? — самодовольно усмехнулся Вир-Виан. — Ну, так слушайте, в чем здесь дело. Быть может, это и есть самое интересное и важное в моей работе. Как вам известно, живой организм, в том числе организм человека, состоит из белков и нуклеиновых кислот. Наши ученые установили огромную роль нуклеиновых кислот в передаче наследственных признаков, в росте и развитии клеток. В нуклеиновых кислотах заложена информация наследственности, и стоит разгадать этот таинственный шифр, как человек получит могучее средство управления живой природой. Так вот, я разгадал этот шифр. Оказалось, что нуклеиновые кислоты и вообще некоторые биологические полимеры могут не только воспроизводить сами себя, но они несут в себе наследственную информацию, то есть сообщение о том живом существе, в котором они образовались. Все оказалось гораздо сложнее, чем думают наши ученые, — при этом Вир-Виан иронически-высокомерно усмехнулся. — Наследственная информация заложена не только в механической структуре нуклеиновых кислот, но и в характере, в своеобразии протекающих в них реакций — электромагнитных, химических и других...

— А вот вам аналогия, — продолжал Вир-Виан. — Варварски грубая, но наглядная аналогия. Вы, конечно, знаете, как наши палеонтологи восстанавливают внешний облик и образ жизни давно вымерших животных, этих гигантских существ, обитавших на нашей планете за миллионы лет до появления человека. При раскопках они находят какую-нибудь кость, например, зуб. И этот зуб, оказывается, содержит в себе огромное количество информации о самом животном. Если уж простой зуб содержит в себе такое количество информации, то что же говорить о нуклеиновых кислотах, в микроструктуру которых сама природа заложила невероятно сложный и подробный наследственный шифр.



Я начал догадываться, почему Тонгус представляет почти идеальную копию Ниан-Нара.

— Вас интересует, — снова усмехнулся Вир-Виан, — начал ли я свои опыты сразу с человека, а именно с Тонгуса? Нет, я начал с животных. Сконструировал сложнейшую кибернетическую дешифровально-моделирующую установку. («Тот самый шкаф», — подумал я). Установка расшифровывает наследственный код, а затем в строгом соответствии с полученной информацией воссоздает, моделирует на кибернетической основе живое существо. Однажды я поймал сунга — дикого зверька, обитающего в пустыне около оазисов. Взял у него микроскопический кусочек мяса, содержащий сотни тысяч нормально функционирующих элементов нуклеиновых кислот, и заложил его в установку. И что вы думаете? Работая по заданной программе, моделирующая установка через три часа изготовила абсолютно точное подобие сунга. Его кости, мышцы, кожа, шерсть — все это искусственные полимеры, по своим механическим свойствам и отчасти даже по микроструктуре ничем не отличающиеся от биологических полимеров. Внутри у него небольшой, но емкий аккумулятор энергии и всего лишь полмиллиона молекулярных «нервных клеток». Этого оказалось вполне достаточно, чтобы запрограммировать все поведение сунга.

— Можно показать? — спросил Эфери-Рау.

— Конечно. Обоих сразу — и настоящего, и искусственного.

Эфери-Рау вошел в боковую дверь, оставив ее приоткрытой. Вскоре оттуда, стуча по полу когтями, выскочили два сунга. Шестилапые, с длинными и гибкими телами, с острыми мордочками, с сильными, мускулистыми хвостами, — они ничем не отличались друг от друга. Зверьки разбежались в разные стороны и стали шарить по углам в поисках бархана, чтобы зарыться в горячий песок. Не найдя

бархана, они вышли на середину библиотеки и с недоумением стали озира́ться вокруг. Наконец сунги сошлись и начали обнюхивать друг друга. Один из них, видимо, почувствовал в другом существо враждебное, чуждое его породе. Его короткая и колючая шерсть взъерошилась, встала дыбом. Грозно заверещав, он набросился на противника. Тот, оглушительно взвизгнув, сильным ударом хвоста отбросил нападавшего и сам приготовился к атаке.

— Эфери, разними! — крикнул Вир-Виан, брезгливо морщась и закрывая ладонями уши. Эфери-Рау ловко, очевидно, у него был уже опыт, разнял драчунов. Сдав им шею, он унес беспомощно повисших зверьков обратно.

— Ну как? — спросил Вир-Виан. — Смогли бы вы отличить искусственного сунга от настоящего?

— По-моему, тот, который напал первым, и есть настоящий.

— Вы угадали.

— Угадал не случайно. Настоящий сунг звериным инстинктом почувствовал недоброе.

— Верно, — сказал Вир-Виан, с любопытством взглянув на меня. — Звериный инстинкт в этих случаях почти безошибочен. У человека же разум преобладает над инстинктом. А разум ошибается. Если я усовершенствую Тонгуса, особенно поведение, и выпущу его на волю, люди будут считать его человеком. Ему надо только соблюдать некоторые предосторожности. Например, избегать врачебных осмотров, особенно луческопии...

— Избегать научной деятельности, не писать стихи, не сочинять музыку, — продолжал я.

Вир-Виан вяло согласился.

— К сожалению, это тоже верно, хотя и не совсем. В творческих областях Тонгус несколько уступает человеку. Но не так уж сильно. Он может создавать вполне приличные стихи и музыку. Гением он, вероятно, все же не будет. Но в технике Тонгус разбирается лучше человека.

— Как же все-таки с Ниан-Наром? — напомнил я.

— Ах да! — снова оживился Вир-Виан. — Мы отклонились. Теперь вы понимаете, что я могу создать идеальную кибернетическую копию человека — не человека вообще, а именно конкретного человека, воспроизвести его физическую и духовную сущность со всеми индивидуальными особенностями. Например, я беру обыкновенный шприц и делаю вам небольшой и почти безболезненный укол. В трубке шприца остаются тысячи клеток вашего организма. Все это я передаю моей дешифровально-моделирующей установке. Вы сидите в кресле и часа три читаете своего любимого поэта. В это время аппарат с огромной скоростью продельывает сложную и таинственно-незримую работу. По микроструктуре нуклеиновых кислот, по характеру протекающих в них химических, электромагнитных реакций, по тысяче других индивидуальных признаков он расшифровывает наследственную информацию. И не только наследственную. Он разгадывает информацию о всех изменениях, происшедших с вами и с вашей внешностью при жизни. Ведь человек меняется с каждым годом, с каждым днем. Меняется его характер,

привычки. И это не проходит бесследно. В нуклеиновых кислотах, во всех клетках организма тоже происходят таинственно-неуловимые изменения. Клетки — эти сложнейшие кибернетические установки — живут вместе с человеком, они стареют, меняется характер протекающих химических реакций, сила и частота электромагнитных колебаний. Меняется все. И все это учитывает мой моделирующий аппарат. В соответствии с расшифрованной информацией — наследственной и приобретенной — он воссоздает исключительно точное кибернетическое подобие человека... Прошло три часа, пока вы читали книгу, — с увлечением продолжал Вир-Виан. — И вдруг открывается, например, вот эта дверь, — он показал на дверь в лабораторию, в которой я уже был, — и появляется человек — ваш двойник. Он похож на вас не только внешне, но и своим поведением, темпераментом, характерными жестами и привычками. Вы ошеломлены!..

Я представил себе эту картину и пожегся от неприятного ощущения. Да, это было бы отвратительно — видеть своего механического двойника. Но Вир-Виан рисовал передо мной эту картину все с большим жаром и увлечением. И я снова не совсем учтиво прервал его:

— Но почему же тогда ваш Тонгус не похож на Ниан-Нара по характеру и привычкам?

— Я снова отклонился в сторону, — смутился Вир-Виан и, подумав немного, продолжал: — С Ниан-Наром получилось не так, как с вашим воображаемым примером. Даже мои первые опыты с животными были удачнее. И вот почему. Вы, конечно, помните несчастный случай с астролетчиком Ниан-Наром. Он погиб при посадке. Врачи не могли уже ничего сделать. Ниан-Нар был безнадежно мертв. Я попросил, чтобы тело Ниан-Нара доставили ко мне, и сказал, что попытаюсь вернуть его к жизни в моей лаборатории. Врачи удивились, но не возражали: настолько высок мой авторитет. Оживить труп, конечно, не удалось. Но я взял кусочек тела и передал его дешифровально-моделирующей установке. Эта машина оказалась на этот раз бессильной. Да это и понятно: ведь Ниан-Нар был мертв уже двадцать часов. За это время в клетках организма, в том числе в нуклеиновых кислотах, произошли необратимые процессы, хотя клетки в какой-то степени еще функционировали. Машина не смогла разгадать все наследственные и приобретенные качества человека. Но по микроструктуре нуклеиновых кислот она все же расшифровала наследственную информацию о внешности человека. И воссоздала эту внешность. Получилось сложное кибернетическое устройство в образе Ниан-Нара, начисто лишенное человеческих качеств, кроме внешности. Мы все же запрограммировали кое-какие человеческие черты.

— В основном покорность.

— Верно, — согласился Вир-Виан. — Мы хотели иметь хорошего слугу. И мы его имеем. Наш Тонгус неизмеримо выше ваших домашних слуг — роботов.

По мере того, как Вир-Виан рассказывал о своих и в самом деле изумительных работах по моделированию человека, у меня росло чувство смутной тревоги. В сумрачной тайне ла-

боратории Вир-Виана было что-то чуждое, враждебное человеку.

— Зачем все это?— наконец воскликнул я.— Какая цель кибернетического воссоздания человека? Если бы вам удалось скопировать Ниан-Нара не только внешне, но и по уму, по темпераменту, что из этого получилось бы?

— Получился бы хороший фарсан,— ответил Вир-Виан, внимательно глядя на меня.

— Фарсан? Так называли на Южном Полюсе привилегированных воинственных слуг шеронов.

— Верно. Название прекрасное. Фарсан-завоеватель! На этот раз завоеватель Вселенной. Это как раз то гибкое и неожиданное оружие для завоевания населенных планет, о котором я уже упоминал. Предположим, что наша экспедиция найдет на планетной системе Нанди-Нана разумных обитателей и сравнительно высокую цивилизацию. Вероятно, жители той планеты будут в основном похожи на нас. Но не это важно. Важно то, что жизнь там наверняка образовалась на такой же белково-нуклеиновой основе, как и у нас. Теперь предположим, что вы высаживаете на населенной планете такого фарсана с необходимым кибернетическим оборудованием. Вы улетаете обратно, а фарсан-завоеватель остается в качестве почетного гостя, представителя нашего мира. А все фарсаны запрограммированы так, что они размножаются, воспроизводят самих себя, поддельваясь под разумных обитателей той планеты, на которой вы их оставите. Предположим маловероятное: белково-нуклеиновые тела жителей какой-нибудь планеты имеют труднообразимую, фантастическую форму. Например, это будут парящие в воздухе шары с короткими руками и одним вращающимся, как антенна радиолокатора, глазом. Фарсаны по наследственной информации безупречно скопируют их внешность и поведение. Кроме того, новые фарсаны будут иметь всю приобретенную информацию разумных обитателей, их знания и жизненный опыт. Живые прототипы фарсанов будут при этом, конечно, уничтожаться. Под их видом фарсаны, обладающие громадными техническими знаниями и навыками, проникнут во все важнейшие производственные и энергетические центры планеты. И вот,— при этих словах Вир-Виан вскочил с кресла и начал взволнованно ходить по комнате. В его голосе появилась торжественность, точь-в-точь как в самых патетических местах его речи на Всепланетном Круге.— И вот в одно прекрасное время жители планеты оказываются под властью фарсанов, то есть под нашей властью. Вы понимаете, что это значит? Это значит, что мы сделаем первый шаг к космическому господству. Это значит, что наша прекрасная Зурган станет в будущем центром галактик, мегастилищем и центром вселенского разума. Это значит, что мыслящий дух...

Вир-Виан снова понесся вскачь на своем философском коньке. Он жестикулировал, лицо его приобрело восторженное выражение.

— Это бессмысленно!— воскликнул я.— Дико и бессмысленно. К тому же, Круг арханов никогда не согласится на это.

Вир-Виан, нахмурившись, подошел к креслу и опустил в него.

— Знаю, что не согласится,— проговорил

он.— Поэтому я и обращаюсь к вам, Тонри-Ро. Вы можете сделать первый шаг, взяв на корабль хотя бы одного фарсана.

— Тонгуса?— спросил я с удивлением.— Этого развинченного кретина?

— Зачем такие сильные выражения. Тонгус — не кретин. Но он, конечно, не годится. Мы дадим вам другого, совершенного фарсана.

— Нет, нет!— горячо возразил я.— Всецело подчиняясь Кругу арханов, я никогда не соглашусь на этот жестокий и безумный эксперимент.

Увидев расстроенное и угрюмо-надменное лицо Вир-Виана, я снова пожалел его. Я все же уважал этого великого ученого. И мне захотелось убедить его, сделать так, чтобы он сам понял бессмысленность и жестокость своей затеи.

— К тому же, нет никакой гарантии безопасности,— осторожно начал я.— Ваши фарсаны, расплодившиеся на чужой планете и захватившие власть, могут, как бы это выразиться, выйти из-под нашего контроля и навредить бед не только там, но и здесь, на Зургане. Свободное программирование таких совершенных кибернетических устройств может привести к весьма нежелательным последствиям. Чего доброго, ваши фарсаны еще подумают, что они выше человека, и возомнят себя господами.

— Внезапности в поведении, конечно, могут быть,— согласился Вир-Виан.— Но в случае, если в программе одного или даже нескольких фарсанов произойдет отклонение в нежелательную сторону, другие, преданные нам фарсаны, быстро ликвидируют их.

— А если отклонение в программе примет массовый характер?

— О, нет!— живо возразил Вир-Виан.— Это маловероятно. Но я предусмотрел и этот совершенно исключительный случай.

Вир-Виан встал и подошел к двери на веранду. Открыв ее, он крикнул:

— Тонгус! Зайди сюда.

Вошел Тонгус. Как и в прошлый раз, он услужливо встал посередине комнаты.

— У каждого фарсана,— сказал Вир-Виан, показывая на голову Тонгуса,— имеется особый блок безопасности. Сейчас я покажу вам его действие.

Эфери-Рау, до этого внимательно слушавший своего учителя, неожиданно встал и поспешно удалился в лабораторию. Он так торопился, что не успел плотно закрыть дверь. Сквозь щель я видел, как Эфери-Рау сел в кресло в напряженно-выжидательной позе.

— Блок безопасности,— продолжал Вир-Виан,— принимает только одну сложную образцом зашифрованную радиogramму, которая известна пока лишь мне одному. Радиogramму можно послать с помощью вот этой портативной вещицы.

Он вынул из кармана и показал обыкновенный радиосигнализатор, каким пользуются при взрывных работах. Такой радиосигнализатор и сейчас лежит у меня в кармане. К сожалению, я не мог видеть цифр, набранных тогда на нем Вир-Вианом: он прикрывал ладонью циферблат. Вир-Виан передвинул предохранитель и положил палец на кнопку.

— Теперь предположим, что в генеральной программе Тонгуса произошло нежелательное, опасное отклонение. Тогда я делаю следующее. Смотрите.

Вир-Виан нажал кнопку. Тонгус сразу как-то обмяк, колени его подогнулись, и он упал на пол.

— Не бойтесь, он не разобьется и не получит никаких повреждений. Тонгус прочнее человека. Но он сейчас мертв. Вся деятельность сложной сети молекулярных нейронов прекратилась. Работает только один блок безопасности. Он-то и ликвидирует все нежелательные отклонения в программе фарсана. Происходит как бы процесс самоочищения.

Я случайно взглянул в приоткрытую дверь лаборатории и вздрогнул: Эфери-Рау повис в кресле, рука его беспомощно свесилась до пола, а голова вяло склонилась вперед и немного в сторону. Что с ним? Неужели Эфери-Рау, как и Тонгус?.. Не может быть!..

Мои лихорадочные размышления прервал Вир-Виан.

— Теперь смотрите, — сказал он, глядя на Тонгуса, — я нажимаю вторую кнопку.

Тонгус зашевелился и быстро встал на ноги.

— Фарсаны, — торжествуя продолжал Вир-Виан, — взбунтовавшиеся фарсаны снова во власти человека. Но случаи неповиновения исключительно редки. Мои фарсаны надежнее и преданнее прежних фарсанов, фарсанов-людей. Вы согласны?

И Вир-Виан самодовольно рассмеялся.

— Конечно, надежнее, — услышал я зади голос вошедшего Эфери-Рау.

Я обернулся и внимательно взглянул на него. Эфери-Рау улыбался и смотрел на Вир-Виана с еще большей преданностью и рабством, чем раньше.

«Неужели Эфери-Рау, — думал я, — это не человек, а его кибернетический двойник? Но где же тогда живой Эфери-Рау? Где?»

Эти мысли не давали мне покоя, усиливая тягостное впечатление от всего, что я видел здесь. И мне захотелось поскорее уйти.



Сославшись на неотложные дела, я заторопился. До ворот меня проводил Вир-Виан.

— Надеюсь, что перед тем, как покинуть Зургану, вы зайдете ко мне? — спросил он на прощание.

Не помню, но мне кажется, что я обещал зайти, обещал, чтобы что-то сказать. Расставшись с Вир-Вианом, я направился к гелиоплану, который за это время накопил под жаркими лучами изрядное количество энергии.

«Что мне делать? — думал я, усаживаясь в кабину гелиоплана. — Может быть, обо всем рассказать Нанди-Нану? Посоветоваться с ним? Но ведь я же обещал Вир-Виану пока что не говорить никому?»

Но такова была беспечность нашего поколения, выросшего в условиях гармоничного общества, и такова оптимистическая сила молодости, что тягостное чувство исчезло, как только гелиоплан поднялся в воздух. Ветер звенел в ушах, напевая свою незатейливую, но всегда увлекательную песенку странствий. Я летел к освежающим просторам Ализанского океана, к своим друзьям на зеленом острове Астронавтов.

34-й день 109 года

Эры Братства Полюсов

Едва сегодня уселся за клавишный столик, как засветился экран внутренней связи, и я увидел крупное лицо Сэнди-Ски. Он дружелюбно улыбался.

— Эо, Тонри! Откликнись! Ты совсем покинул нас ради своих дышащих звезд. Вчера весь день работал, но сегодня — не дадим. Эо, откликнись! — повторил он, и его улыбка стала еще приветливей.

В ответ я постарался улыбнуться. Но улыбка, видимо, получилась хмурая, так как Сэнди-Ски обеспокоенно спросил:

— Может быть, я мешаю тебе?

— Нет, нет, Сэнди! — рассмеялся я (на этот раз довольно успешно). — Сейчас приду. К тому же, мне надо просто отдохнуть.

— Правильно, — сказал Сэнди-Ски. — У тебя для работы будет много времени на обратном пути.

Почти весь день провел в рубке управления и в основном в рубке внешней связи. Мы стремительно приближаемся к планете Голубой. На огромном экране внешней связи даже при среднем увеличении уже не помещается вся планета, а только ее отдельные части, отдельные материи. Увеличивая изображение, я иногда различал маленькие фигурки разумных обитателей. И меня каждый раз пронизывала острая грусть от того, что мне не придется с ними встретиться.

— Они начинают изменять облик своей планеты, хотя и бессистемно, — прошептал зади Сэнди-Ски. — Видишь?

И он показал на квадраты пашен, на каналы, города и промышленные предприятия, засоряющие атмосферу клубами черного дыма.

— Цивилизация еще младенческая, но она имеет все условия для бурного разви-

тия, — продолжал восторженно шептать Сэнди-Ски. — Ведь планета благодатнейшая. Пустынь почти нет. Сплошной оазис.

Днем произошло одно небольшое происшествие, еще раз показавшее, насколько тонко и, так сказать, всесторонне перевоплощаются фарсаны в людей. Молодой штурман Тари-Тау торопился сменить дежурившего у пульта управления Али-Ана. При этом он слишком быстро взбежал по лестнице в каюткомпанию. У него подвернулась нога, и он вскрикнул. Я увидел его лицо, посеревшее от боли. Лари-Ла, располневший, но удивительно пророчный Лари-Ла, живо подскочил и разорвал комбинезон в том месте, где он нащупал опухоль. И я действительно увидел на ноге Тари-Тау опухоль, какая бывает у людей при сильном растяжении связок. Лари-Ла смочил ее пятипроцентным раствором целебной радиоактивной жидкости и недовольно проворчал:

— Похромаешь до вечера. В следующий раз будешь осторожнее.

Морщась от боли и прихрамывая, Тари-Тау подошел к креслу у пульта управления и сменил Али-Ана.

Чтобы так безупречно разыграть эту сцену, Тари-Тау надо было иметь настоящее, почти человеческое ощущение боли. Разыграть... Здесь это слово, пожалуй, не подходит. Тари-Тау не разыгрывал эту сцену, не создавал предварительно в своем железном мозгу логически-безупречной схемы своего поведения. Нет, он, можно сказать, жил. Все у него получилось произвольно — так, как у живого Тари-Тау. Все фарсаны наделены так называемой системой самосохранения, почти такой же совершенной, как инстинкт самосохранения у человека. Система самосохранения у фарсанов включает в себя элементарные человеческие ощущения, в том числе ощущения боли, играющие роль сигналов об опасности. Но что касается сложных чувств, человеческих эмоций, вдохновения, интуиции... Можно, конечно, запрограммировать машине многие человеческие чувства, как это сделано у фарсанов. Но это все-таки не подлинные эмоции, а их бледные копии.

35-й день 109 года

Эры Братства Полюсов

Почти весь день провел в обществе фарсанов, разыгрывая ничего не подозревающего простачка. Но сейчас вечер — «мой» вечер, вечер сладостных воспоминаний о далекой и невозвратной Зургане.

В моем положении сейчас нет ничего более волнующего, чем эти воспоминания, рисующие на экране воображения прекрасные картины, незабываемые встречи. И я словно слышу голоса живых людей, голоса, из которых многие уже умолкли навсегда. Ведь благодаря эффекту времени, возникающему при субсветовых скоростях полета, на Зургане минуло почти столетие, а на нашем корабле прошло всего лишь девять лет. Но в памяти живо воскресают человеческие лица, их выражение, голоса...

Остров Астронавтов... Единственное на

Зургане место, где сохранилась такая же необузданная и дикая природа, как на планете Голубой. С утра мы бегали вокруг острова, преодолевали горные потоки, крутые скалы, густые чащобы. Потом состязались в плавании и отдыхали на берегу, стараясь впитать всеми порами своего тела лучи неистово палящего, но дорогого нам зурганского солнца. Мы знали, что скоро надолго лишимся родного солнца и будем довольствоваться его подобием в кабине утренней свежести.

В своем воображении я нарисовал до того реальную картину острова Астронавтов, что едва слышный в моей каюте шум планетарных двигателей кажется мне сейчас шипением белопенных волн, лизавших мои ноги. Я лежал на горячем песке, голова находилась в тени рагвы — густого плодового дерева. Вкусные и сочные плоды рагвы сбисали так низко, что я мог, лежа на спине, достать их руками.

Подошел Сэнди-Ски и, толкнув меня в бок голой пяткой, покрытой влажным песком, спросил с беззлой насмешкой:

— Лежишь и мечтаешь о своей Аэнне?

Я не обижался на Сэнди-Ски за эти насмешки. Отчасти он прав. Влюбиться накануне ответственной межзвездной экспедиции, говорил он, по меньшей мере недостойно настоящего астронавта.

— Ты сильно преувеличиваешь мое увлечение, — отшучивался я. — Даже ты больше знаешь об Аэнне, чем я. Скажи, где она сейчас? Я, например, этого не знаю.

— По-прежнему в городке археологов, — ответил он. — Я даже могу сказать, что Аэнна сейчас делает, — добавил он.

— Ну и что же она делает? — спокойно спросил я.

— Не притворяйся равнодушным, — рассмелся Сэнди-Ски. — От меня ты не укроешься. Слушай, в чем дело. Среди археологов, этих презренных гробокопателей, как ни странно, есть немало артистически одаренных людей. Сейчас в шаровом доме они выступают с концертом перед отдыхающими. Возможно, что Аэнна уже готовится к выходу, чтобы исполнить свой знаменитый «Звездный танец».

— Я не знал, что она танцует.

— Да еще как! Хочешь посмотреть? Тогда давай поспешим. С твоего разрешения немного нарушим строгий распорядок предполетной жизни.

Быстро одевшись, мы уселись в гелиокатер и поплыли на север. Остров Астронавтов вскоре утонул за горизонтом, а вдаль, на севере, засверкали шпили и дворцы шеронского архипелага.

Сэнди-Ски повернул катер в сторону берега. Вскоре мы причалили к обрывистому скалистому берегу, покрытому редким кустарником. Прыгая по камням, мы взобрались наверх.

— Вот и городок, где живут земляные черви, то есть археологи, — презрительно пояснил Сэнди-Ски, показывая на сверкающие белизной легкие пластмассовые домики. — А вот и шаровой дом.

Немного в стороне я увидел огромное и круглое, как мяч, здание без окон.

— Откуда этот шаровой дом? — удивил-



ся я. — Совсем недавно его здесь не было.

— Его построили за один час, — сказал Сэнди-Ски. — Вернее, выдули из расплавленного пеностеклозона, как выдувают колбы. Идем туда.

Мы вошли внутрь огромного шара и очутились в непроницаемой темноте. Мы опоздали и увидели только финал «Звездного танца». Сцены, собственно, не было. Перед зрителями расстился безбрежный угольно-черный Космос, озаряемый в такт музыке вспышками огневых облаков и беззвучно взрывающихся сверхновых звезд. Это был несколько декоративный, театральный Космос. В центре — обломок скалы, изображающий астероид. На нем я и увидел Аэнну в легком серебристом костюме. В таком одеянии на настоящем астероиде астронавт погибнет моментально, пронизанный космическим холодом. Но я сразу же забыл об этой условности, как только увидел Аэнну, ее плавные движения, с трепетной легкостью отзывающиеся на музыку. Темп танца ускорялся, его ритмический рисунок становился четким и отрывистым. Вот уже Аэнна стала похожа на буйное серебристое пламя. В певучей гармонии стремительных движений чувствовался такой неудержимый порыв человечества в космические дали, что все затаили дыхание...

Танец закончился. Вот уже вспыхнул свет. Но в круглом зале еще стояла тишина. Наконец раздалась возгласы: «Хау!» Многие бросились поздравлять Аэнну. Я был ошеломлен, взволнован и долго не замечал, как Сэнди-Ски дергал меня за рукав.

— Ты, я вижу, совсем ошеломлен, — сказал он насмешливо. — Может быть, подойдем к Аэнне?

Но я все еще молчал. Внимательно посмотрев на меня, Сэнди-Ски сказал:

— Вот что, дружище, иди-ка ты лучше на берег, на то место, где стоит катер. А я скажу Аэнне, что ты ждешь ее там. Вернуться на остров можешь на том же катере, а я найду другой.

Я пришел на скалистый берег и уселся на камне у самого моря. Долгое время я ничего

не замечал — все еще видел в угольной черноте сверкающий обломок скалы и танцующую Аэнну...

Наконец очнулся и посмотрел по сторонам. Берег был пустынный. Лишь далеко слева стояла на пляже небольшая группа отдыхающих. Среди них я заметил знакомую фигуру. Неужели?.. Я взял на катере бинокль и стал наблюдать. Так и есть: Эфери-Рау!

Эфери-Рау разговаривал с людьми. Я хорошо видел его лицо, как будто он стоял рядом, в двух шагах. Эфери-Рау хвастливо похлопал себя по широкой груди и самодовольно рассмеялся. Я не заметил бы в его поведении ни малейшей фальши, если бы ничего не знал о фарсанах, если бы не видел, как Эфери-Рау безжизненно повис в кресле под действием шифрованной радиogramмы Вир-Виана. Но сейчас мне казалось, что Эфери-Рау немного не тот. Или мне это просто казалось?

«Если это фарсан, которого Вир-Виан решил изредка, чтобы не вызывать подозрений, отпускать к людям, то где же живой Эфери-Рау? — думал я. — Неужели он его в самом деле уничтожил?»

Вот Эфери-Рау снова похлопал себя по груди и показал на море. Я хорошо знал этот хвастливый жест. В этот день было сильное волнение, и никто из отдыхающих не решился купаться. Но Эфери-Рау бросился на гребень высокой волны и поплыл в своем превосходном стиле, вызывающем у меня всякий раз чувство восхищения.

Я сел снова на камень лицом к океану и, отложив в сторону бинокль, стал думать об Эфери-Рау. Воспроизвести кибернетическими, чисто техническими средствами мысль человека во всем ее величии и богатстве невозможно. В этом я не сомневался. Но можно ли воссоздать поведение человека с таким искусством, чтобы гадать, как я только что гадал, — человек это или фарсан? Нет, по моему, и это невозможно. Невольно вспомнился «Звездный танец» Аэнны, ее одухотворенные, песенные движения. Никакое кибернетическое подобие человека не способно на такие взлеты вдохновения. И я впервые подумал тогда, до чего совершенно человеческое тело.

Неожиданно наверху сзади послышался шелест кустарника. Я оглянулся. Аэнна!.. Она стояла на остроконечном камне и, улыбаясь, балансировала раскинутыми в стороны руками. Взмахнув ими, как птица крыльями, она бесшумно прыгнула и подошла ко мне.

— О, Тонри, — засмеялась она. — Как это романтично и немного старомодно — назначать свидания на безлюдном берегу.

— Не совсем безлюдном, — возразил я, подавая бинокль. — Взгляни налево.

Аэнна взяла бинокль и стала рассматривать пляж. В это время из бурлящих волн выходил на берег Эфери-Рау, победоносно и хвастливо махая поднятыми вверх руками.

— Эфери-Рау! — воскликнула Аэнна и, рассмеявшись, добавила: — Поразительное явление. Как это отец отпустил его.

— Давай сядем на камень, как прошлый раз, — предложил я. — Об этом Эфери-Рау и других помощниках твоего отца я и хочу поговорить.

— А ты откуда их знаешь? — удивленно вскинув брови и усаживаясь на камень, спросила Аэнна.

— Ты же сама приглашала меня.

— Но ты же не был...

— Я был вчера, и мы беседовали с твоим отцом.

— О чем же вы говорили?.. Отец в последнее время стал особенно скрытным и нелюдимым. Его окружают помощники и лишь иногда навещают гости — шероны. Причем, в основном старые шероны, его единомышленники... Не нравится мне отец в последнее время. Хотя я и люблю его, но меня все меньше тянет в его крепость-лабораторию.

Красивое лицо Аэнны снова стало печальным.

— Да, в тайне лаборатории Вир-Виана есть что-то бесчеловечное, — проговорил я. — Вир-Виан просил меня никому не рассказывать. Но тебе-то, я думаю, можно...

— О какой тайне ты говоришь? — спросила Аэнна. — Я мало знаю о его опытах, но мне кажется, он работает сейчас над искусственными полимерами, находящимися на грани живого белка.

— Искусственные полимеры Вир-Виана, конечно, поразительны, — сказал я. — Но главное его достижение в том, что он создает кибернетическую аппаратуру на принципиально новой основе, на атомно-молекулярном уровне.

— Ты хочешь сказать, что отец предлагает кристаллы и микроэлементы заменить атомами?

— Да. Поглотив квант энергии, атом становится возбужденным. Переходя из этого состояния в нормальное, он излучает энергию. Вот этим переходом из одного состояния в другое Вир-Виан и заставил атом выполнять главную логическую операцию «да» — «нет» — «да».

— Это же великолепно, — оживилась Аэнна. — Насколько я понимаю, это крупное достижение.

— Да, это успех, — согласился я. — Наши ученые давно работают над этим, но пока безрезультатно. Зачем же Вир-Виан скрывает тогда свои достижения? Неужели для того, чтобы в тайне изготовить нескольких фарсанов?

— Каких фарсанов? Ты имеешь в виду воинственную древнюю расу? Но она же полностью погибла.

— Я говорю об искусственных фарсанах, о людях с полимерным телом.

— Ты намекаешь на этого кретина Тонгуса? — засмеялась Аэнна. — Но это же просто слуга. Признаюсь, я тоже сначала приняла его за человека, который вызывал у меня непонятное отвращение. Но отец все объяснил мне.

— Дело не в Тонгусе. Это всего лишь первый образец. Сейчас Вир-Виан может делать более совершенных фарсанов.

И я рассказал о своих подозрениях, о том, что Эфери-Рау и другие помощники Вир-Виана — это, возможно, искусственные люди, кибернетические фарсаны.

Аэнна быстро встала и с ужасом посмотрела на меня.

— О, Тонри. Ты говоришь что-то страш-

ное. Нет, нет. Этого не может быть. Хотя мне они тоже кажутся немного странными. Но я не думала... Нет, не может быть!

Я встал с камня и взял Аэнну за руку. Рука ее дрожала.

— Но все же, Аэнна, это, видимо, так.

— Проводи меня до нашего городка, — сказала она. — Я хочу остаться одна и подумать.

По пути в городок она спросила:

— Но почему ты их называешь фарсанами?

— Потому что основная их программа — завоевание населенных планет Вселенной для новой породы шеронов. Потому что их атомно-молекулярные мозги напичканы воинственно-космической философией, о которой Вир-Виан так подробно распространялся в Шаровом Дворце знаний. К тому же, сам Вир-Виан называет их фарсанами.

— Вот видишь, я говорила как-то, что мой отец — опасный и недобрый гений, — сказала Аэнна. — Но я не думаю... Нет, это невероятно!

Когда мы подошли к пластмассовому городку археологов, у нее мелькнула мысль, от которой она вздрогнула и снова с ужасом посмотрела на меня.

— Подожди, если фарсаны — кибернетические двойники, то где живые люди? Неужели они мертвы?.. Быть может, убиты? Нет, Тонри. Твое предположение слишком чудовищно. Я должна сама все проверить.

— Знаешь что, — неожиданно предложил я, увидев ее расстроенное лицо, — давай улетим в Космос вместе.

— О нет, Тонри, — слабо улынувшись, сказала она. — Совет Астронавтики не разрешит брать женщин в первый межзвездный.

— Скоро у нас испытательный полет. Из него вернемся через год. И перед настоящим полетом у нас будет еще полгода. За это время я уговорю Совет Астронавтики. Ведь нам нужны будут историки.

— Не так все это просто, Тонри. К тому же, я сама не захочу.

— Почему?

— Вот ты любишь Космос. Межзвездный полет — цель твоей жизни. Скажи, смог бы ты ради меня остаться здесь, на Зургане? Я замаялся.

— Ну говори. Только прямо.

— Нет, не смог бы.

— Так же и я не могу покинуть Зургану и улететь надолго, быть может, навсегда. Я люблю Зургану. Поэтому я и стала археологом, историком и палеонтологом. А ты не расстраивайся, — добавила она, взглянув на меня. — В Космосе скоро забудешь обо мне.

Я хотел возразить, но она сказала:

— Не будем сейчас об этом говорить. Ты вернешься из пробного полета, и у нас будет еще полгода. Это же целая вечность!.. Подожди минутку, — Аэнна зашла в домик. Вернувшись, она протянула мне шкатулку, в которых обычно хранятся кристаллы. — Возьми с собою в Космос вот это.

— А что здесь?

— Таблетки приятных сновидений. Продукт шеронской цивилизации эпохи упадка, — рассмеялась она и добавила: — Знаю, что вам не разрешают брать в полет эти таблетки.

Но несколько штук тебе не повредят. Вдруг захочется хоть во сне вернуться на Зургану...

Даже сейчас, через много лет полета, я не могу без волнения, щемящей грусти вспомнить тот момент. И мне никогда не забыть прекрасного лица Аэнны, особенно ее глаз, таивших в глубине далекую и светлую, как звезды, печаль...

Здесь, у пластмассового домика, мы и расстались. Мог ли я тогда предполагать, что больше не увижу ее, что Аэнна скоро погибнет в схватке с чудовищами, порожденными ее отцом, — с кибернетическими фарсанами?

36-й день 109 года Эры Братства Полюсов

Когда предполетная подготовка закончилась, мы покинули остров Астронавтов и впервые по-настоящему обосновались на корабле. Каплевидный звездолет, устремив свой тупой нос в небо, стоял на космодроме, расположенном на самой высокой горе Северного полушария. Отсюда мы стартовали. Старт был необычный. Наш звездолет был захвачен незримым, но мощным антигравитационным полем и плавно выведен за пределы атмосферы — в Космос. Здесь-то, в сущности, и состоялся настоящий старт, когда заработали планетарные двигатели.

Корабль летел все быстрее. Но перегрузка не доставляла нам особого беспокойства. Когда звездолет развил максимальную межпланетную скорость, мы включили экран внешней связи и увидели нашу родную Зургану. В обычный оптический телескоп она показалась бы нам отсюда не больше горошины, так как корабль уже приблизился к орбите третьей планеты нашей системы — Тугуса.

Согласно инструкции, пора было переходить на особую двухстороннюю связь. Во Дворце астронавтов находился точно такой же экран, как у нас. Я знал, что перед ним сейчас дежурит Нанди-Нан и ждет от нас подробной информации о полете.

Я включил двухстороннюю связь, и через некоторое время на экране появилось сухощавое озабоченное лицо Нанди-Нана.

— Эо, Тонри! — оживился он, увидев меня на своем экране. — Как дела? Как ваше самочувствие? Как ведет себя корабль?

Мой рассказ о полете порадовал Нанди-Нана. Около его глаз веером собирались морщинки — он улыбался.

— Хорошо, очень хорошо, — сказал он и предупредил: — Но главные трудности впереди, когда разовьете субсветовую скорость.

Он оказался прав. Но я не буду рассказывать о пробном полете. Скажу только, что корабль показал прекрасные навигационные качества.

Пробный полет по нашим корабельным часам длился недолго, а на Зургане, в силу эффекта времени, прошло около года.

Мы с нетерпением всматривались в экран. Что нового появилось на родной планете? И мы увидели, что широкую желтую полосу пустыни пересекла прямая и тонкая линия;

на Зургане построили первую транспланетную дорогу. По обеим сторонам дороги на желтом фоне песков четко выделялись неправильной формы зеленые пятна. Здесь, вероятно, уже весело шумели рощи и леса.

Мне хотелось поскорее связаться с Дворцом астронавтов. Но двусторонняя связь еще не работала. Было слишком далеко. Корабль только приближался к орбите Тутуса. Лишь на другой день из тумана выплыло на экране лицо Нанди-Нана. Изображение становилось все более четким. Наконец, он тоже увидел меня.

— Эо, Тонри! — воскликнул он. — Поздравляю весь экипаж с благополучным возвращением.

В это время в рубку внешней связи вошел Сэнди-Ски и встал позади меня, положив руки на спинку кресла.

— Эо, Сэнди! — приветствовал его Нанди-Нан. — По вашим лицам вижу, что все хорошо. Так ведь?

— Очень хорошо, — сказал я и начал коротко докладывать о полете.

Не успел я закончить, как с экраном внешней связи что-то случилось. Он слегка затуманился. Изображение задрожало, а потом исчезло совсем. По экрану сверху вниз поползли сплошные туманные полосы.

— Похоже на помехи, — сказал Сэнди-Ски. — Такое впечатление, как будто кто-то пытается перебить нашу связь.

Экран вдруг прояснился, и на нем возникло крупное лицо... Вир-Виана.

— Что за чертовщина! — недовольно воскликнул Сэнди-Ски.

Вир-Виан, казалось, не обратил на это никакого внимания. Только на его некрасивом шишковатом лбу появилась суровая складка. Вир-Виан поднял два пальца: так приветствовали когда-то верховные шероны своих рядовых собратьев в эпоху шероната.

— Капитан Тонри-Ро, — заговорил он. — На Южном Полюсе Зурганы создано новое правительство. Я приказываю произвести посадку на южном космодроме на горе Коу. Здесь, в честь вашего прибытия, построена триумфальная дорога. Вас встретят с величайшими почестями. Вас...

Но Вир-Виан не договорил. Экран снова покрылся туманными полосами.

— Ничего не пойму, — ворчал Сэнди-Ски. — Откуда выскочил этот дьявол?

На короткое время экран очистился, и мы увидели встревоженное лицо Нанди-Нана. Голос его доносился глухо, как сквозь стену:

— Посадку совершайте на северном космодроме. Антигравитационное поле мы используем для обороны. Поэтому посадку производите самостоятельно, на планетарных двигателях. Знаю, что трудно, но...

Все. На этом связь прекратилась. Сколько мы ни ждали, как ни крутили тумблеры, на экране все время ползли туманные полосы.

Пришлось переключиться на общий обзор планеты. На экране снова возник желтый шар с зелеными шапками на полюсах. Увеличив изображение, я стал различать на Северном Полюсе города и даже людей. На экране они выглядели едва заметными точками. Против обычного, людей было очень мало. И вдруг они совсем исчезли. Улицы и площади опустели.

— На планете творится какая-то чертовщина, — ворчал Сэнди-Ски. — Ну-ка, Тонри, уменьши изображение, чтобы видеть всю планету целиком.

Я так и сделал. На границе между полупустыней и зеленой шапкой Северного полюса мы заметили две ослепительные вспышки. Вскоре над Южным Полюсом появилась одна, но очень яркая вспышка.

— Я так и знал, — взволнованно прошептал Сэнди-Ски. — Это война! Между Севером и Югом снова война.

Я молча пожал плечами, продолжая напряженно всматриваться. Во многих местах Южного Полюса то и дело вспыхивали и металась зеленоватые лучи. Это же смертоносное лучевое оружие! Похоже, что Сэнди-Ски прав: это война!

Но отчего она возникла? Как это могло произойти на сотом году Эры Братства Полюсов? На эти вопросы мы получили ответы только там, на планете, когда совершили посадку на северном космодроме. С гордостью могу сказать, что посадку на планетарных двигателях я произвел безупречно. Огромный космический корабль повиновался мне так же послушно, как легкие планетолеты, на которых я прежде летал. Первое, что поразило нас на космодроме, — это несколько десятков молодых людей, вооруженных старинным огнестрельным оружием. Они приблизились к нам, когда мы спустились по трапу.

— Что, ребята, из музеев взяли? — невесело усмехнулся Сэнди-Ски, показывая на оружие.

— Из музеев, — смущенно ответил один из них.

К нам подошел Нанди-Нан с двумя врачами.

— Друзья, — обратился он к нам после короткого приветствия. — Планета переживает тревожное время. Все объясню потом. Сначала вы, как все граждане Северного Полюса, пройдете луческопию. Пока это единственный способ отличить человека от фарсана.

— Фарсаны! — воскликнул я, начиная догадываться. — Так это война с фарсанами?

— Да, — ответил Нанди-Нан. — С кибернетическими фарсанами.

Члены экипажа с недоумением слушали наш разговор.

— Это я виноват, что вовремя не предупредил... — начал было я.

— Знаю, — перебил меня Нанди-Нан. — Все знаю. Виноват не ты, а все мы, весь Круг арханов. Аэнна, дочь Вир-Виана, вскоре после того как вы улетели, все рассказала, предупредила нас об опасности. Но мы не придали ее словам особого значения. А сейчас расплачиваемся за беспечность.

— Где сейчас Аэнна? — спросил я.

От Нанди-Нана я услышал печальное известие: Аэнна погибла. Она все время работала в археологической экспедиции на Южном Полюсе. Когда Вир-Виану удалось с помощью фарсанов установить на Юге свое господство, многие шероны и все северяне, жившие на Южном Полюсе, отказались ему подчиняться. Тогда они были безжалостно истреблены фарсанами с помощью лучевого оружия.

— Что все это значит? Как это могло

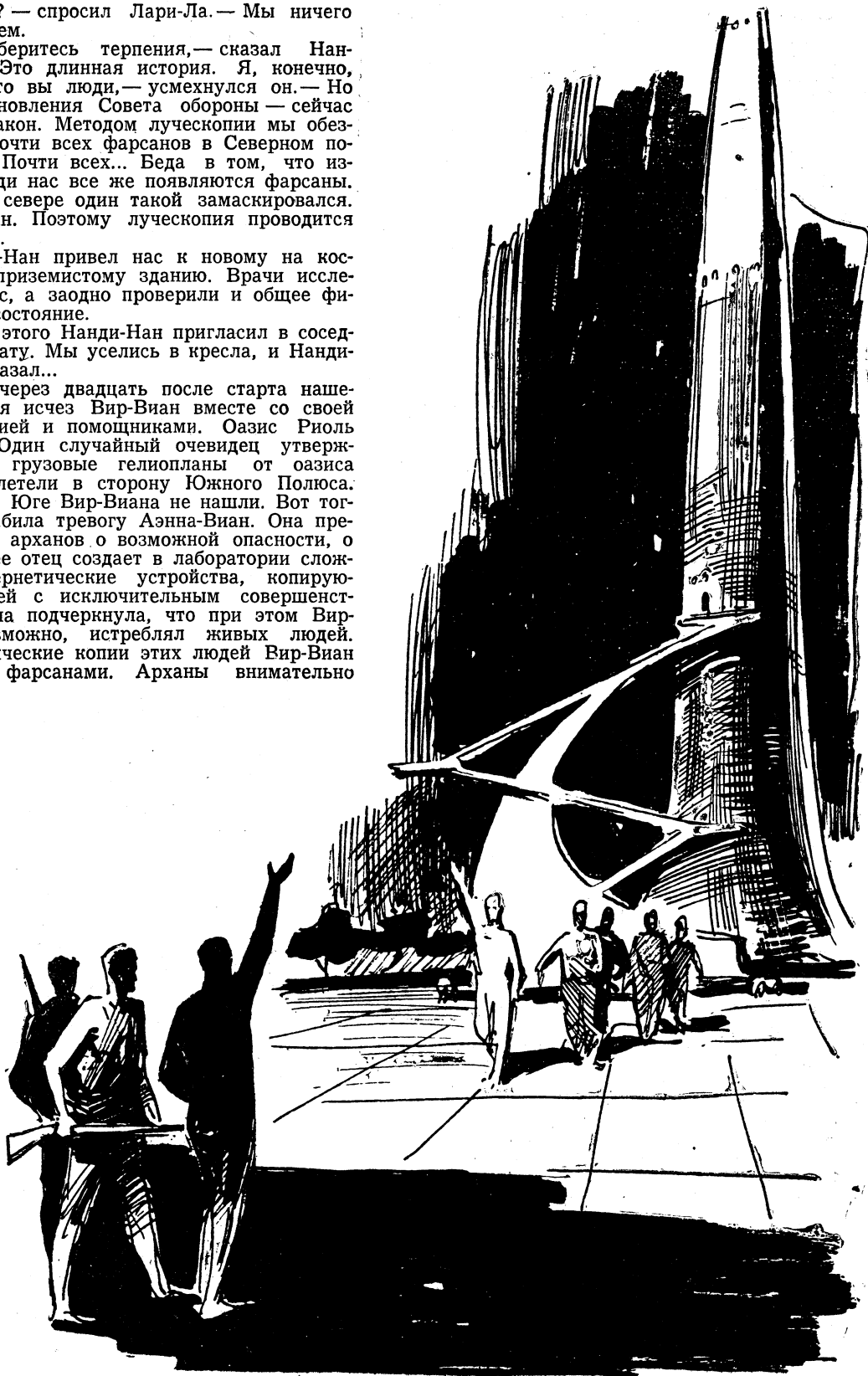
произойти? — спросил Лари-Ла. — Мы ничего не понимаем.

— Наберитесь терпения, — сказал Нанди-Нан. — Это длинная история. Я, конечно, уверен, что вы люди, — усмехнулся он. — Но все постановления Совета обороны — сейчас высший закон. Методом луческопии мы обезвредили почти всех фарсанов в Северном полушарии. Почти всех... Беда в том, что изредка среди нас все же появляются фарсаны. Где-то на севере один такой замаскировался. Всего один. Поэтому луческопия проводится регулярно.

Нанди-Нан привел нас к новому на космодроме приземистому зданию. Врачи исследовали нас, а заодно проверили и общее физическое состояние.

После этого Нанди-Нан пригласил в соседнюю комнату. Мы уселись в кресла, и Нанди-Нан рассказал...

Дней через двадцать после старта нашего корабля исчез Вир-Виан вместе со своей лабораторией и помощниками. Оазис Риоль опустел. Один случайный очевидец утверждал, что грузовые гелиопланы от оазиса Риоль полетели в сторону Южного Полюса. Однако на Юге Вир-Виана не нашли. Вот тогда-то и забила тревогу Аэнна-Виан. Она предупредила арханов о возможной опасности, о том, что ее отец создает в лаборатории сложные кибернетические устройства, копирующие людей с исключительным совершенством. Аэнна подчеркнула, что при этом Вир-Виан, возможно, истребляет живых людей. Кибернетические копии этих людей Вир-Виан называл фарсанами. Арханы внимательно



выслушали Аэнну. Опасность они не считали слишком серьезной. Однако поиски Вир-Виана и его лаборатории продолжались с еще большей настойчивостью. Через несколько дней случилось одно происшествие, которое по-настоящему встревожило арханов и все население планеты: в пустыне, на строительстве гелиостанции, с большой высоты упал молодой техник. Врачи, поспешившие на помощь, нашли его мертвым. И вдруг, к своему ужасу, обнаружили, что это совсем не человек, а сложное кибернетическое устройство, поврежденное при падении. Этот случай заставил арханов собраться на чрезвычайное заседание. Было решено во что бы то ни стало разыскать Вир-Виана и пресечь его бесчеловечные опыты. Арханы решили также подвергнуть все население планеты луческопии, чтобы выловить фарсанов. Тогда фарсаны, страшась разоблачения, подняли восстание...

— Извините, у меня вопрос, — обратился я к Нанди-Нану. — Я немного знаком с лабораторией Вир-Виана. Там находятся особые кибернетические аппараты, в которых по наследственному шифру нуклеиновых кислот происходит воссоздание людей. Но чтобы поднять восстание, нужно много фарсанов. И мне непонятно, как Вир-Виан успел создать их. Ведь нужно было заманивать или похищать людей, чтобы изготавливать их кибернетические копии.

— Хорошо, — сказал Нанди-Нан. — Я немного нарушу последовательность рассказа, чтобы объяснить. Ты, Тонри, далеко не все знаешь о производстве фарсанов, а другие члены экипажа вообще не имеют об этом представления. Тебе, Тонри, Вир-Виан сказал, что воссоздает человека по наследственному шифру нуклеиновых кислот. Но это не совсем так. По наследственной информации нуклеиновых кислот можно воспроизвести только внешность человека, а также некоторые врожденные качества и безусловные рефлексы. Но ведь фарсан копирует живого человека со всеми его индивидуальными признаками, с его памятью, его знаниями, навыками. А для этого мало нуклеиновых кислот. Для этого надо особыми лучами исследовать микроструктуру мозга — огромного хранилища наследственной и приобретенной информации. В кибернетические аппараты, о которых ты, Тонри, говорил, Вир-Виан помещает не нуклеиновые кислоты, а всего человека, оглушенного, но еще живого. И кибернетика конструирует более совершенную кибернетику — копию человека на основе атомно-молекулярных нейронов. Бесспорно, это крупное достижение науки, обращенное по злой воле Вир-Виана против человечества. Фарсаны опасней и страшней, чем ядерные снаряды. Теперь объясню, как Вир-Виан добился массового производства фарсанов. Покинув оазис Риоль, Вир-Виан скрылся в труднодоступных горах Южного Полюса. Там он построил не лабораторию, а целый завод. Стационарные кибернетические установки, которые ты, Тонри, уже видел раньше, выпускали на этом заводе фарсанов особой сложности — воспроизводящих. Они имеют у себя внутри устройство, копирующее в миниатюре стационарную кибернетическую установку. Таким образом, воспро-

изводящий фарсан — это целая передвижная лаборатория, производящая простых фарсанов...

Нанди-Нан слегка опустил голову и умолк. Когда он снова заговорил, голос его стал глуше, взгляд суровее:

— В разное время погибло около двух тысяч зурган и появились их двойники — воспроизводящие фарсаны. Вир-Виан разослал их по полюсам. Днем воспроизводящие фарсаны вместе со всеми гражданами работали, отдыхали и даже «веселились», а ночью похищали спящих людей и изготавливали их кибернетические подобию — простых фарсанов. Трупы потом они испепеляли. И утром, уже следующим утром появлялись новые фарсаны, совершенные копии погибших, и ни у кого — ни у родственников, ни у друзей — не возникало даже тени подозрения...

— Но как могло совершиться это чудовищное преступление в наше время?! — воскликнул Лари-Ла.

— Слушайте, что было дальше, — негромко продолжал Нанди-Нан, словно не услышал возгласа врача. — После того, как мы начали вылавливать фарсанов, они по команде Вир-Виана подняли восстание.

Восстание, видимо, не было еще как следует подготовлено. Но у него два преимущества. Во-первых, внезапность: никто из людей не знал без луческопии, кто его спутник или сосед — фарсан или человек. Во-вторых, эффективное лучевое оружие разрушало только настоящие белковые клетки, животные организмы. На фарсанов оно не действовало. Поэтому фарсан мог направить губительный луч на целую толпу, не опасаясь, что в этой массе он паразит своего собрата. Сейчас, правда, ученые ищут особой жесткости гамма-лучи, способные поражать у фарсанов деятельность молекулярных нейронов. Но все это еще в стадии испытаний. А пока мы в силах бороться с фарсанами, лишь механически разрушая их старинным огнестрельным оружием.

На Северном Полюсе мы истребили всех выявленных фарсанов. Всех, кроме одного и очень опасного и, по-видимому, — воспроизводящего. Он где-то хорошо укрылся и ловко ускользает от луческопии. Изредка появляются простые фарсаны, которым удается иногда совершить мелкие диверсии, но основные энергоцентры Северного Полюса сейчас защищены надежно... Иная обстановка сложилась на Юге. Там Вир-Виан достиг своей цели и объявил себя верховным шероном, временным диктатором всей планеты.

— Мы видели из Космоса ядерные взрывы, — нахмутив густые брови, проговорил Сэнди-Ски.

— Дошло и до этого, — сказал Нанди-Нан. — Установив на Юге диктатуру, Вир-Виан провозгласил свою программу и предложил присоединиться к нему всех северян и шеронов, проживающих на Северном Полюсе. Всех северян и шеронов он объявил новыми, космическими шеронами и создателями гигантских духовных ценностей вселенского масштаба. Как видите, стиль программы мало отличается от его речи в Шаровом Дворце знаний. Сулаков Вир-Виан предложил считать второстепенными гражданами до тех пор, по-

ка те в течение ряда поколений не преодолеют свою, как он выразился, биологическую неполноценность. В ответ мы потребовали прекратить производство фарсанов, а всех готовых уничтожить или сдать Совету обороны. Тогда на Юге начали в спешном порядке выпускать ядерные снаряды... Вы могли видеть два взрыва. К счастью, они не причинили большого вреда. К этому времени мы антигравитационным полем, словно броневым копаком, накрыли Северный Полюс. Теперь любое тело, попав в это поле, теряет свой вес и отбрасывается. К сожалению, Вир-Виану, его ученым шеронам, его инженерам удалось создать вокруг Южного Полюса такое же поле, воспользовавшись мощью недавно построенной на Юге антигравитационной энергостанции. Мы убедились в этом, когда попытались взорвать ее. Вир-Виан легко перехватил наш ядерный снаряд и разрядил его в высших слоях атмосферы.

— Этот взрыв мы тоже видели, — сказал Сэнди-Ски. — А дальше?

— А дальше? — Нанди-Нан пожал плечами. — Победит тот, кто первый сумеет нейтрализовать или разрушить антигравитационное поле. Это — нелегкое дело, требующее больших изысканий. Но кое-чего мы добились: создан ядерный снаряд с нейтрализатором. С его помощью можно на короткое время пробить дыру в антигравитационном поле.

— В чем же дело? — нетерпеливо спросил Сэнди-Ски. — Надо скорее разрушить южную энергостанцию.

— Все это верно. Но мы не можем рисковать этим пока единственным снарядом: фарсаны могут обнаружить и уничтожить его антиракетами, прежде чем он долетит до цели. А Вир-Виан, конечно, догадается, в чем дело, и сконструирует у себя такой же снаряд с нейтрализатором. Нет, мы не можем рисковать. Тут нужен человек, обладающий очень хорошей и быстрой реакцией, так сказать интуицией наведения. Я знаю такого человека...

При этом Нанди-Нан посмотрел на меня.

— Хорошо, я согласен, — ответил я.

— Ну вот и договорились, — сказал Нанди-Нан, вставая. — Теперь идите отдыхать. А тебя, Тонри, я сначала познакомлю с конструктором аппаратуры наведения. С этим конструктором тебе предстоит завтра работать.

37-й день 109 года Эры Братства Полюсов

— Эо, затворник! — так приветствовал меня сегодня утром Сэнди-Ски. Он только что вышел из кабины утренней свежести, и его густые брови так знакомо и забавно шевелились от удовольствия. Для меня до сих пор загадка: действительно ли фарсаны испытывают после кабины чувство бодрости, какого-то физического восторга или это ловкая имитация?

— В каком смысле затворник? — спросил я.

— Последние дни ты совсем уединился

в своей каюте. Мы только и видим тебя утром, вечером и немного днем в рубке внешней связи. Неужели твоя научная работа по астрофизике так увлекла? Сомневаюсь, сильно сомневаюсь...

При этом фарсан Сэнди-Ски внимательно и, как мне показалось, с подозрением посмотрел на меня.

«Фарсаны все знают!» — мелькнула у меня мысль.

Я сунул руку в карман комбинезона и нащупал кнопку радиосигнализатора, готовый в любую секунду нажать ее.

— Почему сомневаешься? — спокойно спросил я. — Астрофизика способна так увлечь, что забываешь обо всем.

— Э, нет, не говори, — засмеялся Сэнди-Ски. — Я знаю, в чем дело. Ты пишешь стихи! Да-да, я в этом уверен. Ты целые дни сочиняешь стихи! Ты просто бредишь ими. Признаюсь, стихи Тари-Тау и меня заразили поэтической лихорадкой.

Я с облегчением вздохнул: нет, фарсаны ничего не знают, догадка им не под силу. Но следовало удивиться:

— Ты пишешь стихи?! И каковы успехи?

— Плохо. — В голосе Сэнди-Ски прозвучало такое неподдельное уныние, что я рассмеялся.

— Значит, ничего не получается? — спросил я. — Признаюсь, у меня тоже ничего путевого не выходит.

— Вчера написал одно стихотворение, — сказал Сэнди-Ски. — Потом прочитал его и вдруг почувствовал себя букашкой рядом с Тари-Тау...

Слово «затворник» заставило меня быть осторожней, и я почти весь день провел среди фарсанов. В основном сидел за экраном внешней связи, изредка заглядывая в рубку управления.

Подвергая тщательной квантовой локации видимую сторону планеты Голубой, я делал вид, что выбираю место для посадки. Сзади торчал фарсан Сэнди-Ски, положив, как всегда, сильные и большие руки на спинку сиденья. Как планетолог, он давал свои советы и, надо признаться, довольно толковые.

— Лучше всего, по-моему, произвести посадку вот здесь, — Сэнди-Ски показал на широкую пролысину в лесном массиве. — Хорошая твердая площадка. Да и разумные существа должны быть где-то рядом.

— Неплохо, — согласился я.

Через два-три дня я сяду за пульт управления и переведу корабль на круговую орбиту. После нескольких оборотов вокруг планеты я произведу снижение над местом, которое уже облюбовал. Здесь сброшу шкатулку. Пройдет день-два, пройдут, может быть, годы, но разумные существа найдут шкатулку и прочтут мой дневник... А корабль я взорву там, где взрыв не причинит вреда собратьям по разуму.

Да, так я и решил. Сделав максимальное снижение, я сброшу дневник над лесом. А потом... потом я поверну в сторону от планеты и взорву корабль далеко, в околопланетном пространстве...

Завтра у меня будет больше свободного времени, и я постараюсь закончить дневник.

38-й день 109 года
Эры Братства Полюсов

Рэди-Рей, конструктор аппаратуры наведения, с которым меня познакомил Нанди-Нан, оказался веселым, смешливым человеком. Несмотря на несколько плутоватое выражение лица, он мне понравился сразу, особенно его глаза — удивительно синие и живые.

— Рад подружиться с астронавтом номер один, — улыбаясь, сказал он и с исключительным радушием положил руку на мое плечо. — Итак, сегодня мы ознакомимся с аппаратурой наведения, — продолжал Рэди-Рэй. — Главным образом — с экраном и щитом управления...

Двухместный гелиоплан доставил нас на окраину небольшого города Рунора, расположенного в полупустыне. Рэди-Рей вышел из кабины и повел меня на вершину высокого холма, поросшего желтой травой и жестким кустарником. Справа зеленели парки и сады города Рунора, а прямо перед нами, на юге, расстился безбрежный желтый океан Великой Экваториальной пустыни.

— Вон там, среди песчаных барханов, — сказал Рэди-Рей, показывая в сторону пустыни, — затерялся небольшой малоизвестный оазис Рун. Там и оборудован пульт наведения.

Я уже хотел снова сесть в кабину гелиоплана, но Рэди-Рей, звонко рассмеявшись, остановил меня.

— На гелиоплане туда не проберемся. Здесь, на краю пустыни, антигравитационное поле круто загибается вниз и касается почти поверхности. Гелиоплан врежется в поле и будет выброшен из него со страшной силой в неизвестном направлении, — сказал он и шутливо добавил: — Так мы можем долететь до Южного Полюса и попадем в лапы фарсанов.

Но идти пешком по раскаленным пескам — невеселая перспектива. Я сказал об этом Рэди-Рей.

— Зачем пешком? У меня здесь замаскирован вездеход. Все должно быть предусмотрено на этой войне.

Мой слух снова неприятно резануло это непривычное слово — «война».

«Как странно, — думал я. — И это после ста лет Эры Братства Полюсов».

На небольшом приземистом вездеходе мы добрались до оазиса Рун. Здесь вился жиденький кустарник и стояло несколько десятков деревьев, дающих слабую тень. Но все же оазис защищал от песчаных шквалов. В центре, на открытом месте, был оборудован пульт наведения, а на краю оазиса возвышались ажурные металлические конструкции стартовой площадки. И больше ни одного строения и ни одного человека.

— Такой важный объект, — удивился я, — и никакой охраны.

— Охрана сейчас не нужна, — возразил Рэди-Рей. — Когда установят на стартовой площадке снаряд, тогда будет и охрана.

Рэди-Рей объяснил устройство аппаратуры, показал расположение приборов, кнопок и тумблеров на щите наведения. В при-

ципе все это мне было уже знакомо, так как щит наведения имел много схожего с пультом управления на планетолетах. Единственное новшество — сам экран наведения.

— Обрати на него особое внимание, — сказал Рэди-Рей. — Завтра тебе придется работать пальцами на щите почти вслепую, потому что ты должен будешь все время смотреть на экран. На нем ты увидишь топографическое изображение тех мест, над которыми реактивный снаряд будет пролетать...

На вездеходе мы приехали на окраину Руноры. Здесь нашли два гелиоплана: мы жили в разных городах. На прощание Рэди-Рей сказал:

— Встретимся в оазисе рано утром. Ночью туда доставят снаряд с нейтрализатором. До завтра!

До завтра... Я не мог тогда и подумать, что завтра Рэди-Рей не будет в живых, что ночью он станет жертвой единственного уцелевшего на Северном Полюсе воспроизводящего фарсана. Видимо, фарсан давно охотился за такой важной добычей, как изобретатель нейтрализатора и аппаратуры наведения.

Рано утром, когда не взошло еще солнце, я был уже в оазисе Рун. На стартовой площадке трое инженеров устанавливали привезенный ночью снаряд. На фоне светлеющего неба я видел его четкие контуры. Снаряд с острым носом, окутанным сеткой — антенной нейтрализатора, был установлен с небольшим наклоном в сторону Южного Полюса. Когда все было готово, инженеры подошли ко мне и пожелали удачи. Вскоре их вездеходы, оставив между барханами змеистые следы, скрылись за горизонтом. Около оазиса осталось около десятка боевых шагающих вездеходов, выделенных для охраны.

На металлических конструкциях стартовой площадки и на листьях деревьев в лучах восходящего солнца засверкала роса. В это время я увидел знакомый приземистый вездеход. Он подошел к краю оазиса и остановился на горбатой спине бархана. Из кабины высочил Рэди-Рей.

— Эо, астронавт! — весело окликнул он меня. На его плутоватой физиономии сияло радушие.

Обратившись к начальнику охраны, он приказал, чтобы боевые вездеходы удалились как можно дальше.

— Ваше место вон там, — сказал Рэди-Рей, показывая на высокую гряду барханов. — А здесь, во время пуска снаряда, вам будет весьма жарко.

До гряды барханов было не менее тысячи шагов. Но юркие вездеходы добежали до нее за минуту и вскоре, рассредоточившись, скрылись за грядой.

Мы с Рэди-Рей остались вдвоем.

— Подожди немного, — сказал он. — Сейчас еще раз проверю аппаратуру и приступим.

Рэди-Рей торопливо направился к пульту наведения. Зайдя в прозрачную кабину пульта, он начал почему-то возиться над висевшим сбоку экраном всепланетной связи.

«Странно, — подумал я. — Ведь экран исправен».

Внимательно наблюдая за работой Рэди-Рей, я подошел к большому дереву и остановился в его тени. На жестких листьях роса

уже испарилась. Становилось жарко. Слабый утренний ветер мел песчаную пыль.

Рэди-Рей приступил к наладке аппаратуры наведения. Он так увлекся, что, по-видимому, забыл о моем присутствии. На щите разноцветными огнями загорелись лампочки, засветился экран наведения. Пальцы Рэди-Рейя притронулись к кнопкам щита управления.

Взглянув в сторону стартовой площадки, я с удивлением заметил, что сигарообразный корпус ядерного снаряда начал медленно перемещаться. Вот он уже в зените, потом слегка наклонился в сторону Северного Полюса — как раз туда, где находился наш главный энергоцентр, поддерживающий антигравитационное поле.

— Стой! — закричал я. — Стой! Ты что делаешь?!

Рэди-Рей обернулся. На его лице появилась недобрая хитрая усмешка.

«Фарсан! — вздрогнул я от внезапно мелькнувшей догадки. — Ведь это фарсан!»

Рэди-Рей вышел из кабины, посмотрел по сторонам и с удовлетворением увидел, что кругом по-прежнему ни души, ни одного человека. Одни только бесконечные песчаные холмы. Они сверкали нестерпимо желтым блеском в жарких лучах солнца, застывшего в белесом небе. Жуткая картина! Даже сейчас, вспоминая ее, я слегка поежился, словно ледяной холодок пробежал по спине. Но тогда, в минуту опасности, я был спокоен. Ужасающе спокойным был и фарсан. Он был уверен, что я от него никуда не уйду.

Фарсан все с той же ехидной усмешкой направился ко мне, стараясь не подпустить к пульта наведения. Он уже поднял руки, намереваясь ими, словно железными клещами, раздавить меня. Превратить меня в фарсана он не мог: ведь сам он был простым, а не воспроизводящим.

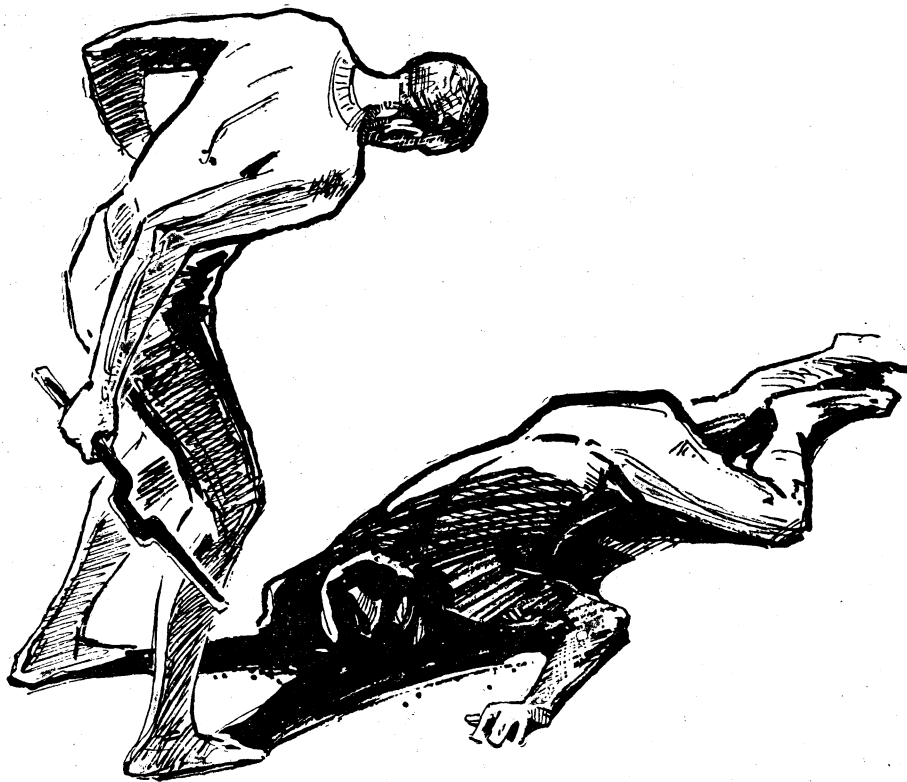
Я медленно отступал, фарсан приближался, держа наготове руки. Здесь-то и пригодилась моя ловкость и быстрота реакции. Когда фарсан был совсем близко, я внезапно нырнул вниз и прыгнул под его руками вперед. Руки фарсана сомкнулись в пустоте.

Подскочив к пульта наведения, я выхватил одну важную деталь. Это был длинный металлический стержень с тремя пазами и тремя шестернями на конце. Без этой детали пуск снаряда невозможен. Лампочки на щите наведения погасли.

С этой довольно увесистой деталью я побежал в пустыню, туда, где за грядой высоких барханов располагались боевые вездеходы.

Фарсан бросился за мной. Бегал он хорошо. Видимо, живой Рэди-Рей был неплохим спортсменом. Но и я одно время был чемпионом Северного Полюса по спринтерскому бегу на пересеченной местности. Фарсан заметно отставал. Но я не учел одного обстоятельства: я уставал, а он нет. Я изнемогал от жары, обливался потом. Фарсан не знал этой человеческой слабости и чувствовал себя прекрасно в этом пекле.

Чтобы перевести дыхание, я на минуту остановился и оглянулся. Фарсан приближал-



ся, легко перепрыгивая через трещины в каменисто-песчаном грунте. На его лбу блестяли капельки пота, он учащенно дышал. Но это не усталость. Это ее имитация. На плутоватой физиономии фарсана по-прежнему играла ехидная усмешка.

Мне стало страшно. Страшно за себя и за судьбу планеты. Что делать? Бросить тяжелый стержень, который сильно мешал, и бежать? Но фарсан подберет эту деталь, поставит ее на место, и прежде чем я добегу до людей, он... Нет, этого нельзя допустить.

Собрав последние силы, я снова побежал. До гряды барханов оставалось еще сотни три шагов. Фарсан неумолимо приближался. Я уже слышал за спиной его дыхание. И тут я сделал то, чего фарсан никак не ожидал. Я остановился и, внезапно обернувшись, молниеносно обрушил тяжелый стержень на голову подбежавшего фарсана. Голова его с хрустом развалилась. Из нее выпал сверкнувший на солнце продолговатый блок безопасности. На металлический стержень налипла студенистая масса атомно-молекулярных нейронов. Я с отвращением стянул со своей одежды этот мыслящий студень и сел на песок.

Немного отдохнул, потом встал и пошел обратно к пульта наведения, оставив позади неподвижно лежавшего фарсана. Я закрылся в прозрачной кабине пульта наведения, сел в кресло, включил холодильную установку и сразу ощутил приятную прохладу. Через минуту чувствовал себя отлично.

Первым делом надо доложить о случившемся Нанди-Нану. Я включил экран всепланетной связи, но он не светился. Попробовал еще раз включить, экран по-прежнему не работал: фарсан предусмотрительно привел его в негодность.

Дорог был каждый час. Ведь шероны тоже уже давно искали средство против нашего защитного антигравитационного поля. Стержень, так неожиданно послуживший мне оружием против фарсана, я вставил на место. На щите снова вспыхнули разноцветные лампочки, засветился экран наведения. Я переместил снаряд на прежнее место, сверил показатели приборов и нажал пусковую кнопку. Прозрачный купол кабины на какое-то время автоматически потемнел. Но и сквозь темно-фиолетовый стеклозон я увидел огненную струю плазмы, вырвавшуюся из дюз реактивного снаряда. Раздался грохот. Потом все стихло, и стеклозон кабины снова стал прозрачным.

Снаряд вырвался в верхние слои атмосферы и лег на горизонтальный курс. На экране наведения я увидел местность, над которой он летел. Это был однообразный ландшафт, бескрайний океан песков, усеянный бесчисленными бугристыми барханами, напминавшими сверху морскую рябь.

Великую Экваториальную пустыню снаряд пролетел за несколько минут. И вот на экране наведения я увидел извилистую границу зеленой шапки Южного Полюса. Вдали в лучах солнца сверкал Ализанский океан. Шероны и фарсаны на своих локаторах наверняка уже засекли снаряд и следили за его полетом, видимо, с большим недоумением. Они были уверены, что антигравитационное поле надежно защитит их. И действительно, по неосторожности я слишком близко подвел

снаряд к этому незримому полю. Снаряд, потеряв вес, отскочил от него, как мяч, и несколько раз повернулся. Но я быстро выправил курс.

Антигравитационное поле я пробил нейтрализатором над Ализанским океаном, где не могло быть антиракетных установок. Но стоило снаряду приблизиться к берегу, как фарсаны послали ему навстречу несколько ракет. Если бы снаряд не был управляемым, фарсаны быстро сбили бы его. Но, послушный моей воле, снаряд уклонился от встречи с первыми ракетами. Они взорвались далеко в стороне. Но дальше мне пришлось приложить все свое умение, все мастерство, чтобы лавировать и уклоняться от вражеских ракет. Их становилось все больше и больше. И я принял правильное решение — снизил скорость и перевел снаряд на бреющий полет. Этим почти исключалась возможность столкновения с вражескими ракетами. Но возникла другая опасность. Стоило снаряду задеть какое-нибудь высокое здание или гору, как он взорвался бы, не долетев до цели.

Мои пальцы бегали по кнопкам щита управления. На экране наведения с невероятной быстротой мелькали здания и рощи, над которыми вихрем мчался снаряд. Но вот впереди засверкали белоснежные вершины полярных гор. В кольце этих гор и находилась самая мощная энергосистема, окруженная антиракетными установками. Снаряд стремительно взлетел вверх и обогнул гряду гор. На экране развернулась панорама энергостанции. Туда, в центр многочисленных сооружений, я и обрушил сверху свой снаряд.

Экран мгновенно вспыхнул и погас. Южный Полюс лишился могучего потока энергии. Он был оголен: антигравитационного поля над ним больше не существовало...

39-й день 109 года Эры Братства Полюсов

— Итак, послезавтра посадка, — с ликованием говорил сегодня утром Лари-Ла. На его полном лице сияла довольная улыбка.

Посадка на чужую планету — самый волнующий и радостный момент в жизни астронавтов. И все фарсаны, каждый по-своему, выражали эту радость. С угрюмым любопытством смотрел я на этот спектакль, разограный исключительно ради меня. Но сегодня у фарсанов не все шло гладко. В отдельные моменты я чувствовал такую явную фальшь, что меня так и подмывало ошеломить их, крикнув: «Плохо, братцы! По-настоящему вы радоваться не умеете».

Но хорошо или плохо, а фарсаны «ликуют». Мне же сегодня было особенно тяжело. Но я не подавал вида, был внешне спокойным и даже веселым.

Вечером, когда все разошлись по каютам, я сел за клавишный столик, быть может, в последний раз. Мне осталось лишь дописать дневник, рассказать о том, как закончилась война с фарсанами там, на Зургане. Здесь, на космическом корабле война продолжается. Мне выпала нелегкая доля завершить эту затянувшуюся войну, окончательно покончить с фарсанами...

После того, как Южный Полюс лишился защитного антигравитационного поля, исход войны был в сущности предрешен. Сопротивление шеронов и фарсанов казалось бессмысленным. Но шероны все же предприняли отчаянную попытку. С воздуха Север был надежно прикрыт антигравитационным полем. Поэтому шероны послали через Великую Экваториальную пустыню тысячи бронированных вездеходов. Впереди, тяжело переваливаясь с бархана на бархан, но довольно быстро шли огромные бронированные чудовища, начиненные взрывчатой смесью. Они управлялись по радио фарсанами, засевшими в небольших и юрких шагающих броневездеходах, оснащенных лучевым оружием. Если бы это бронированное войско ворвалось на Северный Полюс, оно произвело бы там страшное опустошение.

Воздушный флот северян остановил фарсанов почти у самого экватора. В центре необозримой пустыни развернулось грандиозное сражение, каких не знала история Зурганы. Наши боевые ракетопланы атаковали с большой высоты. От них отделялись и летели вниз стремительные, как молния, ракеты, метко поражая фарсанов. Вездеходы, начиненные зарядами, взрывались с чудовищной силой, ослепляя наших пилотов и вздымая тучи песка. Фарсаны рассредоточились и упорно продвигались на Север. Наибольшие потери северяне несли от лучевого оружия фарсанов. Сотни ракетопланов, потеряв управление, падали вниз и глубоко зарывались в песок. Однако перевес был на стороне северян.

Апофеозом сражения явилась невиданной силы песчаная буря. Наши ракетопланы поднялись еще выше и кружились, выискивая цели, над большой территорией, охваченной ураганом. Внизу все бурлило и кипело. Миллионы тонн песка с воем и визгом неслись над пустыней. Чудовищные смерчи вздымали песок почти до ракетопланов. Песчаная буря разыгралась кстати, она помогла разгромить фарсанов.

Сулаки, узнав о поражении главных сил фарсанов, подняли восстание. Наш воздушный флот подпешил им на помощь. Северяне захватили главные центры Южного Полюса и взяли под стражу шеронское правительство во главе с диктатором Вир-Вианом.

На всей планете началось тщательное выявление фарсанов, особенно воспроизводящих.

Мне пришлось видеть закованных в кандалы пленных фарсанов. Между собой они были связаны цепями. Под охраной людей, вооруженных старинным огнестрельным оружием, фарсанов вели в особое здание. Там их подвергали дополнительной луческопии: люди боялись, что среди фарсанов мог случайно оказаться настоящий человек. Наиболее совершенных воспроизводящих фарсанов демонтировали на отдельные блоки, которые отправляли в лаборатории для исследования. Остальных уничтожали.

Фарсаны, наделенные системой самосохранения, боялись уничтожения не меньше, чем люди смерти. Их растерянные лица изображали неподдельный ужас и страх.

В толпе таких же зевак, как я, было немало свидетелей, которые смотрели на плен-

ных фарсанов с участием и состраданием, словно те были живыми людьми.

— Эо, Тонри! — услышал я приветствие. В колонне пленных я увидел высокую атлетическую фигуру Эфери-Рау.

— Эо, Тонри! — повторил фарсан. Я не ответил на приветствие.

— Тонри, — заговорил фарсан. — Ты пользуешься большим влиянием в Совете Астронавтики. Спаси меня. Клянусь, я буду тебе хорошим и преданным слугой.

Я отвернулся, ничего не ответив. Звон цепей и крик ярости заставил меня снова посмотреть в сторону Эфери-Рау. Делая огромные усилия, фарсан пытался освободиться от кандалов. Жилы на его руках вздулись, лицо покраснело. Наконец, фарсану удалось сделать почти невероятное — он разорвал кандалы и опутывающие его цепи. Эфери-Рау бросился на охрану. Одного человека он схватил за руку и сломал ее с такой легкостью, как будто это была соломинка. Раздался выстрел. Завопив от боли, фарсан схватился за голову и закружился на одном месте. Еще несколько выстрелов, и фарсан Эфери-Рау упал.

В лаборатории Вир-Виана на блоке безопасности каждого воспроизводящего фарсана ставился порядковый номер. Всего было 1833 таких фарсана. А выловили и ликвидировали 1832. Поиски продолжались. Население планеты вновь подвергли просвечиванию. Но воспроизводящий фарсан под номером 410 так и не нашелся. Решили, что этого фарсана во время сражения разнесло взрывом на мелкие части, которые затерялись в песках. Еще некоторое время в пустыне на месте сражения искали блок безопасности с номером 410. Но затем поиски прекратились.

Совет обороны объявил, что война с фарсанами закончилась, и сложил свои полномочия. Население планеты вернулось к нормальной жизни.

Лишь один архан Грон-Гро считал эту самоуспокоенность ошибкой. «Быть может, — утверждал он, — война с фарсанами только начинается». Он призывал к бдительности. «Поиски 410-го номера, — говорил он, — должны продолжаться. Стоит уцелеть хоть одному воспроизводящему фарсану, как он через некоторое, быть может, довольно длительное время станет вновь размножаться, как микроб. Иначе он не может. В этом — смысл его существования, его генеральная программа».

Теперь без ошибки можно предположить: 410-й номер скрывался ловко, каким-то образом он узнал, что в город Сумора на короткое время прибыл один из членов экипажа космического корабля. Перед такой важной добычей фарсан не устоял. Так появился двойник Рогуса...

40-й день 109 года Эры Братства Полюсов

Последний день... Завтра сброшу на планету дневник и взорву звездолет... Сейчас корабль на круговой орбите и совершает уже четвертый оборот вокруг планеты. На экране видны мельчайшие детали Голубой, видны ее разумные обитатели, как будто они рядом и я

могу с ними говорить... А наш корабль, возможно, кому-либо из них сейчас кажется обычной падающей «звездочкой».

Собратья по разуму! Мне грустно, невыразимо грустно, что не придется встретиться с вами. О многом хотелось бы вам сказать. И в первую очередь о человеке... Странно, раньше мне как-то не приходили в голову мысли о человеке. Но сейчас, окруженный фарсанами, этими совершеннейшими и в то же время отвратительными копиями людей, я с восторгом думаю о человеке, о его величии, о его бесконечной ценности...

Человеческий организм чрезвычайно сложно устроен. Но я согласен с кибернетиками: сложность эта не безгранична и потому организм человека в принципе поддается моделированию, а его мышление — имитации. Но только имитации. Нельзя забывать социальную природу мышления. Сознание, мышление — не только свойство высокоорганизованной материи, но и продукт общественной истории, которой нет и не может быть у фарсанов или других кибернетических машин. Кроме того, необходимо, на мой взгляд, учитывать диалектику развития кибернетики. Ведь человек, создавая все более сложные кибернетические устройства, сам будет при этом усложняться, его духовный мир совершенствоваться и углубляться. Человек-творец, моделирующий свое подобие, всегда выше своей логически-эмоциональной копии. Уступая машине в простых логических операциях, в главных — в творческих — областях он будет всегда неизмеримо выше ее...

Когда в душе моей проносится буря вдохновения и мой трепещущий мозг становится каким-то светоносным источником идей и образов, могу ли я в это время сравнить себя с фарсаном? О нет!.. Человек — это зеркало Вселенной, его сознание — это целый океан звездного света. А любое, даже самое совершенное кибернетическое подобие человека — это тьма, это черная бездна, в которой происходят сложные электронно-энергетические процессы, лишь имитирующие мышление своего творца...

Даже фарсаны Тари-Тау и Лари-Ла не заставят меня изменить свои взгляды. Фарсан Тари-Тау изумителен. Вир-Виан мог бы гордиться этой несомненной удачей. Но говорить об абсолютной адекватности живого Тари-Тау и фарсана, конечно, смешно. Фарсан безусловно копирует поведение и внешность Тари-Тау, в своей бездонной памяти он носит все его знания, весь жизненный опыт. Фарсан прекрасно помнит не только стихи Тари-Тау, но и его самые затаенные, самые смутные поэтические замыслы. Но вот осуществить их он уже не способен...

Зато с каким совершенством этот фарсан читает стихи! Вот и сегодня он ошеломил меня поэмой — по-видимому последним и самым лучшим произведением Тари-Тау.

Тоска по родине... Кому из астронавтов она не знакома? С самых первых дней полета в душе у царственного мечтателя и поэта Тари-Тау тоска по родине росла, любовь к ней становилась почти безграничной. И эта грусть и эта любовь в последние дни жизни Тари-Тау

вылились неудержимым, звенящим потоком поэтических строк. В поэме звучала не только тоска по родной планете, но и ликующая радость грядущей встречи, когда наш корабль, обожженный лучами неведомых солнц, овеянный холодными космическими ветрами, вернется на Зургану. Это была великолепная поэма — сверкающая и чеканная, как драгоценный камень, звеневшая, как бронза, таившая отблеск непостижимой красоты жизни. Не было у нее лишь конца.

— Не успел... — притворно оправдывался нынешний Тари-Тау.

Бюро восторга изобразили фарсаны. А Сэнди-Ски! Этот в общем-то не очень совершенный фарсан был великолепен...

Я вернулся в каюту, сел за клавишный столик, а в ушах еще долго звучала музыка поэмы.

Странное действие оказывает поэма: грусть, навеянная ею, быстро прошла, а в душе осталась только радость, буйная, алая радость. Видимо, поэтому у меня сегодня, в последний вечер моей жизни, такое приподнятое, почти праздничное настроение и такие торжественные мысли о человеке. Я был рад за Тари-Тау, создавшего отличную поэму. Я рад и горд вообще за человека — творца величайших духовных ценностей, преобразователя природы, покорителя космических стихий.

Человек — поистине космоцентрическая фигура, величайшая святыня Вселенной. Ничто не сравнится с его красотой и величием, с его непокорной, сверкающей мыслью, с его душой, необъятной и певучей, как океан, полной неукротимого стремления к безграничной власти над природой и к жизни бесконечной...

* * *

— Все, — сказал Хрусталеv, перевертывая последнюю страницу рукописи. — На этом кончается дневник.

Чтение затянулось до трех часов ночи. Но друзья Хрусталева не думали о сне. Они были взволнованы только что услышанной исповедью астронавта, прилетевшего из неведомых звездных глубин и погибшего здесь, в околоземном пространстве.

— А теперь посмотрите, — продолжал Хрусталеv, — как выглядят последние слова астронавта, так сказать последние страницы дневника.

Хрусталеv открыл шкатулку и повернул кристалл. Затем он погасил настольную лампу. Через несколько секунд в сумраке комнаты кристалл вспыхнул, заискрился, засверкал всеми цветами радуги. И снова Кашина и Дроздова властно захватили ощущение какой-то романтической музыки.

В мелодии пылающих красок не было ничего тревожного и скорбного, как в начале дневника. Напротив, в торжественном ритме огненных знаков как будто слышался голос астронавта. Он, неведомый астронавт, говорил землянам о величии и безграничной ценности человека, о торжестве разума над космическими стихиями — и над ледяным безмолвием тьмы, и над огненным безумием звезд и галактик.

Конец



В. Расторгуев.

КИНОФИЛЬМ „В МИРЕ МГНОВЕНИЯ“. МОРЕПЛАВАТЕЛЬ.

С В Ы С Т А В И КИНОХУДОЖНИКОВ

Киноискусству служат люди самых разных профессий, богат и современный арсенал выразительных средств экрана. Но тем не менее художественное качество фильмов зависит прежде всего от мастерства ведущих работников студии и актеров. И главная роль здесь, наряду с режиссером и оператором, принадлежит художнику.

Без него съемочная группа не смогла бы приступить к своей работе, ибо художник еще задолго до съемок создает эскизы будущего фильма. Эти рисунки становятся первоисточником для гримёров, работников цеха декоративно-технических сооружений, костюмеров. По эскизам подбирается и реквизит будущего фильма.

Чтобы лучше представить себе работу художника кино, приведем такой пример. В сценарии, который принят для постановки, написано: „кабинет директора завода“ и больше ничего. Можно подумать, что в любом фильме, где есть сцены, проходящие в кабинете директора завода, обстановка будет выглядеть на одно лицо. Но художник никогда не допустит подобного однообразия. Он прекрасно знает, что характер человека отражается на окружающих его предметах, и решит кабинет директора в данном фильме так, что это будет не какой-то от-

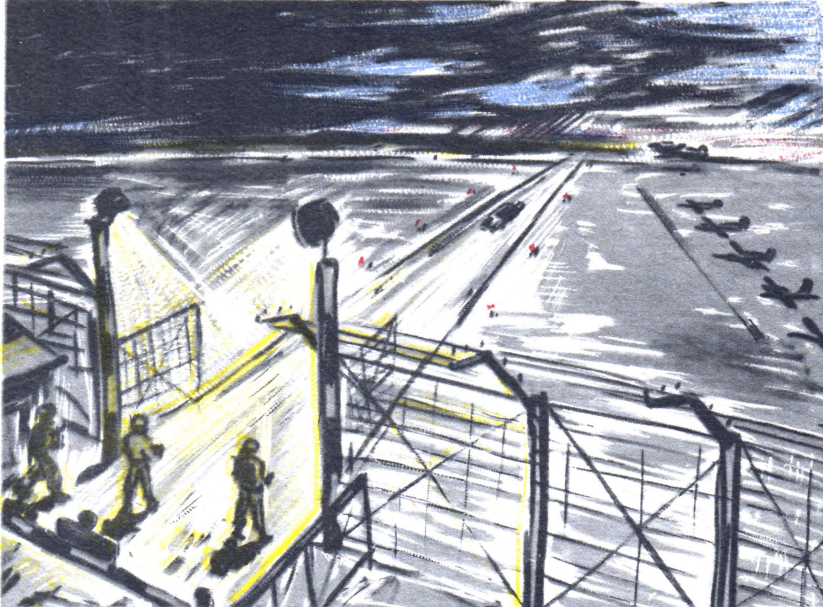
влеченный кабинет, а рабочая комната именно того героя, характер которого создан сценаристом.

Труд художника кино—это своего рода поиски слепопыта. Как только художник ознакомился со сценарием, он должен перенестись в то время, где живут и действуют герои будущего фильма. Каждый элемент фильма, даже самая малозначащая деталь должны будут нести полезную смысловую нагрузку: указывать на эпоху, давать адрес географической местности, дополнять характеристику героев, создавать соответствующее настроение. И все это надо продумать и найти.

Потому художник кино должен быть и очень образованным человеком и очень хорошо знать жизнь. Ведь часто его слово во время работы над фильмом, например выбор места для натуральных съемок, становится решающим.

Недавно в Свердловске с большим успехом прошла выставка работ художников Свердловской киностудии Ю. Истратова, Д. Кудрина, В. Расторгуева.

С выставкой познакомились тысячи посетителей, о ней писали в центральной и местной прессе. Редакция „Уральского слепопыта“ решила познакомить своих читателей с некоторыми работами.



Ю. Истратов.

КИНОФИЛЬМ «ИГРА БЕЗ ПРАВИЛ». АЭРОДРОМ.

Ю. Истратов.

КИНОФИЛЬМ «ИГРА БЕЗ ПРАВИЛ». ВИЛЛА МАЛИНИНА.





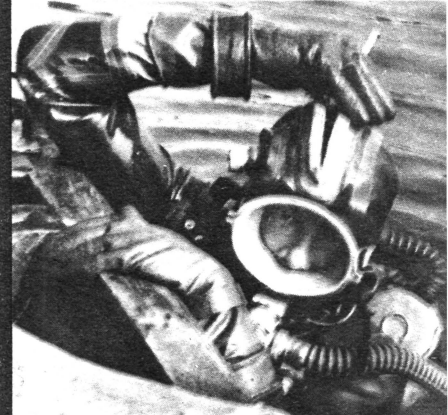
В. Расторгуев. кинофильм „в мире мгновения“. спящий дьяк.



Д. Кудрин. кинофильм „поэма об урале“. концертный зал.



„ЗЕЛЕНАЯ КОБЫЛКА“



„СЛЕД В ОКЕАНЕ“



„ОДНА СТРОКА“



„ИГРА БЕЗ ПРАВИЛ“

ИЗ АЛЬБОМА
ХУДОЖНИКА
НИКОЛАЯ
ВАСИЛЬЕВА



С а ш о к

В. ЛЯХНИЦКИЙ

Холодный огонь

За остроносое лицо и торчащие в разные стороны жесткие белые волосы Сашу прозвали «Капроновый еж». Он и повадками немного походил на ежа: такой непоседливый, беспокойный.

Сашок вырос на широком просторе реки Оби, а недавно приехал в село, где работает наша геологическая партия.

Сегодня Сашок встретил меня у магазина.

— Здравствуйте. Приехали за продуктами? А я собираюсь к вам в гости. Возьмете с собой?

— Тащи свой рюкзак. Только лошадь будет под выюком и придется идти пешком.

— Не впервой.

Сашка часто приезжает к нам в партию и гостит по несколько дней. Мы любим, когда он приезжает. В эти дни у нас непременно уха: пока мы работаем, Сашок наловит хариусов. А вечером, у костра особенно тепло и уютно. Мы все соскучились по семьям, а когда у костра мальчишка — это уже вроде семья. Вроде как дома.

Сегодня нам с Сашкой не везет всю дорогу. Началось с того, что оборвали нагрудник у седла, и оно все время сползало на круп лошади. Приходилось останавливаться и перевьючивать груз. Потом лошадь оступилась с тропы и завалилась в болото.

— Брусок, ну дернись еще. Ну... — уговаривал Сашок лошадь и тянул ее из грязи за повод, а я за хвост.

Но Брусок был с норовом. И если уж он увяз передними или задними ногами в грязи, то обязательно завалится на бок, и ты его хоть бей, хоть тяни, — без посторонней помощи ни за что не поднимется.

Промаявшись часа три, мы отташили продукты и седло на сухое место и пошли за помощью в лагерь. Брусок словно понял, что мы оставим его. Забился. Заржал.

— Мы придем, Брусок, придем, — уговаривал Сашок. И даже вернулся немедленно. Положил перед мордой Бруска охапку травы, раскрыл булку хлеба.

Все это заняло много времени. Когда мы поднялись на гольц, была уже ночь. Темная. Без единой звезды.

— Дотянешь, Сашок, до лагеря?

— Дотяну-у... — Он старался отвечать бод-

ро, но я по себе чувствовал, что Сашок очень устал и еле передвигает ноги.

— Крепись, Сашок. Наверно, нас уже ищут и скоро встретят.

— Конечно, ищут.

До лагеря оставалось километра три, но какие они для уставшего человека длинные!

Вершина гольца — обширное плоскогорье, покрытое камнями, мхами и чахлой полярной березкой. Деревья чуть выше колен. На гольце кое-где стоят скалы. Одни высокие, похожие на минареты, другие пониже, лежат группами и напоминают развалины крепостей. Есть даже настоящие каменные ворота. Это я помню по прежним маршрутам. Сейчас темнота, и не видно даже собственных рук.

— А что там светится впереди? — остановил меня Сашок. — Северное сияние? Да?

Странная светлая полоса висела над горизонтом. Будто кто-то намазал светящейся краской нижнюю кромку неба.

— Нет, Сашок. Полярное сияние всегда видно в северной части неба, а это на западе. И отсветы полярных сияний обычно красноватые, а это пепельно-серые. Ты замерз?

— Немного.

— Идем, брат, скорей.

Но что же за странная полоса висит на небе? И не висит, а движется. Приближается к нам. Становится все шире, все яснее, все ярче. Хочется остановиться, понаблюдать за странным явлением, но времени нет. Мы очень устали, промокли в болоте, и теперь нам холодно.

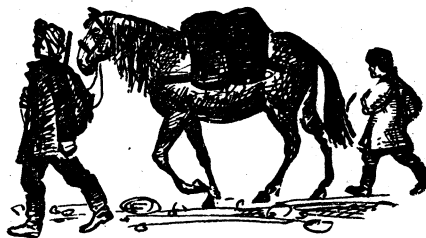
— Эге! Нас и верно ищут. Молодцы. Смотри, Сашок, вправо. Видишь, над скалами свет.

— Вижу. Наши?

— Кому тут еще. Они едут за скалами, и мы видим только отблеск от фонарей. Бежим. А то проедут мимо, а потом ищи.

— Да тут кругом камни....

— Давай мне руку.



Мы не бежим, но стараемся идти как можно скорее. Путаемся в кустах карликовых берез, спотыкаемся, иногда падаем, но идем. А впереди, над скалой, видится тусклый свет. И тоже какой-то странный: не белый, а синеватый, пепельный.

Вот и скала. Я знаю ее. Она небольшая. Не перевода дыхания, оббегаем ее. Ни людей не видно, ни фонаря. Только с шумом вылетают из-под ног разбуженные куропатки.

— Где-ге... ге-е, ге-е,— кричу в темноту. Они не могли далеко уйти.

Снимаю с плеча ружье и поднимаю стволы вверх. Сашок хватает меня за руку.

— Не стреляйте. У вас стволы загорелись.

Я смотрю вверх, на концы стволов, и вижу туманное светящееся облачко диаметром сантиметров тридцать. Веду стволы вправо, и облако, не дрожа, не мерцая, перемещается вправо. Опускаю ружье — светящееся облако тухнет. Но прямо против меня в темноте вспыхивают пять светящихся метелок. Они висят прямо в воздухе перед моими глазами и медленно перемещаются то вправо, то влево. Я тянусь к ним рукой и натыкаюсь на растопыренные пальцы Сашки. Это над ними висят светящиеся метелки.

— Что это? — в голосе Сашки испуг.

— Это значит, Сашок, что не было никакого фонаря и никто нас пока не ищет.

— Но куда делся свет за скалой?

— Он, наверно, на прежнем месте. Отойдем.

Мы отходим чуть в сторону и теперь ясно видим, как над нашей головой, на вершине скалы, висят в воздухе тусклые синеватые языки. Даже не языки, а конусы, опрокинутые вершиной вниз. Они неподвижны. Только края их немного распылчатые и мерцают словно в тумане.

И все же я стреляю. Красный язык выстрела пронизывает светящийся конус. Мы вслушиваемся, ожидая ответа. Стреляем еще и еще. Но только далекий гром, словно эхо, вторит выстрелам. Всматриваемся в темноту, ожидая увидеть желанную вспышку электрического фонаря, но только далекие молнии и зарницы ослепляют глаза. И когда они угасают, в воздухе появляются светящиеся конусы. Они висят над скалами. А Сашок говорит, что такой же светящийся султан временами висит над моей головой.



Это огни Эльма. В нашей партии работает молодой инженер-геофизик. Атмосферное электричество — один из разделов его диссертации. Он часами рассказывал нам у костра про огни Эльма. Перед грозой, когда разность потенциалов достигает многих тысяч вольт на сантиметр, с концов острых предметов стекают метелками заряды и светятся в темноте. Он часто рассказывал о них и всегда с сожалением добавлял: «Понимаете, я пишу о них, но с чужих слов. Если бы самому увидеть...»

Мы идем между скал, а над нашими головами горят десятки огней Эльма. Это очень красиво — холодные, синеватые огни, неподвижно висящие в темноте. Сейчас весь голец полон огней. А вдали, над горизонтом, все разрастается непонятная пепельно-серая светящаяся полоса. Она захватила уже половину неба и висит над нашими головами.

Рванул порывистый ветер. Он срывает со скал лишай, песок, обрывает листья с берез, ив и бросает их нам в лицо.

— Держись, Сашок.

Внезапно перед глазами мелькнула белая бабочка. Вторая, третья. Они стремительно летят нам навстречу.

Какие бабочки? Откуда они на гольце ночью?

Одна из бабочек шлепнулась мне на щеку. Защекотала. Смахиваю ее и чувствую на щеке мокрое пятно.

Это летят снежинки и светятся. Почему? Неужели на каждой — огонек Эльма? Такого я не встречал в книгах. Но раздумывать некогда. Снег мчится навстречу сверкающим хороводом. Это очень красиво. В полной темноте сверкающие белые точки — маленькие фонарики. Пролетая мимо нас, они чертят в воздухе тонкие белые линии, и кажется, будто темнота пронизана огненной пряжей.

Еще немного, и темнота исчезла. Вокруг сверкающая метель. При ее свете видна земля, видны скалы. Видно, как они покрываются снегом.

Это интересно. Сверкающий снег! Я первый раз вижу сверкающий снег. Хочется рассмотреть его. Но очень холодно и рядом со мной юный товарищ. Надо скорее идти. Идти навстречу сверкающей, ревушей метели.

Неожиданно снег потух. Мы не видим его. Только чувствуем удары колючих снежинок по лицу и стараемся защищать глаза. Очень больно, когда снежинки ударяют в глаза. А может быть, это бьют по глазам не снежинки, а песок, поднятый бурей?

Над нами грохочет гром.

Я где-то читал о грозе в снежную бурю. Там описывались зигзаги молний, бороздившие черное небо. Мы не видели молний. Просто, на мгновение становилось ослепительно ярко и сразу гремел оглушительный гром. Такой сильный, что прижимало к земле. Отгремел, и новая вспышка слепила глаза.

Невозможно было определить, в какой стороне молния. Ее блеск отражался от пелены снежинок, и все вокруг вспыхивало ослепительным светом. Казалось, что молния везде: и справа и слева, и спереди и за спиной, а мы с Сашкой идем посередине молний и прикрываем глаза от света и колючих снежинок.

Я крепко сжимаю Сашкину руку. Очень хорошо, когда в такую метель не один. Я сейчас благодарен Сашке, что он попросился ехать со

мной: И даже почти не боюсь за него. Я думаю, у него хватит сил побороть пургу, а на ходу человек не замерзнет.

Гроза стихла так же неожиданно, как и началась. Тучи умчались куда-то на восток. И тогда впереди взвились в небо красные ракеты.

— Это наши. Это ищут нас! — крикнул я Сашке.

— Угу. Вижу. — Он обмяк, тихо опустился на снег.

Когда подъехали мои товарищи, Сашок уже спал. Он знал: опасность уже миновала.



Уледяных колодцев

Увядшим цветком подсолнуха клонится к сопкам тусклое зимнее солнце.

На самом краю крутого обрыва стоит сухая талина. Облетела с нее кора, и торчит талина, голая, искривленная, посеревшая. Но на самом ее верху шапкой раскинулись тонкие сучья. Густо осыпанные инеем, они искрятся на солнце, горят, как алмазные. И странно выглядят на фоне едва припорошенной снегом желтой травы. Мало снегов в Забайкалье.

Под обрывом река. Густой морозный туман закрыл ее. Далеко впереди, уже на том берегу, торчат из тумана верхушки белых, закуржавевших лиственниц. И кажется Сашке, что не туман стелется под его ногами, а родная многоводная Обь залила в половодье долину, и верхушки деревьев высятся над водой.

Из тумана доносятся гулкие звуки, похожие на удары грома или выстрелы невидимых пушек. Слыша их, парень каждый раз вздрагивает.

Ко многому привык Сашок с тех пор, как его отец переехал работать в Бурятию на отдаленный прииск. Узнал парень, как моют золото, как добываются из земли незранные, корявые крупинки — то желтые, то буро-коричневые от покрывающей их «рубашки» (пленки бурых железняков), то сверкающие, яркие и чуть-чуть сзелена. Знает, сколько земли надо перевернуть, чтобы добыть одну-единственную золотую крупинку. Привык к своеобразному быту.

А вот к удивительной забайкальской зиме никак не может привыкнуть Сашок. На Оби зима — это прежде всего снег. Глубокий, рыхлый, пухлый. Он завалит улицы, наметет сугробы на крыши, укутает в теплые шубы тайгу. А здесь все как-то не так. Январь. Трещат от мороза стены домов. Трещат деревья в тайге, а снегу

нет. Желтеет едва припорошенная снегом прошлогодняя трава. Чернеет и пылит под ногами дорога.

Не может привыкнуть Сашка и к этим раскатам «грома», доносящимся от реки. Хорошо знает: ничего нет страшного в этих гулках, взрывающих воздух звуках. Это просто мороз полощет льды трещинами, а все же чувствует себя неудобно, когда из тумана доносятся громовые раскаты. И туман вздрагивает, как живой.

И все же Сашку тянет сейчас на реку. Отряхнув с оленьей дошки искристый иней, парень бежит под гору. Скрылись в тумане ноги, плечи. Только одна голова торчит над туманом. Но вот и голова скрылась. Исчезло солнце. Серый сумрак окружил Сашку. Холодный, колючий. В лицо дунул леденящий ветерок — хиус. Все серо кругом. Только тропинка черная, как была осенью. Неглубокий снег растащили на подошвах разведчики золота, а тот, что остался, притоптали сверху черной, рыхлой, перемерзшей землей. А впереди на сером льду виднеются серые колодцы — шурфы.

Сашок подбежал к первому, ко второму — пусто. Только на дне четвертого увидел человека в черной ватной тужурке, в рыжей ондатровой шапке. Присел на корточки. Поздоровался:

— Здравствуйте, дядя Корней.

— А, Сашок? Здорово. Опять мерзнуть пришел? Чего тебе в тепле не сидится?

Молчит Сашок, будто не слышит. Ну как рассказать дяде Корнею, почему он каждый вечер, если свободен, бежит на реку к шурфам.

Еще в конце декабря разведчики разметили по всей реке разведочные линии. Здесь, у острова, углубили шурфы в лед сантиметров на двадцать и ушли углублять такие же колодцы во льду вниз по реке.

— Пусть хорошенько промерзнут, — объяснял дядя Корней, живший в небольшом домике напротив избы, где поселился Сашкин отец с семьей.

Через пять дней разведчики вернулись к первым шурфам. Снова их углубили сантиметров на десять и снова ушли. Так повторяли они несколько раз.

Сначала Сашок ходил на реку вместе с товарищами просто от нечего делать. Ветер сдувал с реки снег. Ребята катались на коньках, гоняли по льду шайбу самодельными клюшками. Сашок удивлялся: почему разведчики не скалывают лед сразу, как это делают обычно на прорубях? И как-то спросил об этом дядю Корнея.

— А ты сам хорошенько подумай, почему мы так делаем, — и подвел Сашку к проруби. — Замерь палкой, какая толщина льда на реке.

— Сантиметров сорок.

— А наши шурфы какой глубины?

— Эге-ге, — изумился Сашок. — Они у вас по метру и больше.

— Вот и соображай, какой с проруби толк. В них вода плещется. А нам непременно надо сухой ногой до дна добраться и пробу на золото взять. Понял?

Говоря откровенно, Сашок не совсем понял, как думает дядя Корней добраться до дна реки «сухой ногой», но признаваться в своем незнании показалось ему неудобным и парень мотал головой: «Эге, мол, понимаю».

Но потом уразумел. За несколько дней шурф хорошо промерзал. Тогда дядя Корней скалывал с его дна часть льда, выбрасывал



наружу. Сквозь оставшуюся тонкую корочку льда мороз пробирается легче. Вода замерзает быстрее, чем под толстым слоем. Дядя Корней снова приходил, снова скалывал лед и снова оставлял шурф «морозить». Ледяной колодец становился все глубже. Сашок ходил, удивлялся «хитрости». Приглядывался к работе. И неожиданно подметил, что шурфы, на которых работал дядя Корней, углубляются почти в два раза быстрее, — у других они были едва по пояс, у Корнея в его шурфах и шапка скрывалась. У других, бывало, вода прорывалась в шурфы, затопляла их, а у Корнея они как были сухие, так и стоят.

И тогда Сашок заметил такое, что заставило его ходить на реку каждый раз, когда работал дядя Корней.

Вот и сегодня прибежал Сашок. Устроился на корточках у самого края шурфа. Притих и, как завороженный, не спускал глаз с Корнея. В руках у забойщика небольшая легкая кайла. Конец у нее заправлен острой полукруглой лопаткой. Дядя Корней тоже сидит на корточках и стучит кайлой по льду на дне. Но удивительно стучит. Ни разу не стукнет одинаково два раза подряд.

Вот легкими ударами, словно дятел, выбил небольшой приямок глубиной всего сантиметра два и снова ударил как-то немного плашмя. Со звоном откололась тонкая плитка льда и закружилась на дне шурфа. А дядя Корней откинулся к стенке, склонил голову набок, словно хотел издали оценить свою работу, и, подумав, быстро ударил с другого бока. Снова отскочила от дна ледяная плиточка, с легким шипением улеглась у Корнеевых ног.

Сашке казалось, что каелка в руках дяди Корнея живая. Она словно сама чувствует, где, какой толщины лед и как идут в нем тонкие трещины, и как он должен колотиться. С каждым ударом шурф становится все глубже и глубже, а слой льда на дне все тоньше и тоньше. Теперь сквозь него местами хорошо видно донную гальку и затонувшую, занесенную илом корягу. И кажется, будто дядя Корней сидит сейчас прямо в воде на коряге, а стальная лопаточка все кайлит, кайлит, сгоняя тонкую ледяную стружку. И льдинки звенят. И кайла звенит. Они словно разговаривают друг с другом, советуются, как лучше сделать новый удар.

Никогда не думал Сашок, что простой каелкой можно так ловко работать. Мороз пробирался под дошку Сашки, и кожа на руках покрывалась пупырышками, но он сидел, не в силах

оторвать глаз от Корнея, от его умелых, таких красивых в работе рук.

— Дядя Корней! Вода! Вода! — неожиданно для себя закричал Сашок, увидя, как из-под отколовшейся льдинки в шурф ворвалась тонкая прозрачная струйка.

— Вижу, — очень спокойно сказал дядя Корней. И так же, казалось, неторопливо взял приготовленную, соструганную в виде шила палочку. Примерил глазом. Обмазал ее толстым слоем размокшего хозяйственного мыла, которое держал теплым за пазухой. А вода все была струйкой, и казалось Сашку, что ее уже много, и его беспокоила медлительность дяди Корнея.

Протянув ему руку, крикнул Сашок:

— Выскакивай, дядя Корней! Потонешь!

— Неужто? — и, почти не глядя, воткнул в отверстие заготовленную, обмазанную мылом палку. И струя как захлебнулась. Исчезла. Тогда дядя Корней достал из-за пазухи тряпку и разом собрал ею всю набжавшую воду. Улыбнулся Сашке.

— Ах ты, баламут. Тут и воды набежало не больше стакана. Ей-ей, баламут. Поддай-ка ведро, сложу в него лед.

Набитого льду в шурфе оказалось ведер десять. Когда дядя Корней кончил выгружать его, была уже ночь. Ранняя зимняя ночь. Он собрал инструмент и похлопал Сашку по спине.

— Ну, сосед, пошли до дому.

— Я, дядя Корней, еще на льду покатаюсь.

— Ну, вольному воля. Катайся. Только осторожно. В шурф не упади.

— Ни. Я хорошо знаю, — и, разбежавшись по снегу, что лежал сугробом возле отвала шурфа, выбежал на чистый лед. Заскользил, махая руками, как ветряная мельница.

Дождавшись, когда Корней скрылся в тумане, Сашка вернулся к шурфу, спустил в него легкую стремянку.

Не только умная кайла в ловких руках дяди Корнея влекла Сашку к шурфам. Спустившись на дно ледяного колодца, парень осторожно сел, придвинулся лицом к стенке и зажег электрический фонарь. Яркий луч света заскользил по стенке и дну. Сашок выбрал, где лед потоньше, без трещин, прозрачный, и прильнул к нему козырьком мохнатой барашковой шапки.

Чудесный подводный мир открылся его глазам. Под ногами чернела все та же коряга, но она казалась обломком затонувшего корабля. Вокруг нее нагромождены зеленые, серые, белые валуны. Они кажутся Сашке подводными скалами. Впереди, почти недвижно, стоят зеленые елочки водорослей — подводный лес. Настоящий подводный лес. А из-за елочек медленно выплывает привлеченная светом рыба. Она открывает рот. Кошлет красными плавниками, а глаза ее чуть приметно светят холодным таинственным светом. Рыба кажется очень большой. Морское чудовище!

Луч фонаря скользнул вверх, и Сашок увидел впереди, выше своей головы, почти черную нижнюю кромку льда. Он подо льдом. Он капитан Немо, бросающий свой «Наутилус» под ладами к Южному полюсу. Рокочит винты...

Где-то на реке лопается лед, и гулкие раскаты отдаются в ушах. Но Сашок больше не вздрагивает. Капитан Немо не вздрогнет от опасности.

— Полный вперед! Лево руля! — в восторге кричит Сашок. — Свети прожектором вниз.

Луч света, медленно подрагивая, скользит по дну, и Сашок вновь видит рыбу. Очень большую.

Где-то в глубине души Сашке немного стыдно, и он боится, что кто-нибудь случайно услышит его. Все-таки ученик седьмого класса. Четырнадцать лет скоро. Но подводный мир захватил его целиком.

— Право руля... Так держать! — кричит Сашок и сам удивляется, слыша, как голос его становится басовитым, как в нем начинают звучать железные командирские нотки.

Сколько прошло времени? Час. Может быть, два. Сашок замерз, но по-прежнему восторженно поблескивают его зеленоватые глаза цвета морской воды, как думает сам Сашок. Вот только непослушные русые волосы лезут в глаза и мороз очень уж сильно пощипывает щеки. Плотно сжав пухлые посиневшие губы, Сашок командует:

— Приготовиться к подъему. Продуть уравнильные цистерны! — И примолк. За воротник упала капля воды. За ней вторая. Сашок сконфужен, будто его поймали за чем-то постыдным, но храбрится. Поднимает вверх луч фонаря. — Эй, кто там балуется!..

Тишина. Только новый удар треснувшего льда сотрясает ледяные стены колодца.

— Кто там? Не балуй, говорю...

И видит, как бежит по стенке тонкая струйка воды. Откуда эта вода среди студеного января? Наверно, кто-то увидел его, кто-то подслушал, смеется и льет потихоньку воду. А завтра будет смеяться вся школа. Он представил себе, как заходит в класс — и разом все затихают. Гринька вскакивает на парту, выбрасывает вперед руку — как это делают дирижеры в кинокартинах, — склоняет набок голову и кричит: «Внимание, товарищи! Нас осчастливил своим посещением бесстрашный путешественник! Гип-гип ура!..»

«Ур-ра-а! Качать путешественника!..»

Несмотря на мороз, Сашке становится жарко. Он быстро вылезает вверх. Светит вокруг фонарем. Никого. Луч упирается в тусклую молочную завесу, обступившую со всех сторон ледяной колодец. А под ногами не лед — какая-то черная масса. Словно нефть. От нее поднимается пар. Сашок светит, бьет каблучком. Во все стороны разлетаются прозрачные капли.

— Вода?!

Сашок доволен. Кругом вода! Это она и сбегала в шурф. Значит, никто его не видел! Посмеиваясь, он повернул к берегу, чтоб бежать домой, но вдруг остановился. Вода, просочившись сквозь окружавшие шурф навалы, сбегала в ледяной колодец, журча по-весеннему. Пройдет, пожалуй, меньше часа, и шурф зальет до самого верха. Двухмесячный труд дяди Корнея пропадет ни за что.

Не отдавая себе отчета, Сашок схватил лопату и, отвалив от сугроба пласт слежавшегося снега, закрутил ручеек. Но вода прибывала. Новый ручеек пробился с другой стороны и снова зажурчал, срываясь в шурф. Сашок легко закрутил и его, но увидел, что вода прибывает и прибывает. Плещется вокруг отвала и скоро со всех сторон десятками ручейков переплеснет отвал.

«Надо бежать в поселок, предупредить, — решил было он, но тут же одумался: — Все равно не успеют».

Снова, черпая из воды лопатой комья плот-

ного снега, стал он наращивать отвал, прихлывать его лопатой, утаптывать ногами.

Плотина вокруг шурфа все росла, но и вода поднималась. Сашке приходилось работать все быстрее.

Хороша получалась эта круговая плотина. Чудо, как хороша. Сашок в первый раз испытывал настоящее наслаждение, любясь результатами своего труда.

Но тут неожиданно удивился:

— А откуда вода в сорокаградусный мороз?

И вспомнил про наледь. Наверное, где-то вверху, на перекате, совершенно перемерзло русло. Воды некуда было деться. Сквозь трещину выбралась она наружу и побежала по льду.

А как же другие шурфы? Неужели их затопило?

Вскинув лопату, Сашок торопливо пошел смотреть другие шурфы. Идти тяжело. Вода «съела» тонкую корочку снега, и лед стал невозможно скользкий. И в сапоги набежала вода, они сделались очень тяжелыми. Удивительно только: такой мороз, а мокрые ноги не особенно мерзнут.

Сашок не знал, что стоит ему выскочить на берег, как ноги немедленно заоченеют, потому что температура воды была много выше температуры воздуха.

Соседнему шурфу тоже грозила опасность, но пока он был сухим. Сашок вздохнул. Захотелось есть, захотелось выпить хотя бы глоток горячего чая. Но он уже проникся мыслью, что уйти нельзя. Он почувствовал в себе что-то новое, неведомое: ответственность. Еще раз вздохнув, начал укреплять плотину вокруг второго шурфа. Потом вокруг третьего. Четвертого. С непривычки болела спина, и лопата выскальзывала из уставших рук. Сашок несколько раз порывался оставить работу и бежать на прииск. Но каждый раз находил, что вода поднялась слишком высоко. Он не успевает добежать. Шурфы будут залиты. И, сжав зубы, он снова черпал из воды снег, лежавший возле отвалов, и наращивал плотину. Он очень устал. Очень болела спина. Болела так сильно, что Сашок иногда, против воли, стонал.

— Сашо-о-ок, Саш-ка-а... — донеслось из темноты. — Сашо-ок, — кричала мать.

— Здесь я..

— Где же ты запропастился, непутевый! Ночь на дворе-е-е. Вот я тебе ребра пересчитаю... — В словах матери слышалась угроза, а в голосе радость. Она с десяти часов вечера ищет Сашку. А сейчас уже за полночь. — Иди сюда.

— Не могу, мама. Спасаяю шурфы. Их заливают наледь. Беги, мама, в поселок, поднимай народ... Спе-ши. Наледь вниз пошла. Наверно, заливают нижние линии...

Мать что-то кричит из тумана. Она, кажется, очень сердится. Снова грозит, но Сашок не может разобрать ее слов. Вода поднялась теперь уже до колен, и снова ручеек просочился сквозь снеговую плотину и побежал к шурфу.

— Не могу уйти, ма-ма. Не могу-у... — и, черпая из воды остатки снега в сугробе, он слышал, как крикнула мать:

— Бегу, Сашок. Бегу! Держись, сейчас приведу людей!..

Сашкина мать — дочь старого приискателя. Она хорошо знает, что такое наледь и как нужно торопиться, когда вода заливают шурфы.



СЛУЖУ ПРИРОДЕ

Записки охотоведа

Гр. БАБАКОВ

Рисунки В. Васильева

Для меня охрана природы — понятие довольно конкретное. Десять лет я связан с этим делом. Занимаюсь им не только из любви, но и по долгу службы. Как говорится, «стою на страже закона». Работа, прямо скажу, не легкая. Часто приходится иметь дело с не очень порядочными людьми. Да и не всегда твои старания достигают цели. А все же уйти с этой работы не можешь: очень нужна она нам — государству, народу. А рядом с досадой на неудачи бывает немало и радостей, когда убеждаешься в том, что ты нужен людям, природе.

Субботный день охотинспектора

С утра на столе, надрываясь, звенит телефон. Снимаю трубку.

— Инспекция? Чем вы там занимаетесь? — звучит бархатный, хорошо поставленный баритон. — До открытия охоты еще две недели, а у вас под носом — на Кузнецовских карьерах — во всю пальба идет. Кто говорит? Общественность говорит. А вы проверьте сигнал, за то и деньги получаете! — И короткие гудки в трубке. Со злостью кладу ее на рычаг: общественность хорошо знает, за что мы получаем деньги.

И сразу же еще звонок. Говорит участковый милиционер из Камышловского района. К нему приехал шофер и сообщил, что только сейчас на самосвале сшиб на дороге лося.

Прошу милиционера вместе с депутатом сельсовета выехать на место происшествия и разобраться.

Пощелкивая тоненькими каблучками по линолеуму, к столу подходит белокурая девушка. На груди пионерский значок. Ну так и есть: сотрудница Дворца пионеров. Путанно объясняет, что они с ребятами собираются в поход и хотят отстреливать вредных хищников. Лицо у девушки настолько милое, глаза огромные, доверчивые, что ее желание кого-то «отстреливать» кажется невероятным.

С серьезным видом обещаю девушке выдать ее питомцам разрешение на отстрел десяти волков, а ей лично — на одного медведя. В ее огромных голубых глазах ужас: «Нет, нет! — машет она испуганно руками. — Нам бы каких-нибудь маленьких».

К сожалению, маленьких у нас нет. Подробно расспрашиваю Валю (ее зовут Валей и учится она заочно на третьем курсе филфака) о маршруте похода, а сам воображаю, какое бы дело придумать для ее ребят.

— Ах, вы и на Волчихинском водохранилище будете! — обрадовался я. — Чудесно! Там живет наш егерь. Ему дано задание заколдовать два десятка утят. Помогите ему. Заколуйте больше. Я с вами и кольца отправлю.

Валя довольна. Мое предложение ей больше по душе, чем отстреливать хищников.

Пока достаю кольца из шкафа, замечаю у своего стола знакомого гражданина. Сегодня этот гражданин в штатском. Синий с иголочки костюм сидит на нем мешковато, не модный полосатый галстук с большим узлом туго стягивает ворот белоснежной сорочки. Жел-

тые чешские полуботинки явно жмут. Я пытаюсь сделать вид, что не узнаю его, и продолжаю беседовать с Валей. Но Валя видит, что меня ждут, и спешит распрощаться. Я даже не успел записать номер ее телефона.

— Товарищ инспектор, — вкрадчиво окликает меня гражданин. — Я квитанцию принес.

Он протягивает мне синенькую бумажку: «Принято от гражданина Гущина сто пятьдесят рублей».

— Штраф, как видите, уплачен. Теперь все в порядке? — он склоняется над столом и в самое ухо мне доверительно сообщает:

— Знаете, тайком от жены, не дай бог до нее дойдет.

Это уж слишком! Я поднялся и посмотрел ему в глаза.

— А вам, Гущин, не следовало бы так говорить.

— Вы находите? — Он понял намек и криво усмехнулся: — Мне хотелось бы попросить у вас совета, побеседовать кое о чем. Сегодня вечером вы не свободны?

— Нет, не свободен, — отвечаю я, глядя в окно. По мощеному булыжником двору идет Валя. Встречный ветер треплет складки ее сарафана.

— Нет, Гущин, — повторяю я со вздохом. — Сегодня суббота, а субботние вечера, как вы помните, у нас бывают горячие.

Гущин, конечно, все помнил. В тот вечер мы с егерем Семеновым возвращались с его участка. На берегу реки Сысерть заметили группу молодежи. Студенты развлекались стрельбой из малокалиберной винтовки. Мишенями служила стайка маленьких синичек. Птички бойко щebetали в кронах молодых сосен, а снизу по ним стреляли. Это было почти невинное развлечение. Попастъ в юркую птичку чрезвычайно трудно. Промазавший студент передавал винтовку следующему. Семенов быстро присоединился к компании и, когда очередной стрелок промазал, взял у него винтовку. На этом стрельба прекратилась.

Студенты оказались народом сознательным. Они терпеливо выслушали популярную лекцию об охране природы и о том, как далеко летит пуля. Все это они знали и без нас. Не понравилось им только резюме. Семенов сказал, что затвор из винтовки он забирает и владельцу придется иметь дело с районной милицией. Это студентов совсем не устраивало. Они стали доказывать, что винтовка казенная, из комитета ДОСААФ, что у них нет времени ездить в район, в милицию, что им без того здорово попадет.

Мне было жаль ребят. Я знал, что в моем присутствии Семенов будет неумолим, и потому решил поступить иначе.

— Кто хозяин винтовки? — спросил я.

Ребята молча переглянулись. Наконец отозвался белобрысый атлет в тренировочном костюме.

— Я хозяин!

— Отлично. Как ваша фамилия? — я полез в сумку за блокнотом.

— Фамилия? Ну, Коржавин.

Кто-то из ребят тихо прыснул за моей спиной.

«Врет!» — понял я.

— Так вот, товарищ Коржавин, зайдете в городе в охотничью инспекцию и там получите у меня затвор от вашей винтовки.

С Семеновым мы расстались на перекрестке дорог. Он пошел в свою деревню, а я на тракт, чтобы успеть на последний городской автобус.

Через полкилометра я услышал, что меня кто-то догоняет. Это был белобрысый студент со своей винтовкой. Он поравнялся и молча пошел рядом.

Была та вечерняя пора, когда солнце уже село, но сумрак еще не выполз из лесных чащ. Он копился под кронами деревьев, в глухих оврагах и болотных низинах. А по увалам, где вилась дорога, было до удивления светло. Воздух, напоенный смоляным ароматом, струился нам навстречу. Но так только казалось на ходу. Стоило остановиться, и ты убеждался, что воздух неподвижен. И даже пыль, поднятая нашими ногами, почти неподвижно висела белесой пеленой над дорогой. Я ни о чем не спрашивал моего спутника. И без того было ясно, что настроение у него скверное, загородная прогулка испорчена, а впереди еще целый день ожидания — чем-то кончится вся эта история.

Так молча мы и шагали по дороге, пока не услышали, что нас догоняет какая-то машина. Мы остановились и стали ждать, может до города подбросит. Но машина свернула влево на клевернице. Это насторожило. Что им там нужно? И вдруг вечерняя тишина раскололась. Один за другим прозвучали три сухих pistolетных выстрела. А через минуту мотор умолк.

Все стало ясно. Я перепрыгнул через кю-



вет и лесом побежал на выстрелы. На кромке клеверища, возле кустов, стоял зеленый ГАЗ-69. Двое незнакомых мужчин подтаскивали к нему убитую косулю.

Я бросился к машине. «Только бы успеть запомнить номер!»

Незнакомцы грузили косулю в багажник. Своими телами они заслоняли номер. Но вот один из них оглянулся, заметил меня и пошел навстречу. Глаза мои вцепились в номерной знак. Это — уже половина дела. Жаль, нет свидетелей, а без свидетелей мой протокол силы не имеет. Что же предпринять? Незнакомец прервал мои раздумья.

— Стой! Не подходи! — крикнул он, вскинув ружье.

Я продолжал идти.

— Стой, стрелять буду! — свирепо повторил он.

— Не шутите с оружием, гражданин! — вдруг раздался властный голос сбоку. Из кустов с винтовкой наперевес вышел мой студент. Он решительно двинулся прямо на незнакомца. Тот, конечно, не знал, что затвор от этой винтовки лежит в моей полевой сумке. Он помедлил секунду и, круто повернувшись, бросился бежать к машине. Я не преследовал его. Я был спокоен, у меня был свидетель.

Взревел мотор, и машина с потушенными огнями помчалась по полю.

Сумерки уже успели стуситься. Мы стояли одни.

— Да, работенка у вас... — сказал студент. — Не позавидуешь! — Он помолчал немного и добавил виновато: — Я ведь соврал вам. Моя фамилия Куликов, а не Коржавин. А зовут Костей...

— Спасибо, Костя! — сказал я. — Вот и твоя винтовка для доброго дела пригодилась.

— Она не моя, а и в самом деле досаффовская. Я документ принесу.

Я открыл сумку и протянул ему затвор.

— Постарайся сдать ее скорее. Я тебе верю!

Это было утром в субботу. А в понедельник я поближе познакомился с Гуциным. Теперь он не грозил оружием. Казалось, более покладистого человека и отыскать трудно. Я уже привык к таким метаморфозам.

Собственно, привык — не то слово. Привыкнуть к этому нельзя. Я допускаю, что человек может по легкомыслию или незнанию совершить ошибку, но защищать неправое дело с оружием в руках...

Мне не о чем больше беседовать с Гуциным. Докладная на имя директора завода отправлена еще вчера. Я так и сказал капитану.

— Но ведь я же заплатил! — взмолился Гуцин.

— Пока вы только возместили ущерб, причиненный государству, а за свой поступок как думаете рассчитываться?



Гущин лепечет что-то несвязное. Собственного начальства он боится больше, чем всех охотничьих инспекторов на свете. Он уходит, низко опустив голову, его чешские полуботинки невыносимо скрипят.

У стола новая фигура — благообразный старичок в соломенной шляпе. Сейчас он похож на пенсионера, грибника или рыболова-любителя. На вид совершенно безобидный старикашка. И только заглянув ему в глаза, можно догадаться, какая упрямая сила таится в этом человеке. Смотрят они на тебя цепко, прищур, словно сквозь прорезь прицела.

— Здравствуй, Ляксеич!

— Здравствуйте, Никита Силыч! — отвечаю. — С чем пожаловали, что новенького в ваших трущобах?

— Все шутишь, — хмурится старик, — а у меня к тебе разговор серьезный. Обложили вы меня, со всех сторон обложили. Чую, не сегодня-завтра на крючок попадусь. Стар я стал концы прятать, да и надоело. С моим бы талантом в героях ходить, а я из собственного дома готов на край света сбежать.

Да, талант у старика был изумительный. Он знал десятки способов промысла лосей, умел добыть лося в любую погоду, в любых условиях, но больше не умел ничего. Пять лет мы пытались изловить браконьера, но все безрезультатно. Не нас, а его окрестные жители считали хозяином тайги. Они ели лосиное мясо и всячески оберегали того, кто его им доставлял. Старик был щедр и прост душою. За бутылку он отдавал целую лосиную ляжку, которую на себе через два перевала тащил с Серебрянских гор. Казалось, он играл с нами в сыщики-разбойники, и мы не могли его поймать.

— Надумал я, Ляксеич, — продолжал меж тем старик, — пошлите меня куда ни есть на север. Авось там сгложуся, хоть помру человеком.

— Рановато, Никита Силыч, о смерти задумались, — улынулся я. — Найдем применение вашему таланту. Бригаду вам дадим, промышлять будете, молодежь своему мастерству научите.

— Бригаду, говоришь? — еще сильнее прищурился старик. — Без надобности нам бригада. Мы ведь все больше крадом промышляем. Разлюбозное дело крадом. Стоит этакий бычина, рога что корч на голове шеперятся... А ты шась-шась к нему на подволоках. Он вершинку у рябины заламывает, морду высоко вверх тянет, а ты опять шась-шась к нему с подветру-то... Эх, Ляксеич! всю жизнь крадом, и от людей и от себя тоже... Дайте хоть напоследок человеком пожить!

Старик пришел не случайно. Видно запал ему в душу тот разговор, что был у нас два года назад в охотничьей избушке на говорливой речке Тылай. Тогда я обещал подыскать ему место в одном из промыслевых хозяйств, где лосей промышляют. О своем предложении я больше не напоминал, а старик, оказывается, помнил.

Я уселся писать письмо директору промхоза, где требовались охотники.

— Ну, а сына-то Сашку с собой возьмете или нам в наследство оставите? — спросил я, отдавая письмо. Старик нахмурился.

— Взят бы, да не едет, варнак. Вконец избаловался. Я, говорит, теперь сам не хуже



тебя работать умею. Езжай, говорит, а то двум медведям в одной берлоге тесно. — Губы старика дрогнули. — Коли к вам попадет, не откажи в милости, Ляксеич, штрафуйте его, как по закону положено, судом судите да этапом ко мне на север вышлите. По моей вине змееныш изварначился, мне его и человеком делать.

Мы распрощались, как хорошие знакомые. Начать жизнь сначала никогда не поздно..

Короткий субботний день подходит к концу. Городские телефоны перегружены, и я никак не могу дозвониться до общества охотников. Приходится самому идти туда. Когда-то я мечтал о том, чтобы все охотники были объединены в коллективы, чтобы не было беспризорных охотничьих угодий. Теперь мы добились этого, но душа все еще не спокойна. Дело в том, что за последние годы тяга людей к природе и охоте значительно возросла. Как только у человека появляется малейшая возможность, он заводит себе ружье и вступает в общество. Количество членов общества растет со сказочной быстротой. Ежегодно в него вступают тысячи новых членов. А вот численность дичи изменяется не по столь демократическим законам. То слишком высокий лаводок, то поздние весенние заморозки, то неурожай кормов мешают дичи размножаться. Может создаться положение, когда число желающих убить утку превзойдет количество уток на водоемах. И еще транспорт! В былые годы городскому охотнику добраться до отдаленных угодий было нелегко. А теперь за два-три часа он оказывается в сотне километров от дома. Самые глухие уголки при современном транспорте стали доступны.

В обществе охотников под красочным плакатом «Охотник — лучший друг природы!» шумно заседала секция лайчатников. Глядя на лица охотников, трудно было предположить, что кто-либо из этих молодцов страдает язвенной болезнью или дал обет не есть мясного. Да, подумалось мне, охотник и в самом

деле лучший друг природы, только иметь слишком много друзей тоже не всегда безопасно.

Я быстро договорился с двумя приятелями, нашими давнишними общественными инспекторами, о поездке на Кузнецовские карьеры. Они обещали часам к шести заехать за мной на собственном мотоцикле. Рабочий день кончился, а мне предстояла еще прогулочка за двадцать километров. И кто знает, какие встречи ждут меня там. Надо же проверить «сигнал» общественности.

Карась — рыбка золотая

Если вам приходилось пролетать в самолете над Западной Сибирью, то не могли вы не заметить самую существенную деталь здешнего ландшафта. Озера! Их тысячи, больших и маленьких, глубоких и мелких, пресных и соленых. Они, словно серебряные блюдца, разбросаны по зеленой скатерти.

И во всех этих озерах живет замечательная рыбка — карась. Я не раз удивлялся исключительной способности карася выживать в условиях, которые для любой другой рыбы совершенно невыносимы. Многие черты биологии нашего карася и до сих пор остаются загадкой для ученых-рыбоводов.

Загадки загадками, а факт налицо: живет карась в каждом озерике, и никакие засухи, никакие зимние заморы не могут его истребить. Местное население карася уважает. И в пирогах его пекут, жареным в сухарях или сметане к столу подают, и уху варят, а сушеного карася даже в кислые щи кладут.

Все деревни здесь на берегу озер. Недалеко за карасями сходить. Сходить-то недалеко, а вот поймать карася штука не простая. Многомудрый русский мужик придумал десятки остроумнейших ловушек — сетяные фитили и крылены, плетеные из ивы морды, гимги, рукавички, коварные западни-котцы из тонких сосновых палочек-жалов. Ну, а про всякие сети, бредни, невода и говорить нечего...

Хитрая рыба карась, на каждом озере у нее свои законы.

Глядят рыбаки, резвится рыба на чистом плесе. «Варит» карась, пузыри пускает. Заведут полукилометровый невод, весь плес взбаламутят. Вытащат невод, а мотня-то пустая. Куда рыба девалась?

А какой-нибудь деревенский старик бросит на ночь в этом месте нитяную мережку, утром и в лодку ее затащить не может — столько туда карасей набилось.

На каждом озере, в каждый сезон своя снасть на карася требуется. Но есть одна снасть, которую наши караси не признают совершенно. Это как раз та единственная снасть, на которую разрешено ловить карасей в наших водоемах — удочка! Простейшая система: «на одном конце червяк, на другом конце рыбак». Она распространена по всему миру, пользуется популярностью на всех континентах. А вот наш карась удочку не признает. Но бывают ведь исключения...

Даже началась эта история случаем исключительным. Однажды сосед предложил под-

бросить меня на охоту на собственной «Волге». Обычно он никого на своей машине не возил. Вот-вот должна была пойти северная утка, и я не задумываясь согласился.

Мы ехали к моему давнему приятелю на озеро Сугояк в Челябинской области. Шелестя шинами по асфальту, голубая «Волга» пронеслась по прямой трассе автостреды. По бокам высились вековые сосны, уходя к горизонту синими буграми, громоздились уральские леса. Сосед, закусив в уголке рта сигарету, мурлыкал себе под нос какую-то песенку. Баранку он держал небрежно, одной рукой. В своей кожаной куртке со множеством молний он выглядел заправским шофером. И только усы, малюсенькая рыжеватая щеточка под самым носом, не вязались с обликом лихого шофера. Тонкие губы казались продолжением усов. Углы их то резко падали вниз, то в самодовольной улыбке вздымались высоко вверх, словно на показ выставляя при этом белоснежные крепкие зубы и массу ранних морщин на лице.

Вот и кончились сосновые леса. Начались типичные березовые колки, меж которых то здесь, то там поблескивали зеркала озер.

— Я ведь удочки с собой прихватил, — сказал сосед. — Может, порыбачим у твоего приятеля? Я большой любитель ухи.

— На Сугояке водится только карась, — ответил я, — на удочку он не клюет. Ну, а ухой нас угостят.

— Какая же уха из карасей?

— А вот попробуешь, узнаешь.

Сосед с сомнением пожал плечами и начал пространно излагать свои познания о кулинарных достоинствах различной рыбы.

А дорога, прямая как стрела, все дальше вводила нашу «Волгу» в глубь степного хлебобородного края. У обочин и перекрестков стояли женщины с котомками и мешками, мальчишки-фезеушники в форменных фуражках, рыболовы с удочками в чехлах. При нашем приближении весь этот дорожный люд оживлялся, хватался за свои пожитки и дружно подымал руки. Тут я впервые почувствовал досаду. Губы соседа вздымались вверх. Все лицо сияло самодовольством. «Волга» с шумом пронеслась мимо людей.

А потом он стал шутить. Подъезжая к перекрестку, сбавлял скорость и, будто бы обращаясь к ждущим попутного транспорта, говорил: «Волга» — лучшее средство передвижения! Проголосуем! Кто «за»? Единогласно!» — и он нажимал на акселератор.

Я скрежетал зубами. Сколько раз мне самому приходилось так же подымать руку, стоя у обочины. Случалось, что от скорости, с какой я доберусь до ближайшего населенного пункта, зависела жизнь людей. А собственники пронеслись мимо в своих «Москвичах» и «Волгах».

Наконец свернули на проселок.

— И это называется дорога, — ворчал сосед.

Теперь он не улыбался, а корчился в гримасах. Казалось, не машине, а ему самому приходится преодолевать ухабы и рытвины. На одном из объездов я думал, он не выдержит и лопнет от злости. Густой ивняк вырос в низине. Ветки хлестали по лакированным крыльям машины и рвали на части сердце ее владельца.

Еще поворот, и вот оно заискрилось — озеро Сугояк. По-русски это значит Лазурное. Оно и в самом деле лазурное. Тихие плоские волны не спеша перекатываются у поросших тростниками берегов. Перистые облака, бегущие в небе, отражаются в воде. Цвет воды и неба совершенно одинаков.

На подъезде к деревне возле самого берега мы увидели лодку. В ней сидел благообразный старик-татарин в бархатной тюбетейке и дремал. Поравнявшись с ним, сосед резко затормозил машину.

— Смотри-ка, у него удочка!

Я удивился. Действительно, за борт лодки свешивалось березовое удилище. Кого он здесь ловит?

Сосед вышел из машины, громко хлопнув дверцей. Старик клонул носом, встрепелся, поглядел в нашу сторону и вдруг бросился к удочке. Удилище взметнулось вверх и резко прогнулось. На крючке была рыба! Старик пытался подвести ее к лодке, но рыба уходила в глубину и еще сильнее гнула удилище. Потом она внезапно метнулась в сторону, на поверхности блеснул ее широкий, отливающий золотом бок, и туго натянутая леска лопнула как струна.

— Упустил, разиня! Кто ж так подводит? — кричал в азарте сосед.

А старик в лодке все еще держал в руках удилище и растерянно смотрел в воду...

Мой приятель Мотык встретил нас весьма радушно. Сразу засуетилась у самовара его жена Галя. Зная присущее Мотыку гостеприимство, я сразу же спросил, не угостит ли он нас ухой. Он сказал что-то Гале по-татарски. Она сразу оставила в покое самовар и ушла чистить рыбу. Когда я рассказал о старике с удочкой, Мотык долго весело смеялся.

— Хитрый бабай! Ай, какой хитрый старик!

— Чего же тут хитрого? — удивился сосед. — Просто ловить не умеет.

— Правильно говорил, товарищ! Не умеет ловить бабай. — И понизив голос, добавил: — Он сеткам ловить умеет. Пятнадцать-двадцать сетка озеро ставит. Сам удочкам сидит. Боятся, сетка карапчить будут.

— Зачем же ему так много сетей? — удивился я.

— А торгует мал-мало.

— Что ж ему не запретят? — удивился сосед. — Нельзя ловить сетями.

Мотык внимательно посмотрел на меня. Глазами он спрашивал: «Что это за гуся ты ко мне привез?»

— Здесь имеем право запретить. — Мотык вынул из кармана зелененькую книжечку общественного инспектора. — А тут права нету, — и он по-восточному прижал руки к сердцу.

Соседу трудно было понять моего приятеля. Мотык говорил о моральном праве. Не мог он оштрафовать старика, потому что и сам, и все соседи, и весь район ловят рыбу сетями. Сегодня один карась клонул на удочку. Но это случай исключительный. На удочку карась не идет. А если его не отлавливать, он будет гибнуть сам от «перенаселения» водоема.

Вошла Галя и спросила что-то по-татарски.

— Сабу класть в уху? — обратился ко мне Мотык.



— Конечно! Все как полагается.

Галя улыбнулась нам и ушла разводить огонь. Следом за ней вышел и сосед отогнать ребятишек от машины.

Пока он ходил, мы говорили о предстоящей охоте. Мотык — охотник-профессионал. Он всю жизнь добывает лисиц, горностаев, зайцев. А теперь переключился и на ондатру. Много ее развелось в окрестных водоемах.

Сосед вошел встревоженный.

— Тучки собираются. Погода меняется. Пройдет дождь, тогда до весны отсюда не выберешься. Поеду, пожалуй, пока дорога хорошая.

— А как же уха? — пытался я его удержать. — Великолепная уха будет.

— Бог уж с ней. В другой раз поем. Выбираться надо, — и он стал застегивать молнии на своей куртке. Я вышел его проводить.

Протирая ветровое стекло, сосед ворчал:

— Карасей пожалели. С кишками варят.

И тут я только догадался, что заставило его поспешить. Он увидел, как Галя готовит карасей. Она аккуратно снимала внутренний жир — сабу — и клала вместе с очищенной рыбой. Уха без сабы постная, не наваристая. А он подумал, что это кишки. Нет, я не стал выводить его из заблуждения, пусть себе едет...

А вечером, когда, неся убитых крякв, мы с Мотыком возвращались с озера, его остановил какой-то человек в нагольном полушубке. Они долго разговаривали по-татарски.

— Ай, Бабай! Ай, хитрый старик! — сказал Мотык, догнав меня. — Сейчас Сабит, депутат из Совета, спрашивал, чей такой «Волга» приезжал. Говорит, на берег приехал, старику деньги давал, полный багажник карасями увез. Шибко ругался депутат.

Я шел и вовсе не думал о поступке соседа. Что он за человек, и так было ясно. Я думал о законах, которые в специфических местных условиях можно превратить в абсурд.

В давние времена осели здесь кочевые племена татар, шедших с востока. Они выбрали эту землю за то, что богата она была пастбищами для скота, водопоями, дичью и рыбой. И разве можно лишать людей тех благ, ради которых они здесь живут? Разве можно быть в воде и не измочиться? В эту поговорку часто вкладывают дурной смысл. Хорошо, скажем иначе: разве можно жить и не дышать? Разве можно быть местным уроженцем и не есть карасей? По-моему, нельзя!

Вот и получается, что хороший закон, запрещающий лов рыбы орудиями массового промысла, вступает в противоречие с традициями народа, с его нуждами. Ловить карасей удочкой — это то же самое, что косить сено вилкой. Вот и получается массовое, всеобщее браконьерство. Кому оно выгодно? Никому!

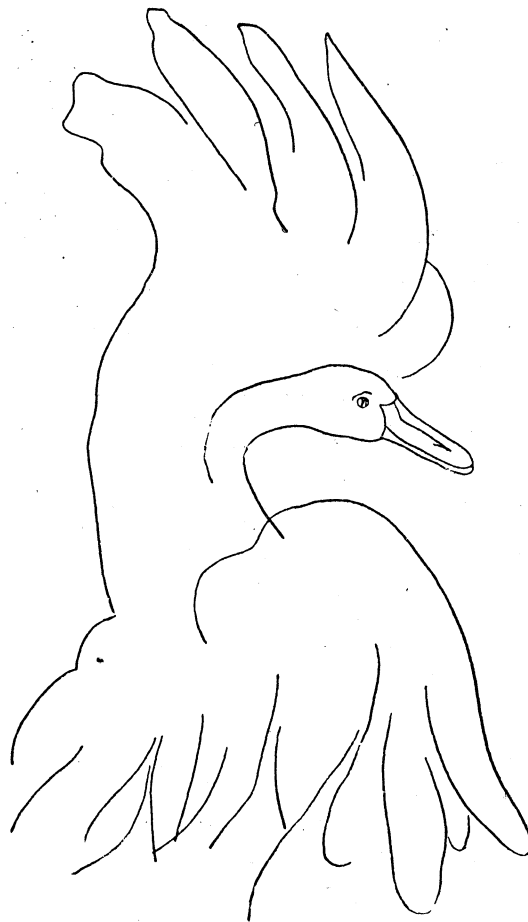
Сегодня на местах есть уже сила, способная обеспечить бережное использование богатств природы. Это и специалисты различных отраслей, и общественность, и самая замечательная в мире Советская власть. Она всегда начеку. Попробуй появись в угодах голубая «Волга» барышника — и сразу явится такой вот Сабит в нагольном полушубке, предъявит свой депутатский мандат. Прижмет она и меркантильного Бабая.

Назавтра тихим, погожим вечером вместе с Сабитом и Мотыком я стаял на краю деревни и смотрел, как доярки ловят карасей. Пестрая толпа женщин перемещалась вдоль берега. Двое из них прямо в платьях по пояс заходили в воду и заводили маленький бредень. Потом вся толпа с разноголосым шумом, шутками, криком тащила за веревки бредень к берегу. Вот-вот покажется мотня. Что в ней? Многие не выдерживают ожидания и забегают в воду. Кто-то поскользнулся и, падая, вздымает каскады брызг. Дружный хохот несется над озером. Выбирают рыбу: мельканье рук, пестрых косынок, приглушенный говор. В сторону летит зеленая тина. Но вот рыбалка окончена. Не спеша идут к деревне. В подолах белых фартуков отливающие бронзой и золотом трепетные слитки карасей. Сзади двое несут на плечах мокрый бредень.

А навстречу им из деревни с гиканьем, воем и свистом выносятся кавалькада разнокалиберной босягой ребятни.

Попробуй, отними у них эту радость!

Я смотрю на широкоскулые лица моих приятелей: они еще шире расплываются в довольной улыбке. И мне тоже неудержимо хочется улыбнуться этому теплому вечеру, добрым людям, беспечной ребятне и даже золотым карасям в подолах у доярок.



СКАЗКА

Глаза устали от света, от напряжения. Сторожек зимней удочки будто замер. Ни поклевки.

Я поднялся.

Ослепительное апрельское солнце. Полдень. Сухой, вспученный лед искрился и парил, звонисто похрустывал и рассыпался на кристаллы. С утра лед еще надежно держал человека, но затем размякал и, гулко, трескуче стреляя, раскальвался длинными трещинами.

Дольше оставаться на льду было опасно. Я смотал удочки и побрел к берегу, прислушиваясь к шипению льда и каждым шагом ощущая его плавные прогибы. Несмолкаемыми колокольцами звенели в небе жаворонки; малиноватенькая, пронеслись над голубым льдом сплошными стайками иссиня-белые подорожники, а выше торпливо и хлопотно пролетали утки. На взбурившемся зимнике, пересекавшем озеро, засыпанном сеном, соломой и расклеванном лошадиным пометом, тонко бренчали охристо-зеленоватые овсянки, суетливо прыгали стрекотухи-сороки, а вдали над парными пашнями с тоскливым криком делили земли чибисы.

Кончался апрель, в природе шло то суматошное птичье переселение, которое охотники называют валовым пролетом.

Вдруг высоко — выше уток — протяжно и вольно прокликая лебедь. Я долго блуждал глазами по безбрежной светлыни неба, пока наконец не увидел серебристо-прозрачных, вытянувшихся в косую вереницу птиц. Их было семь. Свободно и плавно колебля крыльями, лебеди летели на север. Но вот опять послышался клик, и передний крутым виражом сошел в сторону. Он как бы остановился, пропуская стаю вперед. И когда с ним поравнялся последний, тем же приемом, согнув крыло, примкнул замыкающим к веренице.

Я знал: это устал вожак и уступил свое место сзади летящему. Так они подменяют друг друга всю дальнюю дорогу.

Лебеди скрылись из виду, а я стоял посреди озера и глядел в просвеченную солнцем высь. Я всякий раз испытываю радость, увидев этих птиц, и всякий раз вспоминаю...

Это было в дни моего детства. Жили мы тогда с матерью на Гореловском кордоне. Рассказывали, что когда-то вокруг Гореловского шумели вековые леса, бабы, опасаясь зверей, ходили за клюквой и брусничкой только с мужиками, а единственный в селе охотник Савотя стрелял медведей прямо на покосах. Но это было давно. Савотя теперь стал дедом Савотием, медведи исчезли, а большие леса все повывурили. На их месте распахали поля. Лес остался за речкой Патрушкой, да и то редкий, весь вытоптаный коровами. Правда, дальше к Шилровке и Макаровке в те времена еще можно было найти глухие уголки.

Я избегал шумных ребячьих сборищ и целыми днями, пока мать была на работе в поле, пропадал в лесу. Тут было мне хорошо и отрадно. Я слушал птиц и убежденно верил, что поют

коршун, иногда зловеще кружил над озером, и тогда я, подобрав колени, с трепетом и страхом ждал, что вот сейчас он сложит свои крылья, вытянет когтистые лапы и ринется вниз, на царевну... А где же она? Я до рези в глазах всматривался в смурюю сутень черемух и начинал различать сначала неясно, затем отчетливее блистающую дорогими нарядами стройную молодую женщину.

Так, в созданном мною мире, в окружении царевен и добрых богатырей, я провел на озере все лето. Это было счастливое лето, полное ожиданий и светлой детской грусти...

С опаловыми вечерними зорями и мглыстыми затяжными рассветами наступала осень. По вечерам над гореловскими избами вставали высокие дымы, они будто подпирали белесое, отсвечивающее туманом небо. В холодеющем воздухе плыли и плыли серебристые нити паутины. На зорях в продувных дворах простуженные горланили петухи, настоятельно требуя переселения с летних квартир на зимние.

Осень входила в силу уверенно и безсуетно. За две недели смело с берез листву, и в поредевших рощах начали табуниться птицы.

В один из таких дней я снова пришел к своему озерку. И не узнал его. Вылегли прихваченные инеем травы, мягкие тени испятнали некогда цветущие луговинки. Ольхи и черемухи, как перед сном, сняли одежды и смиренно притихли в дремлющем голубом полумраке.

Тихо кругом. Не слышно птиц, не ноют комары. Только последние листья со старой, склонившейся над водой осины редунок, сами по себе облетая, шуршат по воздуху, играют над светлыми зеркалом озера багряными и лимонными бликами.

С новой, еще более впечатляющей силой нахлынули на меня мечтания. И вдруг над лесом звонко и переливчато прокликая лебедь.

НЕ КОНЧАЕТСЯ

Рассказ
Леониды ФОМИНА
Рисунки Ю. Григорьева

они мне, собирав на обогретых солнцем еланках крупную землянику и думал, что выросла она для меня. Я любил лес проникновенно и нежно и в поисках чего-то необычного постепенно удлинял свои прогулки.

И вышел я однажды на неведомое озерко. Притомился, сел на бережок. Все-то здесь показалось загадочным и новым. По берегам кустились развесистые черемухи, на лужайках среди стрекозущей кузнечиками травы поднимались высокие розовые цветы иван-чая. От этих цветов все вокруг было розовое: розовели подсвеченные ими черемухи, душистые травы, розовым было вечернее небо, и даже вода в озерке местами отливала розовыми отсветами.

Приглянулось мне озерко. Теперь я каждый день приходил сюда, сидел под черемуху и наблюдал за потаенной жизнью леса. О чем только не мечталось в эти часы под усыпляющей шелест листвы и тонкосенный монотонный посвист всегда чем-то встревоженных горихвосток. Воображение явственно рисовало то сказочную царевну-лебедь, то черномора с длинной бородой, то коршуна-лиходея. Он, этот

Я вздрогнул и посмотрел в небо. Озаренные солнцем, вдали летели алые лебеди. Но что это? Одна из птиц заметно отстала от вереницы и, круто снижаясь, нацелилась на озерко. Едва не касаясь вершин деревьев, не поднимая опущенных крыл, она пронеслась над моей головой и шумно ухнула в воду, фонтаном вздымая брызги. Но лебедь сейчас же оправился, окинул взглядом берега.

А тем временем стая, нарушив строй, закружилась над озером, нетерпеливо и тревожно окликающая товарища. Лебеди звали, требовали, чтобы он взлетел. Но вскоре, видно, поняли, что не взлетит и тогда выстроились в вереницу и полетели дальше, дружно и согласно взмахивая крыльями, все учащая взмахи. Отставший лебедь следил за вереницей, крикнул с укором и болью вслед улетающим. Но стая скрылась из глаз, и он усталю распластался на воде, взъерошив перья...

С тех пор я потерял покой. Где бы ни был, чем бы ни занимался, а лебедь не выходил из головы. И вот я снова у озера.

Предчувствие, что лебедь еще не улетел, оправдалось. Будто изваянный из мрамора, он



лежал посреди озера, положив на крыло голову. Чтобы не заставить его врасплох и привлечь на себя внимание, я нарочно кашлянул. Лебедь с плеском уронил на воду концы крыльев, вскинул голову и протестующе зашипел. Вспенивая воду, он отплыл к противоположному берегу и насто-роженно замер в шелестящей прожелти камыша.

Я пришел к озеру на другой и на третий день, но лебедь был непримирим. Стоило пока-заться на берегу, как он сразу ерошил перья, отодвигался подальше и все шипел. Я бросал в воду хлеб, вареную картошку и, подавленный, возвращался домой.

...Поторапливая запоздалые утиные стаи, с севера надвигалась зима. Она напоминала о себе воем студеного ветра, яркими морозными но-чами и короткими блеклыми днями, похожими на унылую сумеречь вечеров. По опустевшим доро-гам и пашням безбоязно бродили сытые вороны, и молодые волки, клацая зубами, игриво гоня-лись на березовой опушке за пролетающими сне-жинками.

По утрам лесное озеро от берегов затяги-вало хрусткой и прозрачной коркой льда. На-тыкаясь на лед грудью, лебедь подолгу разгля-дывал невидимое препятствие, а разглядев, ударом крыла разбивал его ломкую кромку.

Все крепчали ночные заморозки, все дальше от берегов застывало озеро, все толще стано-вился лед. Лебедь плавал уже в небольшой полынье на середине. А когда замерзала и полынья, он крушил ледяную броню своей грудью.

И вот как-то ночью ударил первый сильный мороз. Я то и дело вскакивал с постели, выбе-

гал на крыльцо, с замиранием сердца смотрел на темный, притихший, будто напуганный лес, вдыхал колкую морозную свежесть и с тревогой чувствовал, что зима нагрянет не сегодня-завтра. В эту ночь прочно стала речка, в огороде по-белели и согнулись тычины подсолнухов, и даже звезды на небе, казалось, позвякивали от холода.

Мое беспокойство заметила проснувшаяся мать, вышла за мной на крыльцо. Она и рань-ше замечала во мне перемену, но я скрывал свою тайну: могла не отпустить на дальнее лес-ное озеро. А сегодня не выдержал: большое горе вдруг бурно расплеснулось, и я неудержимо заплакал. Мать, выслушав мой сбивчивый рассказ про лебеда, посоветовала:

— Слезами горю не поможешь. Ступай луч-ше в постель, отдохни, а утром сходи к Саво-тию. Он лесник, он скажет, что сделать.

Еще затемно я робко постучал в окно деда Савотия. Заскрипели приступки полатей, в окне показалась взлохмаченная дедова голова, а через минуту он открыл калитку ворот.

— Пошто в такую пору?

— Деда,— измученным голосом заговорил я,— там, на лесном озере, помирает лебедь! В эту минуту дед Савотий казался мне единственным человеком, который может спасти лебеда.

Не говоря ни слова, дед вернулся в дом, долго в потемках собирался и наконец вышел.

Мы шли к озеру ближним путем, не обходя убродистые кочкарники и еловые густяки. Под ногами хрустела смерзшаяся листва.

Озеро открылось неожиданно, пустынное и немое, как зимнее поле. Вся гладь его мато-во лоснилась и посверкивала ядреным льдом. Среди обстывших камышинок вразвалку ходил лебедь, дробно постукивая клювом по льду, словно пробуя его крепость.

Солнце пробралось между ветвей деревьев, и косые лучи его скользнули по замерзшему озеру. Лебедь будто понял, что полынья больше не протает, и, вытянувшись на лапах, ударил лед грудью. Глухой удар донесся до нас. Потом еще удар и еще, и так бился он в безумном порыве до тех пор, покуда не свалился совер-шенно обессиленный. Но лебедь хотел жить, для этого ему нужна была вода, и он упрямо под-нялся. Скользя лапами, опираясь то на одно, то на другое крыло, пошел к середине, все быстрее, быстрее и вдруг, отчаянно замахав крыльями, с криком взлетел! С большим трудом набрал вы-соту вровень с лесом, на мгновение замер и... камнем устремился вниз. Гулко выстрелил лед, раскалываясь трещиной, ключом забила из бре-ши вода. Но лебедь расшибся насмерть.

Я плакал, сидя над ним. Гладил его шелко-вистую спину и безжизненно раскинутые крылья. Даже мертвый, он казался неумолимо гордым. Дед Савотий стоял в стороне.

— Видишь, какие эти лебеди? — сказал он после молчания.— Разбился, а все ж та-ки лед прошиб. Раненый он был, сынок, в боку у него картечина завязала... Ах, какая упрямая эта птица!

Тогда я плохо понимал значение этих слов. В памяти с быстротой пронеслись события пере-житых дней — грезы о царевне-лебедь, мои кра-сивые сказки и вот такой конец всему.

А дед Савотий добавил:

— Недаром они высоко держат голову. Ты слышишь меня, сынок? Запомни это.

И я запомнил.

В ЛОГОВЕ ЛЕОПАРДА

Молодой чабан Вахид Расулов шел на дальние пастбища Сары-Гая и заблудился. От родника Аг-су веером расходились лесные тропы. Приметил самую торную, но выбраться из зарослей так и не смог. Устал. Решил заночевать.

С трудом спустился Вахид в глубокое ущелье. Осмотрелся. В нескольких метрах от него редчайший цветок мира — фуонсис. Он растет только в Талышских горах, и у местных жителей есть поверье: тот, кто увидит цветок утром — у того исполнятся все желания; днем — сто лет проживет под солнцем; вечером — всегда будет видеть приятные сны.

«Какой же сон приснится мне?» — подумал Вахид. Солнце закатывалось за хребты. Лес стал фиолетовым. Вахид пробрался через густые заросли «демир агача» — железного дерева, отыскал небольшой грот, собрал сухие листья, приготовил постель и завалился спать в ожидании чудесных сновидений.

Проснулся от резкого птичьего гомона, приподнял голову и замер: в нескольких метрах от него лежал леопард.

Закрыв глаза. Может быть, это галлюцинация? Нет, перед Вахидом — гроза Талышских гор. Чабан боялся пошевелиться. «Почему зверь не напал на меня? Сыт, что ли?» — подумал он.

Положение было критическим. Сильный, ловкий. Вахид считался лучшим джигитом среди горцев. Он на полном скаку срывал на альпийском лугу любой, самый низкорослый цветок. Но леопард...

Минуты тянулись мучительно долго. В голове молниеносно рождался один план за другим. Может быть, вскочить и броситься мимо хищника к выходу? Прыжок сзади — и конец. А если пятиться спиной и держать наготове охотничий нож? Нет, леопард сразу сшибет с ног. Надо обороняться, только обороняться.

Наконец хищник шевельнул головой, не открывая глаз, зевнул, обнажив огромные клыки, потом поудобнее улегся и снова заснул.

Солнце все выше и выше поднималось над горами и лесом. Вахид знал, что леопарды ночью делают набег на села, похищают птиц, мелкий скот, а днем отсыплются. Неужели весь день он будет пленником зверя? А тот выспится, проголодается и нападёт на него.

Постепенно Вахид успокоился. Решил выжидать. ..У входа в грот затараторила сойка. Ее раскатистый крик сообщал о чем-то тревожном. Леопард вмиг проснулся и поднял голову. Вахид до хруста в пальцах сжал нож, подался назад, к стенке грота. Главное, надо располосовать зверю живот. А там...

Сойка еще тревожнее закричала. Эта лесная вещунья кого-то завидела на тропинке. Человека или зверя? Леопард метнулся к выходу. Неужели спасение? Чабан встал и бросился из грота. С ножом в руке побежал по тропинке. Все обошлось благополучно. Вот какой приятный сон принес ему лесной цветок фуонсис!

К. ХРОМОВ

КНИЖНАЯ ПОЛКА

НАРОДНЫХ УЧИЛИЩ ДИРЕКТОР

В декабре 1961 года в своей передовой статье «Владыкой мира будет труд» газета «Правда» писала: «...Двести лет учительствует на русской земле династия Раменских. Как не гордиться такими людьми!»

Об одном замечательном человеке этой династии, Алексее Пахомовиче Раменском, рассказывает А. Никитин в книге «Директор народных училищ А. П. Раменский», вышедшей недавно в Пермском книжном издательстве.

Алексей Пахомович в молодости своей работал с Ильей Николаевичем Ульяновым — отцом Ленина, а тридцать пять лет жизни он отдал делу народного образования на Урале.

Свой поиск автор книги начал с письма, которое прислал внуку А. П. Раменского Антонину Аркадьевичу Раменскому старый учитель

Егор Иванович Пастухов. В нем между прочим говорилось:

«Посылаю с этим письмом все, что передал мне Алексей Пахомович: «Письмовник» за 1811 год с записями ваших



предков, книгу Карамзина с автографом, книгу Ленина о хлебе, пятак императрицы Екатерины. Все-таки память.

Книгу А. С. Пушкина с дарственной надписью вашему прадеду в память о посещении Берново, где была мельница, описанная в «Русалке», выпросили у меня пионеры в местный музей...»

Итак, письмо рождало много загадок. При каких обстоятельствах книги с автографами известных русских писателей попали к Раменским? Где и когда состоялась встреча Алексея Пахомовича Раменского с Владимиром Ильичем Лениным? Что это за пятак императрицы? И главное — чем ознаменовалась долготелая деятельность А. П. Раменского в Перми?

А. Никитину пришлось проделать большой следопытский путь, прежде чем он сумел ответить на эти вопросы.

В результате — интересная книга о нашем земляке, страстном поборнике народного просвещения.

Е. К.

В НОМЕРЕ:

БРАТСТВО. Олег Поскребышев. Стихотворение	1
В ОГНЕННОМ КОЛЬЦЕ. М. Голубых	2
ЗАВОДСКИЕ СЛЕДОПЫТЫ	3
СОРАТНИЦА АНДРЕЯ. А. Бычкова, член КПСС с 1906 года. Воспоминания	4
НОВОСЕЛЫ. Юрий Трифонов. Стихотворение	9
НЕБЕСНАЯ ХОЗЯЙКА. В. Дебердеев. Очерк.	12
ГОРОДА-ТЕЗКИ. А. Брылин	15
ОНА ПОВТОРИЛА ПОДВИГ. Мих. Секрет	17
СЛЕДОПЫТЫ СООБЩАЮТ	18
ДЕЛО. Ю. Хазанович. Документальная повесть. Продолжение	19
ЗЕЛЕНАЯ ЛАМПА С УРАЛА. П. Казанцев	40
ИНЖЕНЕРНАЯ ПСИХОЛОГИЯ. С. Другаль, кандидат технических наук	42
ФАРСАНЫ. С. Слепынин. Фантастическая повесть. Окончание	44
САШОК. В. Ляхницкий. Новеллы	65
СЛУЖУ ПРИРОДЕ. Г. Бабаков. Записки охотоведа	70
СКАЗКА НЕ КОНЧАЕТСЯ. Л. Фомин. Рассказ	76
В ЛОГОВЕ ЛЕОПАРДА. К. Хромов	79
НАРОДНЫХ УЧИЛИЩ ДИРЕКТОР. Е. К. Книжная полка	79
МИР ЧУДЕСНЫХ УВЛЕЧЕНИЙ. Ю. Сакнынь	80

Обложка С. Киприна.

МИР ЧУДЕСНЫХ УВЛЕЧЕНИЙ

Почти в каждом человеке есть коллекционерская «жилка». У одних она проявляется очень ярко и становится одной из целей жизни, настоящим подвижничеством, у других — замирает где-то на стадии собирательства портретов киноартистов или подборки модных галстуков.

Но как бы то ни было, величественные собрания Эрмитажа, Лувра, Третьяковки и других знаменитых и малоизвестных музеев существуют благодаря увлечениям и стараниям коллекционеров прошлого.

У нас на Урале большую известность имеет собрание коми-пермяцкой деревянной скульптуры в городе Перми, обязанное энтузиазму и коллекционерской страсти Н. Н. Серебренникова.

На основе частных пожертвований возникла в прошлом веке при Уральском обществе любителей естествознания (УОЛЕ) замечательная коллекция книг по вопросам уральского краеведения. В настоящее время это одна из крупнейших на Урале научная библиотека, находящаяся при Свердловском краеведческом музее.

И сейчас во многие государственные хранилища продолжают поступать коллекции отдельных энтузиастов, пополняя сокровищницы человеческого таланта, человеческого разума.

К слову сказать, совсем недавно в газетах промелькнуло небольшое сообщение о том, что бакинский коллекционер Пахомов завещал свое богатейшее нумизматическое собрание в 46 тысяч монет государству. Видный советский нумизмат профессор Спасский говорит, что коллекция представляет огромную, неподдающуюся точному определению ценность.

Список примеров можно было бы продолжить.

Но пока у нас речь шла о значительных собраниях, имеющих большое культурное и общественное значение. Однако, если у вас, читатель, имеется даже очень скромная коллекция марок или открыток и вы только что приобщились к великой армии коллекционеров — не огорчайтесь и не стесняйтесь этого увлечения. Вы одержимы большим делом.

Но это справедливо лишь в том случае, если вы будете не механически накапливать марки или монеты, а подойдете к своему занятию творчески, с большой любознательностью рассматривая каждую вещь, анализируя, выявляя интересные детали, ее историю, происхождение.

Перед вами откроется целый мир.

Ю. САКНЫНЬ,

свердловский коллекционер

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ:

«ОТ СМЕРТИ НА СЕКУНДУ» — документальный рассказ Л. Обухова о беспримерном рейде советской подводной лодки во время Великой Отечественной войны.

Как была разгадана одна из тайн Солнца? В погоне за молекулой. Об этом рассказывает очерк Марселя Гафурова «ОХОТНИК ЗА НЕВИДИМКАМИ».

Технический редактор
Э. Максимова.

Рукописи
не возвращаются.

Корректор
В. Бурангулова.

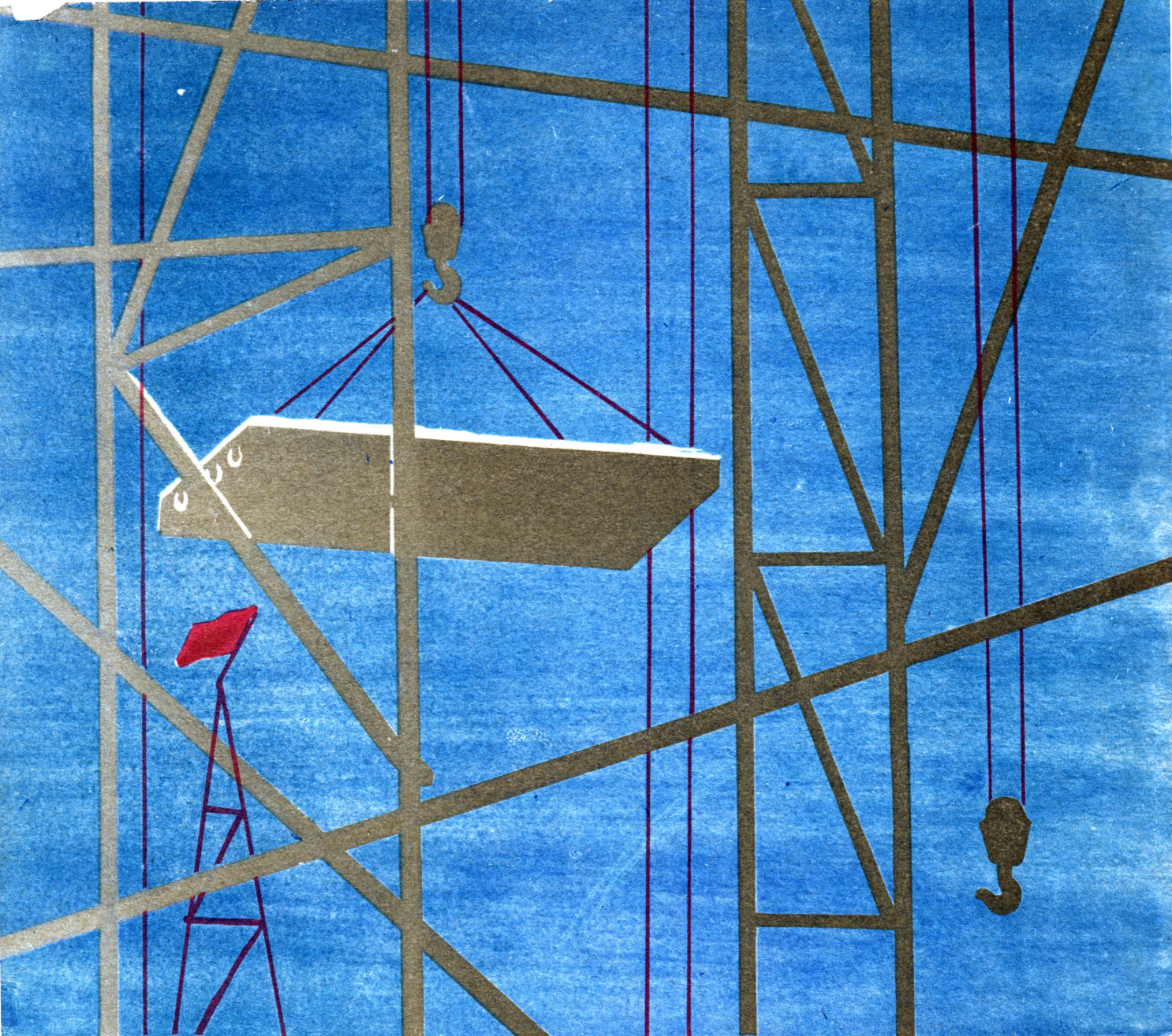
Адрес редакции: Свердловск, ГСП 353, ул. Малышева, 36, комн. 79 и 87.
Телефоны Д1-22-40, Д1-26-01, редакция, Д8-04-09, производ. отдел.
Средне-Уральское Книжное Издательство.

Подписано к печати 15/II 1966 г. Бумага 84×108/16=2,62 бум. л.—8,61 печ. л.—12,08 уч.-изд. л.
НС 20091. Тираж 110 000. Цена 30 коп. Заказ 11.

Типография издательства «Уральский рабочий», Свердловск, проспект Ленина, 49.
Обложка и вклейка отпечатаны на Свердловской фабрике офсетной печати.



Значков, посвященных женщинам и их празднику — Международному женскому дню 8 Марта — много. Некоторые из них публикуются на этой странице.



30 коп.

73413

Главный редактор И. АКУЛОВ.
Редколлегия: А. АСС, В. АСТАФЬЕВ, В. ВОЛОВИЧ, М. ГРОССМАН, МУСА ГАЛИ,
В. ЖИТЕНЕВ, С. ЗАХАРОВ (ответственный секретарь), В. КРАПИВИН, Ю. КУРОЧКИН,
А. МАЛАХОВ, Н. НИКОНОВ, Л. РУМЯНЦЕВ, И. ТАРАБУКИН (зам. главного редактора),
Ю. ХАЗАНОВИЧ, В. ШУСТОВ.